

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

Основан в 2006 г.
Выходит 4 раза в год

№ 1 (64) 2023

JOURNAL

OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Founded in 2006
Published 4 times a year

ВОЛГОГРАД — 2023

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Б. П. Смагоринский, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

А. П. Алексеев, заместитель начальника Волгоградской академии МВД России (по научной работе), кандидат юридических наук, доцент.

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

М. С. Колосович, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

С. М. Голятина, преподаватель кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Состав редакционного совета

А. П. Алексеева, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент.

А. А. Аубакирова, начальник кафедры профессионально-психологической подготовки и управления ОВД Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени М. Есбулатова, старший научный сотрудник кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы Южно-Уральского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

М. Т. Аширбекова, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

М. В. Бавсун, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

М. В. Бобовкин, профессор кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

В. Г. Глебов, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор.

О. П. Грибунов, директор Иркутского юридического института — филиала Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

И. С. Дикарев, начальник института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

О. Б. Дронова, профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Подписной индекс
в каталоге «Пресса
России» — 22761.

Сайт журнала:
www.va-mvd.ru/vestnik/

Редактор
Т. В. Рассказова

Компьютерная верстка
Н. А. Доненко

Адрес редакции
и издателя:
400075, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Историческая, д. 130.

Подписано в печать:
22.03.2023.

Дата выхода в свет:
27.03.2023.

Формат 60X84/8.
Гарнитура Arial.
Физ. печ. л. 19,5.
Усл. печ. л. 18,1.
Тираж 500 экз. (1 – 300).
Заказ 9.

Цена по подписке
на 2023 г.
по каталогу
«Пресса России»
1510 руб. 00 коп.
(2 номера)

Отпечатано
в ОПиОП РИО
ВА МВД России.
400005, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Коммунистическая, д. 36.

© Волгоградская
академия
МВД России, 2023

Н. А. Егорова, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

С. Г. Еремин, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. А. Зайцева, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. И. Замылин, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

С. В. Катков, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

В. Л. Кубышко, начальник Департамента государственной службы и кадров МВД России, кандидат педагогических наук.

Л. В. Лобанова, заведующий кафедрой уголовного права института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

В. Ф. Луговик, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Ненад Милич, проректор по учебной работе Криминалистического полицейского университета (Сербия), доктор юридических наук, профессор.

Д. М. Миразов, начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин Университета общественной безопасности Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор.

А. Л. Осипенко, заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор.

Н. В. Павличенко, главный научный сотрудник по изучению проблем истории МВД России научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Г. А. Печников, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

А. В. Победкин, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

В. А. Ручкин, профессор кафедры судебной экспертизы и физического материаловедения Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

А. С. Самоделкин, начальник НИЦ № 2 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, доктор юридических наук, доцент.

К. К. Сейтенов, профессор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор.

О. В. Стрилец, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Ю. С. Чичерин, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

М. А. Шматов, профессор кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

С. А. Янин, профессор кафедры организации следственной работы учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ISSN 2074-8183

Вестник Волгоградской
академии МВД России /
Journal of the Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia. —
Volgograd :
VA MVD Rossii, 2023. —
No 1 (64). — 156 p.

**Founder
and publisher —
Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia**

Journal founded in 2006
Published 4 times a year
circulation
500 copies

The journal is included
in the list of peer-reviewed
scientific journals
and publications,
where main research results
of doctoral dissertations
should be published

The journal is included
into the system Russian
index scientific citation.
Full-text versions of articles
and bibliographic lists
are placed on the Scientific
electronic library
(www.elibrary.ru)

The Journal is registered
at the Federal Service
for Supervision
of Communications,
Information Technology
and Mass Media.
Certificate number
PI № FS77-75804
as of May 23, 2019

Subscription
at the catalogue
"Pressa Rossii" – **22761**

Site of journal:
www.va-mvd.ru/vestnik/

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

No 1 (64)
2023

EDITOR-IN-CHIEF

B. P. Smagorinsky, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Senior Researcher of Research Institute of Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation.

DEPUTY CHIEF EDITOR

A. P. Alekseev, Deputy Head of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia for Scientific Work, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

SCIENCE EDITOR

M. S. Kolosovich, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

EXECUTIVE SECRETARY

S. M. Golyatina, lecturer at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

The editorial council

A. P. Alekseeva, Professor at the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of Kaliningrad Branch of Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

A. A. Aubakirova, Head of the Department of Professional and Psychological Training and Management of Internal Affairs Bodies of the Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Esbulatov, Senior Researcher of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Forensic Examination of the South Ural State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

M. T. Ashirbekova, Professor at the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

M. V. Bavsun, Deputy Head of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia for Scientific Work, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

M. V. Bobovkin, Professor at the Document Examination Department of the Training and Scientific Complex of Forensic Examination of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior Affairs of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. G. Glebov, Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Juridical Sciences, Full Professor.

O. P. Gribunov, Head of the Irkutsk Law Institute (Branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

I. S. Dikarev, Head of the Law Institute of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

O. B. Dronova, Professor at the Department of Criminalistic Techniques of the Training and Scientific Complex of Expert Criminalistic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

N. A. Egorova, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

Editor
T. V. Rasskazova

DTP
N. A. Donenko

Address of the editorial
and publishing office:
400075, Volgograd region,
Volgograd,
Istoricheskaya street, 130.

Signed to print:
22.03.2023.

Date of publication:
27.03.2023.

Format 60X84/8.
Font Arial.
Physical print sheets 19,5.
Conventional print sheets 18,1.
500 copies (1 – 300).
Order 9.

Subscription price
for the 2023
according by catalogue
"Pressa Rossii"
1510 rub. 00 kop.
(2 number).

Printed at the printing
section of Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia.
400005, Volgograd region,
Volgograd,
Kommunisticheskaya street, 36.

© Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
2023

S. G. Eremín, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. A. Zaitseva, Professor at the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. I. Zamylin, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

S. V. Katkov, Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

V. L. Kubyshko, Head of the Department of the Civil Service and Personnel of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences.

L. V. Lobanova, Head of the Criminal Law Department of the Law Institute of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. F. Lugovik, Professor at the Operational-Investigative Activity Department of the Interior Bodies of the Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Nenad Milić, Vice-Rector for teaching of the University of Criminal Investigation and Police Studies (Serbia), Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

D. M. Mirazov, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of University of Public Safety of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. L. Osipenko, Deputy Head of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia for Scientific Work, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

N. V. Pavlichenko, Chief Researcher for the Study of Problems of the History of the Ministry of the Interior of Russia of the Research Center of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

G. A. Pechnikov, Professor at the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. V. Pobedkin, Head of the Department of Criminal Policy of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. A. Ruchkin, Professor at the Department of Forensic Examination and Physical Materials Science of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. S. Samodelkin, Head of the Research Center No. 2 of the National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

K. K. Seitenov, Professor at the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

O. V. Strilets, Professor at the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

Yu. S. Chicherin, Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

M. A. Shmatov, Professor at the Department of Preliminary Investigation of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

S. A. Yanin, Professor at the Investigation Work Organization Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Басханов А. М.
Институт поощрения в уголовном
законодательстве: история и перспективы

9

Бугера Н. Н.
Сбыт наркотических средств через
тайники-закладки: правоприменительный аспект

16

Колосович М. С., Алексеева А. П., Глебов В. Г.
Современные меры предупреждения
преступлений против половой
неприкосновенности и половой свободы
несовершеннолетних (часть 1)

22

Плешаков А. М., Шкабин Г. С.
Квалификация мародерства
и его отграничение от иных преступлений

39

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Дикарев И. С.
Временное помещение в медицинскую
организацию, оказывающую психиатрическую
помощь в стационарных условиях,
как мера процессуального принуждения

45

Насонов А. А.
Согласие как необходимое условие
прекращения уголовного дела
по нереабилитирующим основаниям

51

Чурикова А. Ю., Лавнов М. А.
Типология уголовного процесса
и правовая модель деятельности прокурора

57

КРИМИНАЛИСТИКА

Домовец С. С.
О специфике совершения
и выявления хищений чужого имущества
в сфере экспресс-доставки

65

Замылин Е. И.
Гипнорепродукция: уникальная возможность
получения искомой информации
в ходе расследования или «околонаучный»
метод (размышления криминалиста)

70

CONTENTS

CRIMINAL LAW, CRIMINOLOGY, PENAL LAW

Baskhanov A. M.
Incentive institution in criminal legislation:
history and prospects

Bugera N. N.
Narcotic drug distribution through caches:
law enforcement aspect

Kolosovich M. S., Alexeeva A. P., Glebov V. G.
Current measures to prevent crimes
against sexual inviolability
and sexual freedom
of minors (part 1)

Pleshakov A. M., Shkabin G. S.
Qualification of looting
and its' delimitation from other crimes

CRIMINAL PROCEDURE

Dikarev I. S.
Temporary placement into
a medical organization
providing psychiatric care in stationary conditions
as a measure of procedural coercion

Nasonov A. A.
Consent as a necessary condition
for the termination of a criminal case
on non-rehabilitating grounds

Churikova A. Yu., Lavnov M. A.
Typology of criminal proceedings
and legal model of the prosecutor's activity

CRIMINALISTICS

Domovets S. S.
On the specifics of the commission
and detection of theft of other people's property
in the field of express delivery

Zamylin E. I.
Hypnoreproduction as a unique opportunity
to obtain the necessary information
while investigating or a "pseudoscientific"
method (a criminalist's thoughts)

Климова Я. А.
Искусственный интеллект и цифровые доказательства в расследовании преступлений, совершенных с использованием современных информационно-коммуникационных технологий

81

Klimova Ya. A.
Artificial intelligence and digital evidences while investigating crimes committed through the use of modern information and communication technologies

Кошманов П. М., Досова А. В., Греков Л. И., Глухова Д. А.
Подложный документ как след в структуре криминалистической характеристики мошенничества

88

Koshmanov P. M., Dosova A. V., Grekov L. I., Glukhova D. A.
Forged document as a trace in the structure of the forensic characteristics of fraud

Решняк О. А.
Современные способы совершения преступлений с использованием IT-технологий и проблемы расследования

94

Reshnyak O. A.
Modern ways of committing crimes with the use of IT-technologies and problems of investigation

ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES

Артюхов А. В., Корнаухова Н. Г.
Организационно-правовые основы участия граждан в розыске лиц, пропавших без вести
(по материалам Главного управления МВД России по Волгоградской области)

101

Artyukhov A. V., Kornaukhova N. G.
Organizational and legal basis related to citizens' participation while searching for missing persons (based on the materials of the Main department of the Interior Ministry of Russia in the Volgograd region)

Захаров Н. Д.
Особенности проведения отдельных оперативно-разыскных мероприятий при выявлении и раскрытии преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет

108

Zakharov N. D.
Specifics of making some detective and search activity while detecting and solving crimes against sexual inviolability of minors to be committed using the Internet

Иванов С. И.
Концептуальные основы оперативно-разыскных операций органов внутренних дел как предмет научного исследования

116

Ivanov S. I.
Conceptual bases of operative-investigative operations of internal affairs bodies as a subject of scientific research

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

WORD TO A YOUNG SCIENTIST

Дубова М. Е.
Защита чести и достоинства лиц, выполняющих полицейские функции, от дискредитации в дореволюционной России: уголовно-правовой аспект

123

Dubova M. E.
Protection of the honor and dignity of persons performing police functions from discrediting in pre-revolutionary Russia: criminal-legal aspect

- Кокушев А. Б.*
Основные направления совершенствования
нормативно-правовой базы, регламентирующей
использование информационных систем
оперативно-криминалистическими
подразделениями МВД Республики Казахстан
- Кубицки А. В.*
Перспективные направления повышения
эффективности противодействия
незаконному обороту
винодельческой продукции
- Чан Фи Лонг*
Цели наказания в уголовном праве
Социалистической Республики Вьетнам
- 130 *Kokushev A. B.*
Major directions for improving the legal
and regulatory framework governing the use
of information systems by operational
and forensic units of the Ministry of Internal Affairs
of the Republic of Kazakhstan
- 136 *Kubitsky A. V.*
Promising trends to increase
efficiency of counteraction
to illegal trafficking wine products
- 145 *Chan Phi Long*
Aims of punishment in the criminal law
of the Socialist Republic of Vietnam

УДК 343.132.7
doi 10.25724/VAMVD.A069

ИНСТИТУТ ПОощРЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ахмед Магомедович Басханов

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия
axmed.basxanov.95@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу системы поощрения граждан, оказывающих содействие правоохранительным органам Российской Федерации в раскрытии и расследовании преступлений. Автор исследует исторический опыт регламентации института поощрения, который закреплялся наряду с прикосновенными деяниями и использовался властными структурами для борьбы с преступностью. Рассматривается генезис института поощрения в зарубежном законодательстве, а также его законодательное закрепление в современном праве ряда государств. Автор приводит мнения представителей научного сообщества о том, что система поощрения должна существовать как определенное правовое явление. Отмечается также нравственный аспект использования стимулирования граждан на оказание содействия в борьбе с преступностью. В работе особое внимание уделяется наличию различных нормативных правовых актов, закрепляющих систему поощрения.

Формулируется оригинальная позиция по теме исследования. Автор приходит к выводу о необходимости создания единого правового документа, регламентирующего систему поощрения.

Ключевые слова: прикосновенность к преступлению, донос, информаторство, недонесение, несообщение о преступлении, поощрение

Для цитирования: Басханов А. М. Институт поощрения в уголовном законодательстве: история и перспективы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 1 (64). С. 9—15. doi: 10.25724/VAMVD.A069

INCENTIVE INSTITUTION IN CRIMINAL LEGISLATION: HISTORY AND PROSPECTS

Ahmed Magomedovich Baskhanov

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, axmed.basxanov.95@mail

Abstract. The article is concerned with a comprehensive analysis of the incentive system for citizens who assist law enforcement agencies of the Russian Federation in the exposure and investigation of crimes. The author examines the historical experience of regulating the incentive institution, which was formalized along with involving acts and was used by power structures to combat crime. The genesis of the incentive institution in foreign legislation is considered, as well as its legislative consolidation in the modern law of a number of states. The author cites the opinions of figures from scientific community that the incentive system should exist as a certain legal phenomenon. The moral aspect of stimulating citizens in order to assist combating crime is also noted. This work focuses on the presence of various regulatory legal acts that formalize the incentive system.

An original position on the research topic is formulated. The author comes to the conclusion that it is necessary to create a single legal document regulating the incentive system.

Keywords: involvement in a crime, denunciation, informing, withholding information, failure to report a crime, incentive

For citation: Baskhanov A. M. Incentive institution in criminal legislation: history and prospects. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 9—15, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A069

Проблемы, связанные с поощрением лиц, оказывающих содействие органам власти в выявлении преступлений, являются весьма сложными и спорными, поскольку вступают в конфликт мораль и право, что делает их очень тяжелыми для решения. Возникает вполне закономерный вопрос: а стоит ли стимулировать прикосновенных лиц путем поощрения к содействию органам власти в выявлении преступлений или это все же должно оставаться на усмотрение каждого гражданина? Так, российский юрист, доктор права А. В. Лохвицкий высказывался в пользу установления уголовной ответственности за недонесение о преступлении: «Если я знаю, что такой-то собирается убить моего согражданина, сжечь его дом, то я обязан предупредить угрожаемое лицо или полицию, не только по чувству человеколюбия, но и вследствие той солидарности, которая существует между гражданами одного государства; если я знаю виновника преступления, то, по тем же причинам, я обязан открыть его, — иначе преступление останется не наказанным, — великое зло, или будет наказан не тот, кто совершил его, а невинный, — зло еще большее. Дело общее есть дело личное каждого гражданина» [1, с. 160].

Поиском способов уменьшения уровня латентности преступлений занимаются многие ученые. Однако в настоящий момент одним из самых эффективных остается стимулирование поощрением. М. Йотсен, рассматривая способы увеличения числа сообщений о преступлениях, выделял и метод поощрения [2, с. 231]. Данный метод известен с давних времен и использовался он в тех случаях, когда у государства была острая нужда в помощи населения для борьбы с преступностью, представляющей угрозу безопасности государственной целостности, общества и граждан, или для привлечения к содействию в поиске без вести пропавших или розыска лиц. Н. С. Косякова считала, что есть необходимость в использовании данного метода [3, с. 165].

А. А. Лихолетов считает, что «для активизации населения и инициативного привлечения граждан к противодействию игорному бизнесу необходимо продумать и закрепить на законодательном уровне положения о материальном стимулировании лиц, предоставляющих в правоохранительные органы информацию о функционирующих объектах игорного бизнеса» [4, с. 153].

Поощрение доносчиков существовало и в древней Греции. Доносчики (сикофанты) поощрялись при подтверждении политических обвинений частью конфискуемого имущества, но при ложном обвине-

нии могли быть преданы суду сами¹. В Древние времена у казахов полагалось давать вознаграждение (сүйінші) за то, что человек указал на вора или помог раскрыть преступление².

В философско-политическом трактате «Шан цзюнь шу» говорилось о поощрении доносов: «Если наказания будут применяться по отношению к уже совершенным преступлениям, то злодейств прекратить не удастся. Поэтому тот, кто хочет добиться контроля, должен применять наказания к проступкам, которые только готовятся... Награды должны даваться тем, кто сообщает о злодеяниях» [5, с. 47—48]. В Древнем Китае существовала система ответственности государственных служащих. Чиновники любого ранга должны были сообщать о преступных намерениях коллеги и даже о его проступке. За недонесение следовало наказание. Однако и здесь существовала система поощрения. Чиновник, который донес, получал награды и повышение по службе. Данная система была очень выгодна для правителя, потому что так он мог контролировать чиновников, получать информацию о готовящихся преступлениях и о проступках чиновника на службе [5, с. 49].

Институт поощрения тесно связан с такой формой института прикосновенности к преступлению, как несообщение о преступлении. Система поощрения существовала наряду с ответственностью за прикосновенные деяния и являлась инструментом по их стимулированию в оказании содействия правоохранительным органам.

В Древней Руси система поощрения упоминается в Пространной редакции Русской Правды, где в ст. 113 говорится, что если кто-то переманит холопа и даст знать господину, то он получит вознаграждение, но если упустит беглеца, то он должен будет заплатить господину 4 гривны за холопа и 5 за раба [6, с. 77].

В Соборном уложении 1649 г. также предусматривалось поощрение доносов. Оно находит свое отражение в ст. 24—28 гл. XVI «О поместных землях», согласно которым донос о нарушениях использования поместий вознаграждался передачей в руки доносчика части или всех поместий [7, с. 167—168].

¹ Государство и право Древней Греции. URL: https://studwood.ru/816521/pravo/ugolovnoe_pravo (дата обращения: 21.06.2022).

² Кого изгоняли из общины, а кому давали сүйінші. URL: <https://www.caravan.kz/gazeta/pytka-dlya-kochevnikapochemu-u-kazakhov-ne-bylo-tyurem-i-kakoe-nakazanie-schitalos-samym-strashnym-640782/> (дата обращения: 22.06.2022).

17 марта 1714 г. Петром I был издан «Указ о фискалах и о их должности и действии», в котором были определены их полномочия. Фискалы должны были осуществлять контроль и надзор за соблюдением законности. В их обязанности входило тайно следить за неправильным судопроизводством и немедленно сообщать Его Императорскому Величеству. В случае несообщения фискал подвергался казни. Кроме того, согласно Приказу тайных дел, за государственные преступления граждане обязывались доносить. В это время у населения складывается негативное отношение к доносам. Так и появилось выражение за «слово и дело», даже «за просто» сказанное плохое слово следовало наказание. За правильный или же подтвержденный донос следовало щедрое вознаграждение¹.

Система поощрений предусматривалась и в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Согласно ст. 1130 доносчику полагалась часть неправильно скупленного товара [8, с. 464]. За незаконное «маклерство во вред коммерции» виновник подвергался денежному взысканию, а часть из этих денег отдавалась доносчику [8, с. 673].

В советские времена при И. В. Сталине была создана концепция «усиления классово-борьбы по мере завершения строительства социализма». И. В. Сталин призвал чиновников и граждан быть бдительными и готовыми разоблачать врагов. Начала работать сильнейшая пропаганда по информированию людей о том, что необходимо выявлять врагов народа; доносы на друзей, родных, соседей, сослуживцев стали нормой. Информация о «злостных вредителях» звучала в театрах и на киносеансах, о них писали в газетах и книгах. В соответствии с изменениями, внесенными в 1934 г. в УК РСФСР 1926 г., в ст. 58-1в указывалось, что «в случае побега или перелета за границу военнослужащего, совершеннолетние члены его семьи, если они чем-либо способствовали готовящейся или совершенной измене, или хотя бы знали о ней, но не довели об этом до сведения властей, караются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией всего имущества». В соответствии со ст. 58-1г УК РСФСР 1926 г. «недонесение со стороны военнослужащего о готовящейся или совершенной измене влекло за собой лишение свободы на десять лет». Статья 58.12 УК РСФСР 1926 г. устанавливала ответственность для всех

остальных граждан за «недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении»². Государство при этом не устанавливало ответственности за несообщение о других, даже самых тяжких преступлениях; система обязательных доносов с весьма жесткими санкциями за недонесение была установлена только для контрреволюционных преступлений. Массовое доносительство прямо поощрялось властью и расцвело именно при Сталине.

В ряде зарубежных стран институт поощрения распространен достаточно широко. В США Законом «О гражданских инициативах» 1989 г. (Whistleblower Protection Act, P.L.101-12) запрещается увольнение, дискриминация или другие репрессивные действия в отношении работника федерального органа власти, который сообщил о действительном или предполагаемом нарушении закона своему работодателю, правоохранительным органам, СМИ или общественной организации (предусматривается также защита интересов работодателя от недобросовестных информаторов). За свою антикоррупционную активность американцы могут получить денежное вознаграждение.

Национальной антикоррупционной комиссией Таиланда разработана и одобрена стратегия по борьбе с коррупцией, включающая в себя четыре направления. Одно из направлений предполагает выработку пошагового и всеохватывающего PR-плана по сбору статистики и исследовательских данных, касающихся коррупции, а также по продвижению антикоррупционного мышления в СМИ. В рамках плана предусматривается создание каналов, дающих возможность быстрого и безопасного информирования населением правоохранительных органов о фактах коррупции, а также разработка инициатив по поощрению информаторов.

В Великобритании поощрение доносов является одним из инструментов борьбы с коррупционными преступлениями, которые позиционируются как проявление активной гражданской позиции. Именно доносы, поступающие от общественности, экспертов неправительственных организаций и СМИ, являются основой ряда громких антикоррупционных дел³.

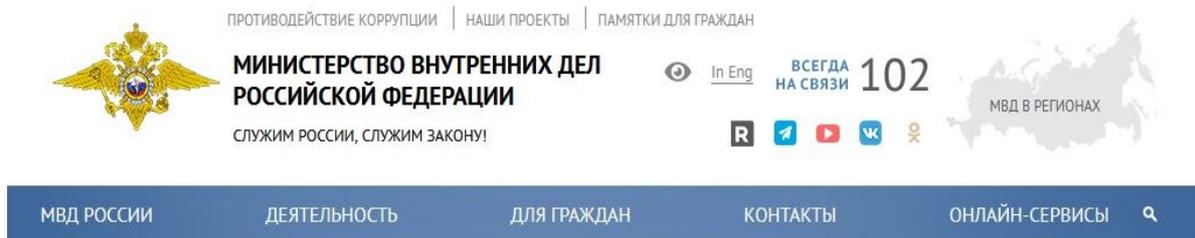
² О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года (вместе с Уголовным Кодексом РСФСР): постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. (ред. от 25.11.1935). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Иностраный опыт борьбы с коррупцией и повышение антикоррупционного правосознания граждан. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/protivodejstvie-korruptcii/inostrannyj-opyt-borby-s-korruptciej/> (дата обращения: 27.06.2022).

¹ Список актов конституционного значения 1600—1918 гг. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2007/> (дата обращения: 25.02.2023).

В настоящее время институт поощрения является достаточно распространенной формой стимулирования содействия граждан в раскрытии и расследовании преступлений, розыске преступников, а также без вести пропавших лиц.

Например, на сайте МВД России в разделе «Внимание, розыск» имеется информация о лицах, находящихся в розыске, и размере вознаграждения за оказание содействия в предоставлении сведений.

[Главная](#) → [Дополнительные страницы](#) → [Внимание, розыск!](#) → Поиск

Внимание, розыск!

Наиболее опасные разыскиваемые преступники

МВД России просит граждан помочь в розыске преступников, совершивших особо тяжкие преступления. Сумма вознаграждения за помощь в розыске - **1 миллион рублей** за каждого из разыскиваемых.

Всем, кто располагает информацией, просьба звонить по телефонам:

Рис. Объявление на официальном сайте МВД России¹

К мерам по стимулированию в случаях пропажи несовершеннолетних или других резонансных преступлений также прибегают и главы регионов. Такую практику уже третий раз применяют в Волгоградской области: Губернатор Андрей Иванович Бочаров объявлял вознаграждение за оказание содействия в поимке преступника, убившего в Волгограде семнадцатилетнего студента-медика².

Однако в законодательстве России не имеется единого нормативного документа, который регулировал бы институт поощрения и размеры выплат за содействие. Упоминание о системе поощрения находится в разрозненных нормативных правовых актах.

Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 26.05.2021) в ст. 25 «Вознаграждение за содействие борьбе с терроризмом» регулирует правоотношения, связанные с поощрением. Согласно ч. 1 ст. 25 данного закона «лицам, оказывающим содействие в выявлении, предупреждении, пресечении, раскрытии и расследовании террористического акта, выявлении и задержании лиц, подготовли-

вающих, совершающих или совершивших такой акт, из средств федерального бюджета может выплачиваться денежное вознаграждение». Согласно ч. 2 ст. 25 «источники финансирования выплат денежного вознаграждения устанавливаются Правительством Российской Федерации»³.

Ранее данный институт в России существовал негласно, информация о выплатах не афишировалась в СМИ, в официальных нормативных актах о них не упоминалось. Так называемым толчком и правовой основой для предания огласке поощрения предоставления информации о преступлениях и лицах, их совершивших, стало, на наш взгляд, присоединение России к Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма (СЕТС N 196) в рамках международного сотрудничества в борьбе с преступностью. Согласно п. 4 ст. 3 данной конвенции «каждая Сторона стремится к улучшению просвещения общественности в отношении существования, причин, тяжести и опасности террористических преступлений и преступлений, предусмотренных настоящей Конвенцией, и рассматривает вопрос о поощрении общественности к оказанию реальной, конкретной помощи его компетентным органам, которая может внести

¹ Официальный интернет-сайт МВД России. URL: <https://mvd.rf/wanted> (дата обращения: 27.06.2022).

² В Волгограде объявили вознаграждение за помощь в раскрытии преступления. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/232137957> (дата обращения: 09.01.2023).

³ О противодействии терроризму: федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 26.05.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

вклад в предупреждение террористических преступлений и преступлений, предусмотренных настоящей Конвенцией»¹.

На уровне отраслевого правового регулирования стоит упомянуть закрепленное в гл. 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации² досудебное соглашение о сотрудничестве, являющееся своего рода поощрением, стимулированием подозреваемых, обвиняемых на оказание содействия органам предварительного расследования. Таким образом, система поощрения может включать в себя не только денежные выплаты. В связи с этим, на наш взгляд, как один из вариантов урегулирования института поощрения можно рассматривать закрепление данного правового явления в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве.

Не так давно был принят приказ МВД России «Об утверждении положения о назначении и выплате полицией вознаграждения за помощь в раскрытии преступлений и задержании лиц, их совершивших» от 6 июня 2018 г. № 356³. В данном приказе приведены основания объявления о выплате вознаграждения, пределы его размеров, порядок объявления и организации выплат. Однако с изданием данного приказа в обществе и в СМИ появились негативные высказывания из-за того, что это может способствовать процветанию доносов. В соответствии с данным приказом инициатором выплат выступает полиция, т. е. в случае необходимости использования помощи населения полиция может объявить вознаграждение за оказание содействия в раскрытии преступления и задержание лиц, их совершивших.

Рассматривавшие данную проблему Г. А. Рукавишников и А. И. Музеев считают, что «с точки зрения юридической техники целесообразнее урегулировать этот вопрос на уровне ведомственного нормативного правового акта МВД России откры-

того характера, что, собственно, и было реализовано путем принятия названного Положения» [9].

Полагаем, данный метод требует особой деликатности и тщательного нормативного регулирования. При реализации системы поощрения необходимо учитывать такие обстоятельства, как необходимость обеспечения защиты лица, оказывающего содействие правоохранительным органам. Нормативную основу реализации защиты лиц в России составляет ряд федеральных законов:

— Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 06.02.2023) (ч. 4 ст. 3)⁴;

— Федеральный закон «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ⁵;

— Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ⁶;

— Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ст. 17, 18)⁷.

В настоящий момент ведомственные приказы требуют тщательной проработки для эффективного взаимодействия полиции и граждан. Это будет способствовать своевременному решению задач, стоящих перед оперативными подразделениями ведомств, и облегчит сыскную работу. Несмотря на то что существуют различные механизмы взаимодействия граждан с оперативными подразделениями по решению задач, стоящих перед оперативно-розыскной деятельностью, будь то гласное или негласное сотрудничество, оперативный контакт и т. д., тем не менее, существуют и проблемы во взаимоотношениях между ведомствами, которые обязаны бороться с преступностью, и населением.

¹ Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (Варшава, 16 мая 2005 г.). URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/mezhdunarodnye-pravovye-akty/konvenciya-soveta-evropy-o.html> (дата обращения: 27.06.2022).

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об утверждении положения о назначении и выплате полицией вознаграждения за помощь в раскрытии преступлений и задержании лиц, их совершивших: приказ МВД РФ от 6 июня 2018 г. № 356 URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201808160030> (дата обращения: 28.06.2022).

⁴ О противодействии коррупции: федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 06.02.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: федер. закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ (ред. от 01.07.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федер. закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ (ред. от 01.07.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 28.12.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Таким образом, на наш взгляд, следует закрепить систему поощрения как правовой институт. Необходимо выработать единый централизованный нормативный правовой акт для всех ведомств (МВД, ФСБ, ЦПЭ и т. д.) на базе существующего приказа МВД России «Об утверждении положения о назначении и выплате полицией вознаграждения за помощь в раскрытии преступлений и задержании лиц, их совершивших» от 6 июня 2018 г. № 356 и с учетом положений соответствующих федеральных законов. Кроме того, полагаем, сумма выплат должна устанавливаться не в зависимости от должности и места положения в карьерной иерархии, как это установлено в действующем вышеуказанном приказе (пп. 8, 8.1, 8.2, 8.3), а в зависимости

от того, в какой степени лицо оказало содействие оперативным подразделениям, и от степени тяжести преступления. Этому мнению придерживается и Н. С. Железняк, который отмечает, что «нужно исключить порочную практику зависимости выплачиваемых сумм от ранжирования руководителей по их местоположению на служебной лестнице. Определяемая сумма выплаты должна всецело зависеть от вклада конкретного человека в решение задач борьбы с преступностью» [10, с. 46—51]. Целесообразно также информировать население о системе выплат за оказанное содействие в социальных сетях, СМИ и т. д. и тщательно проработать программу защиты свидетелей.

1. Лохвицкий А. В. Курс русского уголовного права. Санкт-Петербург: Журнал М-ва юст., 1867. 662 с.

2. Йотсен М. Латентная преступность и законодательство: национальный и международный опыт // Латентная преступность: познание, политика, стратегия: сб. материалов междунар. семинара. Москва: Изд-во ВНИИ МВД России, 1993. С. 209—231.

3. Косякова Н. С. Прикосновенность к преступлению по российскому уголовному праву: становление, состояние и перспективы развития: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2001. 212 с.

4. Лихолетов А. А. Преступления в сфере игорного бизнеса: уголовно-правовые и криминологические аспекты: монография / под ред. д-ра юрид. наук, доц. Н. А. Егоровой. Волгоград: ВА МВД России, 2015. 232 с.

5. Личность и власть в древнем Китае: собр. тр. Москва: Вост. лит. РАН, 1999. 384 с.

6. Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Москва: Юрид. лит., 1984. Т. 1. 432 с.

7. Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Москва: Юрид. лит., 1985. Т. 3. 512 с.

8. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт-Петербург: Тип. 2 отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1845. 898 с.

9. Рукавишников Г. А., Музеев А. И. Нормативное регулирование порядка объявления о назначении и выплаты вознаграждения за помощь в раскрытии преступлений // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 4 (34). С. 536—544.

1. Lokhvitsky A. V. Course of Russian criminal law. Saint Petersburg: Journal of the Ministry of Justice; 1867: 662. (In Russ.).

2. Jotsen M. Latent crime and legislation: national and international experience. In: Latent crime: knowledge, politics, strategy. Collection of materials of the international seminar. Moscow: Publishing house of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 1993: 209—231. (In Russ.).

3. Kosyakova N. S. Involvement in crime in Russian criminal law: formation, state and development prospects. Abstract of the dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2001: 212. (In Russ.).

4. Likholetov A. A. Crimes in gambling business: criminal law and criminological aspects. Monography. Ed. by N. A. Egorova, doctor of juridical sciences, docent. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2015: 232. (In Russ.).

5. Individual and power in Ancient China. Collected works. Moscow: Eastern Literature. RAS; 1999: 384. (In Russ.).

6. Russian legislation of the X—XX centuries. In 9 vols. Vol. 1. General ed. by O. I. Chistyakov. Moscow: Legal literature; 1984: 432. (In Russ.).

7. Russian legislation of the X—XX centuries. In 9 vols. Vol. 3. General ed. by O. I. Chistyakov. Moscow: Legal literature; 1985: 512. (In Russ.).

8. Code of penalties for criminal and correctional. Saint Petersburg: Typography of 2nd Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery; 1845: 898. (In Russ.).

9. Rukavishnikov G. A., Muzeev A. I. Normative regulation of the procedure for announcing the appointment and payment of remuneration for assistance in solving crimes. Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 536—544, 2018. (In Russ.).

10. Железняк Н. С. К вопросу о необходимости развития отдельных видов содействия сыскной деятельности // Оперативник (сыщик). 2012. № 4 (33). С. 46—51.

Басханов Ахмед Магомедович,
преподаватель кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России;
axmed.basxanov.95@mail.ru

10. Zheleznyak N. S. On the issue of the need to develop certain types of assistance to detective activities. Operative (detective), 46—51, 2012. (In Russ.).

Baskhanov Ahmed Magomedovich,
lecturer at the department of criminal law
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
axmed.basxanov.95@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.01.2023; одобрена после рецензирования 17.01.2023; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 09.01.2023; approved after reviewing 17.01.2023; accepted for publication 31.01.2023.

* * *

УДК 343.575

doi: 10.25724/VAMVD.A070

**СБЫТ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ЧЕРЕЗ ТАЙНИКИ-ЗАКЛАДКИ:
ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Наталья Николаевна Бугера

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, knp.76@mail.ru

Аннотация. В последние годы широкое распространение получил бесконтактный способ незаконного сбыта наркотических средств путем производства тайников-закладок с активным использованием сети Интернет. В связи с этим правоприменитель сталкивается с проблемой квалификации незаконного сбыта наркотических средств в части, касающейся момента окончания деяния при его совершении бесконтактным способом. К сожалению, квалификация преступлений по определению момента окончания сбыта наркотиков бесконтактным способом устанавливается по-разному. В статье рассмотрены различные варианты сбыта, обобщена и проанализирована судебная практика, постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации в рамках представленной темы и предложены правила квалификации действий, связанных со сбытом наркотических средств. Обращено внимание на момент окончания сбыта, указанного в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, и на то, что в материалах уголовных дел отсутствуют именно доказательства того, что приобретателей наркотических средств подыскали сбытчики и сообщили им информацию о месте нахождения данного средства.

Ключевые слова: наркотические средства, тайник-закладка, момент окончания сбыта, сбыт, покушение, передача, бесконтактный способ, незаконный оборот, реализация, судебная практика

Для цитирования: Бугера Н. Н. Сбыт наркотических средств через тайники-закладки: правоприменительный аспект // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 1 (64). С. 16—21. doi: 10.25724/VAMVD.A070

**NARCOTIC DRUG DISTRIBUTION THROUGH CACHES:
LAW ENFORCEMENT ASPECT**

Natalia Nikolaevna Bugera

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, knp.76@mail.ru

Abstract. In recent years, a non-contact method of illegal distribution of narcotic drugs through the making of caches with the active use of the Internet has become widespread. In this connection, the law enforcement officer is faced with the problems of qualifying the illegal distribution of narcotic drugs with regard to the moment the act ends when it is committed in a non-contact way. Unfortunately, the qualification of crimes regarding determination of the moment of drugs distribution end in a non-contact way can be determined in different ways. The article discusses various distribution options, summarizes and analyzes judicial practice, the decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation within the framework of this issue, and proposes rules for qualifying actions related to narcotic drug distribution. Attention is drawn to the end of distribution indicated in the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and to the fact that in the files of criminal cases there is no specific evidence that the purchasers of narcotic drugs were found by the distributors and they were informed about the location of this drug.

Keywords: narcotic drugs, cache, end point, distribution, attempt, transfer, non-contact method, illegal trafficking, sale, judicial practice

For citation: Bugera N. N. Narcotic drug distribution through caches: law enforcement aspect. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 16—21, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A070

Незаконный оборот наркотических средств (наркотиков) — сложный и многофакторный процесс. Самый распространенный способ реализации наркотиков — это продажа. В последние годы широкое распространение получил неконтактный способ незаконного сбыта наркотиков путем производства тайников-закладок через Интернет. Такой способ сбыта породил в правоприменительной деятельности проблемы, связанные не только с раскрытием таких преступлений, но и с квалификацией, а именно определением момента окончания сбыта наркотиков путем закладки.

В целом незаконный сбыт наркотических средств следует считать «оконченным преступлением с момента выполнения лицом всех необходимых действий по передаче приобретателю наркотических средств независимо от их фактического получения приобретателем» (п. 13.1 Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 14)¹. Согласно п. 13 передача наркотиков возможна путем сообщения о месте их хранения приобретателю, проведения закладки в обговоренном с приобретателем месте, поэтому такие действия уже образуют часть объективной стороны незаконного сбыта наркотического средства. Сбыт наркотического средства — это незаконная деятельность лица, направленная на его возмездную либо безвозмездную реализацию другому лицу. Термин «реализация», в отличие от «передачи», имеет широкое содержание и охватывает как передачу, так и другие действия, направленные на отчуждение предмета преступления. Сбыт как действие можно условно разделить на части: передача одним лицом — получение другим лицом.

В судебной практике квалификация преступлений по определению момента окончания сбыта наркотиков путем закладки устанавливается по-разному. Рассмотрим подробнее варианты квалификации указанных преступлений.

1. Наркосбытчик приобрел по указанию оператора партию наркотика для продажи, но в связи с арестом не смог его спрятать по тайникам-закладкам и через Интернет не представил сведения о месте закладки лицу, регулирующему действия по реализации наркотиков, а тот в свою очередь не довел эту информацию до непосредственного приобретателя.

Так, гражданин Ф. осуществлял переписку через Интернет с незнакомым лицом с помощью программы Telegram. В результате просмотра учетной записи выяснилось, что было получено сообщение о месте, где находится тайник с веществом метилэфедрон, для его дальнейшей реализации потребителям. Гражданин Ф. на следующий день забрал из тайника-закладки это вещество, но был задержан сотрудниками полиции. Действия осужденного Ф. квалифицированы по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ)².

В рассматриваемой ситуации объективная сторона сбыта выполнена частично, и это образует покушение на совершение преступления, так как гражданин Ф. в целях осуществления умысла на незаконный сбыт метилэфедрона приобрел и хранил его при себе, т. е. совершил действия, направленные на его последующую реализацию (через закладки), но по не зависящим от него обстоятельствам не смог их совершить.

2. Сбытчик приобрел по указанию оператора партию наркотика для сбыта, расфасовал и разложил его по тайникам-закладкам, но не направил через Интернет сведения о месте закладки лицу, регулирующему действия по реализации наркотиков, а тот в свою очередь не довел эту информацию до непосредственного приобретателя.

Так, установлено, что гражданин С. забрал из тайника пакет со свертками в количестве 49 штук, в которых находился метилэфедрон. В этот же день С. оборудовал 2 тайника, в каждый поместил сверток по 1,08 грамма метилэфедрона для продажи неконтактным путем через Интернет. Сведения о местонахождении тайников лицу, регулирующему действия по реализации наркотиков, написать не успел, поскольку был задержан. Преступный умысел на сбыт не был доведен до конца. Действия С. суд оценил как неоконченное преступление по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ³.

В сложившейся ситуации также объективная сторона сбыта была выполнена лишь частично, что образует покушение на сбыт, поскольку гражданин С. в целях осуществления умысла на незаконный

² Обобщение практики рассмотрения судами Республики Мордовия уголовных дел, связанных с незаконным сбытом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. I полугодие 2019 г. URL: <https://vs.mor.sudrf.ru> (дата обращения: 09.01.2023).

³ Обобщение практики рассмотрения судами Республики Мордовия уголовных дел, связанных с незаконным сбытом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. I полугодие 2019 г.

¹ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 (ред. от 16.05.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

сбыт метилэфедрона приобрел и хранил при себе, сделал закладки, но лицу, регулирующему действия по реализации наркотиков, не сообщил, а тот в свою очередь не довел эту информацию до непосредственного приобретателя.

Анализ судебной практики показывает, что суды нередко оценивают действия осужденных как покушение на сбыт, поскольку, как следует из материалов уголовных дел, либо не имеется объективных доказательств того, что места оборудованных закладок были сообщены приобретателю наркотического средства или сообщались только лицу, координирующему действия по распространению наркотиков, т. е. соучастнику в совершении сбыта, либо данных о том, что указанное лицо довело эту информацию до приобретателя наркотических средств, в материалах дела также не имеется. *Так, действия граждан Г. и Щ. были переквалифицированы на ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ как покушения на незаконный сбыт наркотических средств¹.*

3. Сбытчик приобрел по указанию оператора партию наркотика для сбыта, расфасовал и разложил его по тайникам-закладкам, направил через сеть Интернет сведения о месте закладки лицу, координирующему его действия по распространению наркотиков, последний не сообщил эту информацию непосредственному приобретателю.

Так, гражданка К. входила в состав организованной группы и реализовывала через Всемирную сеть наркотики в значительном размере. Прятала их либо над входной дверью в подъезде либо в электрощите подъезда.

Суд усмотрел в действиях К. оконченный состав сбыта, так как К., согласно отведенной ей роли закладчика, выполнила все необходимые действия. Во-первых, разместила наркотик в тайниках, а после через сообщения в Telegram довела сведения организатору о нахождении тайников, используя фото данного места, и обеспечила контроль за ситуацией.

Вместе с тем судом установлено, что сделанные тайники были обнаружены сотрудниками полиции, наркотики изъяты, в связи с чем они не дошли до потребителей. Квалификация содеянного К. как оконченного деяния не мотивирована².

¹ Апелляционное определение Калужского областного суда по делу № 22-587/2019. URL: <https://sud-Kaluzhskij.ru> (дата обращения: 09.01.2023).

² Обобщение практики рассмотрения судами Республики Мордовия уголовных дел, связанных с неза-

Считаем, что в данной ситуации практически выполнены все необходимые действия, направленные на передачу наркотического средства путем закладки, со стороны сбытчика, но сведения о месте закладки были лишь направлены лицу, координирующему распространение наркотиков, т. е. соучастнику сбыта, и до приобретателя информация так и не дошла. А значит, нет сообщения о месте их хранения приобретателю, и проведение закладки прошло в не обусловленном с приобретателем месте. Такие действия должны быть оценены как покушение на сбыт наркотиков. Поскольку сбыт наркотических средств при данном способе становился возможным только при получении покупателями информации о месте тайников и, соответственно, не был приурочен ко времени организации этих тайников осужденными и передачи о них сведений соучастникам. Другие члены группы, реализуя преступный умысел в рамках отведенной им роли, в частности лицо, координирующее распространение наркотиков (оператор), должны были убедиться в перечислении приобретателем платы за наркотики, после чего сообщить ему место нахождения закладки (информацию, которая обеспечивает доступ к наркотику) и тем самым создать все необходимые условия для сбыта наркотических средств.

Лицо, координирующее распространение наркотиков (оператор), является соучастником сбыта. В том случае, если приобретатель не отправит подтверждение оплаты оператору, последний не высылает местоположение закладки приобретателю.

Так, в тех ситуациях, когда сбытчик производит закладку наркотического средства в не обговоренном с приобретателем месте, т. е. неизвестном для последнего, сбыт такого наркотического средства следует считать оконченным с момента сообщения сбытчиком приобретателю места закладки с наркотическим средством, даже если приобретатель фактически его не получил. Поскольку места закладок не были сообщены приобретателям наркотических средств, все закладки с наркотиками изъяты сотрудниками полиции, судом апелляционной инстанции действия осужденных были квалифицированы как покушение на незаконный сбыт наркотических средств³.

конным сбытом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. I полугодие 2019 г.

³ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 24 ноября 2017 г. № 22-8580. URL: <https://sud-Sverdlovskij.ru> (дата обращения: 09.01.2023).

Кроме того, отсутствие по делу доказательств сообщения сбытчиком приобретателю наркотиков места закладки влечет квалификацию как покушение на незаконный сбыт. *Так, судебная коллегия не согласилась с мнением суда о том, что сообщение И. другому соучастнику о месте сделанной закладки является достаточным действием для признания его виновным в оконченном преступлении, поскольку сведений о том, что данная информация дошла до приобретателя наркотика, в материалах дела нет. Наркотическое средство обнаружено сотрудниками полиции в том же месте, где его спрятал И.*¹

Изучение судебной практики показывает, что суды обращают внимание на то, что в материалах дела отсутствуют именно доказательства того, что иные неустановленные члены группы подыскали приобретателей на наркотические средства и им сообщена информация о месте нахождения наркотических средств. В решениях суда нередко содержится следующая мотивировка по квалификации деяния: *«Совершенные осужденным действия являлись недостаточными для оконченого сбыта, поскольку для этого было необходимо выполнение самого значимого условия, а именно — доведение соучастникам информации о месте закладок до потребителей»* или *«Факт передачи осужденным информации о месте закладок оператору не свидетельствует об окончании сбыта, поскольку он, наряду с осужденными, является соисполнителем преступления в составе организованной группы, а не приобретателем»*².

Таким образом, как оконченный сбыт наркотических средств могут быть квалифицированы следующие действия (см. рис.):

1) проведение закладки и затем сообщение через лицо, координирующее распространение наркотиков, о месте их хранения непосредственно приобретателю, даже если он фактически не получил

такие средства (например, его задержали на месте или он передумал забирать наркотик, или наркотик забрал кто-то другой (случайное лицо)). Поскольку приобретателю уже известно местонахождение наркотика и сбытчик выполнил все действия для этого, факт того, что приобретатель не забрал, на квалификацию как оконченного сбыта не влияет;

2) заранее условленное место с приобретателем и проведение там закладки, даже если приобретатель фактически не получил наркотиков. Если сбытчик производит закладку в не обговоренном с приобретателем, т. е. неизвестном для последнего, месте, сбыт такого наркотического средства следует считать оконченным с момента сообщения сбытчиком приобретателю места закладки с наркотиком, даже если приобретатель фактически его не получил.

Как покушение на сбыт наркотических средств могут быть квалифицированы такие действия (см. рис.):

1) закладка проведена, но о месте хранения лицу, координирующему распространение наркотиков (оператору), а также непосредственно приобретателю, сообщено не было;

2) закладка проведена и сообщено о месте хранения лицу, координирующему распространение наркотиков (оператору), но непосредственно приобретатель такой информации не получил.

Или, например, сбытчик, договорившись с приобретателем о том, что оставит наркотическое средство в определенном месте, не успевает сделать в нем закладку в связи с его задержанием в процессе перевозки этого средства к месту закладки. В таком случае содеянное следует квалифицировать как покушение на сбыт.

¹ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 16 апреля 2018 г. по делу № 22-2638/2018. URL: <https://sud-Sverdlovskij.ru> (дата обращения: 09.01.2023).

² Апелляционное определение № 22-1584 от 21 ноября 2019 г. // Обзор апелляционной практики Брянского областного суда по уголовным делам за IV квартал 2019 г. URL: <https://sud-Bryansk.ru> (дата обращения: 09.04.2022); Дело № 22-2081 от 1 августа 2019 г. Исакогорского районного суда // Информационный бюллетень апелляционной и кассационной практики по уголовным делам Архангельского областного суда за III квартал 2019 г. URL: <https://sud-arhangelsk.ru/> (дата обращения: 09.01.2023).

Рис. Схема сбыта наркотических средств

Интересными также представляются действия, связанные с попыткой передачи наркотика осужденным, отбывающим наказание. Изучение судебных решений показало, что суды в схожих ситуациях, связанных с попыткой передачи наркотика осужденным, отбывающим наказание в исправительных учреждениях, по-разному квалифицируют действия виновных: как окончанный незаконный сбыт или как покушение на незаконный сбыт наркотических средств:

1. *Наркотическое средство предварительно было размещено в одной из сигарет с целью недопущения его обнаружения, но осужденный не смог его получить в связи с изъятием сотрудниками колонии во время досмотра передачи. Суд пере-квалифицировал действия гражданина А. с ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 228.1 на п. «а» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ¹.*

2. *Н., намереваясь отвезти передачу с продуктами питания знакомому П., вложила наркотическое средство в жабры одной из скумбрий холодного копчения, прибыла на территорию колонии и передала данную передачу сотрудникам учреждения для последующего его получения П. В ходе проведенного осмотра был обнаружен и изъят сверток с наркотическим средст-*

вом². Суд не согласился с доводом стороны защиты о том, что действия Н. подлежат квалификации как неоконченный сбыт, поскольку она выполнила все необходимые действия по передаче наркотического средства приобретателю (осужденному П.), а последний не получил лишь потому, что при досмотре наркотик был изъят. Содеянное суд квалифицировал как окончанный сбыт.

В то же время по другому уголовному делу действия лица в схожих обстоятельствах были квалифицированы как покушение на незаконный сбыт наркотического средства.

3. *Установлено, осужденный Т. обратился к Г. с просьбой передать ему наркотик, на что последний согласился. Гражданин Г. решил поместить гашиш в банку с гранулированным кофе и вместе с другими продуктами привез осужденному Т. Однако при прохождении контроля на территории колонии Г. умолчал о том, что в кофе хранится гашиш. При досмотре передачи у Г. гашиш был обнаружен и изъят³.*

² Обобщение практики рассмотрения судами Республики Мордовия уголовных дел, связанных с незаконным сбытом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. I полугодие 2019 г.

³ Справка по результатам обобщения судебной практики рассмотрения уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ (ст. 228—230 УК РФ) за I полугодие 2018 г. URL: <https://vs.mari.sudrf.ru> (дата обращения: 09.01.2023).

¹ Определение № 22-609/2020 // Обзор апелляционной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Марий Эл за III квартал 2020 г. URL: <https://vs.mari.sudrf.ru> (дата обращения: 09.01.2023).

Действия Г. были квалифицированы как окончательный сбыт. Суд с данной оценкой не согласился, указав, что гражданин Г. лишь создал необходимые условия для сбыта гашиша Т. и довести до конца деяния не мог, поскольку в ходе досмотра передачи гашиш был изъят. Кроме того, суд указал, что в случаях изъятия наркотика из незаконного оборота сотрудниками правоохранительных органов в ходе ОРМ содеянное должно рассматриваться как приготовление или покушение на преступление. С учетом изложенного суд переквалифицировал действия Г. на ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ.

Бугера Наталья Николаевна,
начальник кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
knn.76@mail.ru

Считаем, что квалификация содеянного как покушение на сбыт ошибочна, поскольку в изложенных выше ситуациях, когда лицо прячет наркотическое средство в передачах для осужденного, отбывающего наказание в исправительных учреждениях, приобретатель — осужденный ожидает данную передачу.

Таким образом, необходимым условием для квалификации окончательного сбыта Пленум Верховного Суда Российской Федерации указывает выполнение лицом всех необходимых и зависящих от него действий по передаче наркотического средства приобретателю.

Bugera Natalia Nikolaevna,
head of the department of criminal law
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
knn.76@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.01.2023; одобрена после рецензирования 20.01.2023; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 11.01.2023; approved after reviewing 20.01.2023; accepted for publication 31.01.2023.

* * *

УДК 343.9

doi: 10.25724/VAMVD.A072

**СОВРЕМЕННЫЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ
И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
(ЧАСТЬ 1)**

Марина Сергеевна Колосович*, Анна Павловна Алексеева, Василий Герасимович Глебов*****

* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, 270619@mail.ru

** Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, Калининград, Россия, alexeeva.va-mvd@mail.ru

*** Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Россия, vasilygleb@yandex.ru

Аннотация. Статья состоит из двух частей. В первой части анализируются данные статистики, свидетельствующие о значительном количестве регистрируемых в России преступлений (в том числе рецидивных) против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних. Подвергнуты исследованию законодательные инициативы, поступившие в Государственную Думу Российской Федерации за последнее десятилетие, предлагающие новые меры предупреждения преступлений указанной направленности, в том числе ужесточение уголовной ответственности лиц, их совершивших. Приводятся данные об эффективности мер предупреждения рецидива преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних в Германии, США, Чехии и Швеции посредством применения к осужденным радикальных мер медицинского характера в виде антиандрогенной терапии и хирургического вмешательства. Обращено внимание на периодически возникающие общественные инициативы населения, сигнализирующего государству о недостаточно (по его мнению) эффективной деятельности правоохранительных органов по предупреждению совершения (особенно повторно) рассматриваемых преступлений и требующего применения к виновным лицам как радикальных мер медицинского характера, так и смертной казни.

Во второй части статьи авторы рассмотрят вопросы целесообразности появления некоторых мер предупреждения преступлений, предусмотренных гл. 18 Уголовного кодекса Российской Федерации, обоснуют невозможность применения радикальных мер медицинского характера в качестве государственно-властного воздействия на преступника в условиях неисчерпанности всего потенциала мер государственного реагирования.

Ключевые слова: меры предупреждения преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних; публичный реестр лиц, осужденных за совершение преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних; принудительные меры медицинского характера в виде антиандрогенной терапии и хирургического вмешательства; смертная казнь

Для цитирования: Колосович М. С., Алексеева А. П., Глебов В. Г. Современные меры предупреждения преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних (часть 1) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 1 (64). С. 22—38. doi: 10.25724/VAMVD.A072

**CURRENT MEASURES TO PREVENT CRIMES
AGAINST SEXUAL INVIOABILITY AND SEXUAL FREEDOM OF MINORS
(PART 1)**

Marina Sergeevna Kolosovich*, Anna Pavlovna Alexeeva, Vasily Gerasimovich Glebov*****

* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, 270619@mail.ru

** Kaliningrad branch of Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kaliningrad, Russia, alexeeva.va-mvd@mail.ru

*** Volgograd Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russia, vasilygleb@yandex.ru

Abstract. The article consists of two parts. The first part analyzes statistical data that provide evidence of a significant number of crimes (including recidivism) against the sexual inviolability and sexual freedom of minors registered in Russia. The legislative initiatives that have been submitted to the State Duma of the Russian Federation over the past decade, offering new measures to prevent crimes of this direction, including the tightening of criminal liability for perpetrators of crime, are subjected to research. Data are given on the effectiveness of measures to prevent the recurrence of crimes against sexual integrity and sexual freedom of minors in Germany, the USA, the Czech Republic and Sweden through the application of radical medical measures to convicts, in the form of anti-androgens therapy and surgical intervention. Attention is drawn to the periodically arising public initiatives, signaling to the state about the insufficiently (in their opinion) effective activities of law enforcement agencies to prevent the commission (especially repeatedly) of the crimes under consideration and requiring the application of both radical medical measures and the death penalty to the perpetrators. In the second part of the article, the authors consider the advisability of the appearance of some measures to prevent crimes, provided for in Article 18 of the Criminal Code of the Russian Federation, justify the impossibility of applying radical medical measures as a governmental influence on a criminal in the conditions of not exhausting the entire potential of state response measures.

Keywords: measures to prevent crimes against sexual inviolability and sexual freedom of minors; public register of persons convicted of crimes against the sexual inviolability and sexual freedom of minors; compulsory medical measures, in the form of anti-androgens therapy and surgical intervention; death penalty

For citation: Kolosovich M. S., Alexeeva A. P., Glebov V. G. Current measures to prevent crimes against sexual inviolability and sexual freedom of minors (part 1). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 22—38, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A072

17 марта 2022 г. в законную силу вступил Федеральный закон от 6 марта 2022 г. № 38-ФЗ¹, признавший отягчающим обстоятельством совершение преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних родителем несовершеннолетнего или иным лицом, на которое возложены обязанности по его содержанию, воспитанию, обучению и (или) защите прав и законных интересов, либо лицом, проживающим с ним совместно, либо педагогическим работником или другим работником образовательной организации, медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации, обязанным осуществлять надзор за несовершеннолетним (несовершеннолетней), либо иным лицом, осуществляющим трудовую деятельность в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних.

С учетом значительного количества преступлений указанной направленности этот шаг вполне оправдан. В период с 2021 по 2022 г. зарегистрировано 33 414 преступлений против половой неприкос-

новенности и половой свободы несовершеннолетних² (рис. 1). Чаще всего при этом регистрировались преступления, предусмотренные ст. 132 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ)³ — 41 %, несколько меньше — предусмотренные ст. 134 УК РФ — 30 %, затем ст. 135 УК РФ — 17 % и ст. 131 УК РФ — 11 %. Относительно минимальные показатели у ст. 133 УК РФ — 1 % (рис. 2).

За последние пять лет значительно выросло не только количество выявленных лиц, совершивших преступления, предусмотренные гл. 18 УК РФ (рис. 3), но и доля среди них лиц, являющихся знакомым, членом семьи, родственником или родителем потерпевшего несовершеннолетнего (рис. 4). Так, с 2018 по 2022 г. было выявлено 36 151 лиц, их совершивших, 58,65 % из которых являлись знакомыми потерпевшего несовершеннолетнего, 8,56 % — членом семьи, 2,34 % — родственником и 3,6 % — его родителем.

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 6 марта 2022 г. № 38-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Здесь и далее использованы данные сборников по России «Сведения о преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних» за 2021—2022 гг. и «Сведения о лицах, совершивших преступления в отношении несовершеннолетних (разделы 1, 2)» за 2018—2022 гг.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

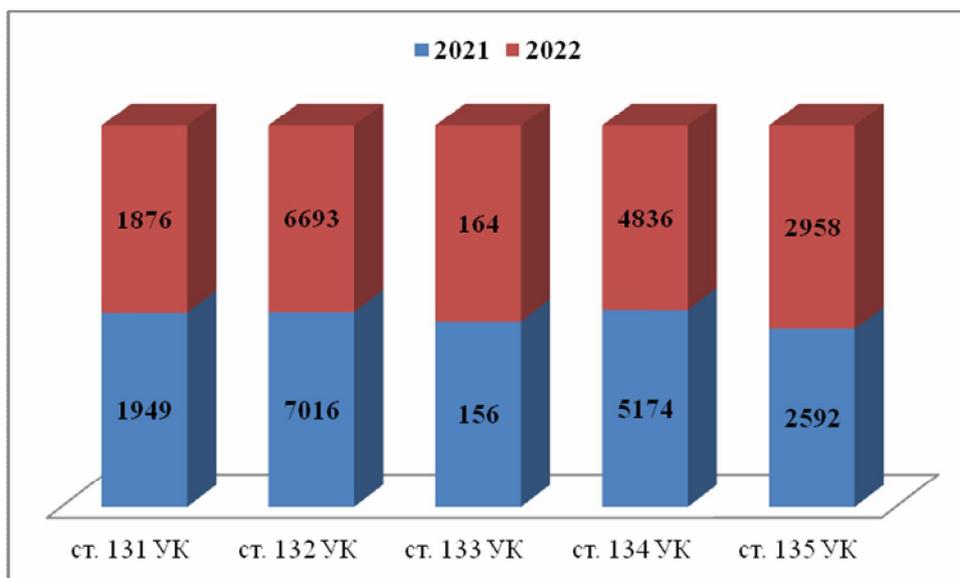

Рис. 1. Количество зарегистрированных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних в 2021—2022 гг.

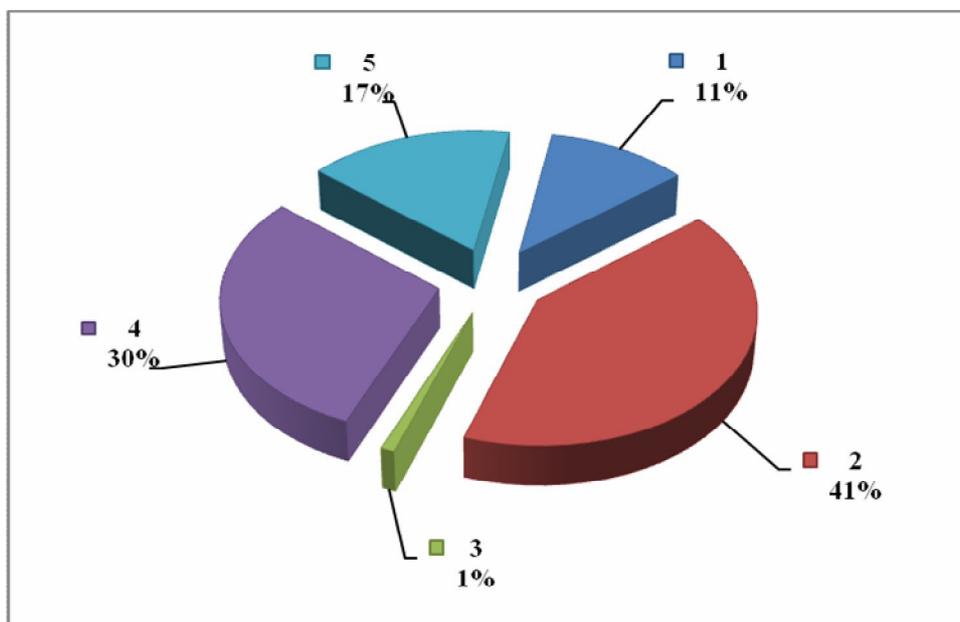

Рис. 2. Структура преступности против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних (2021—2022 гг.):
 1 — изнасилование; 2 — насильственные действия сексуального характера;
 3 — принуждение к действиям сексуального характера;
 4 — половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста;
 5 — развратные действия

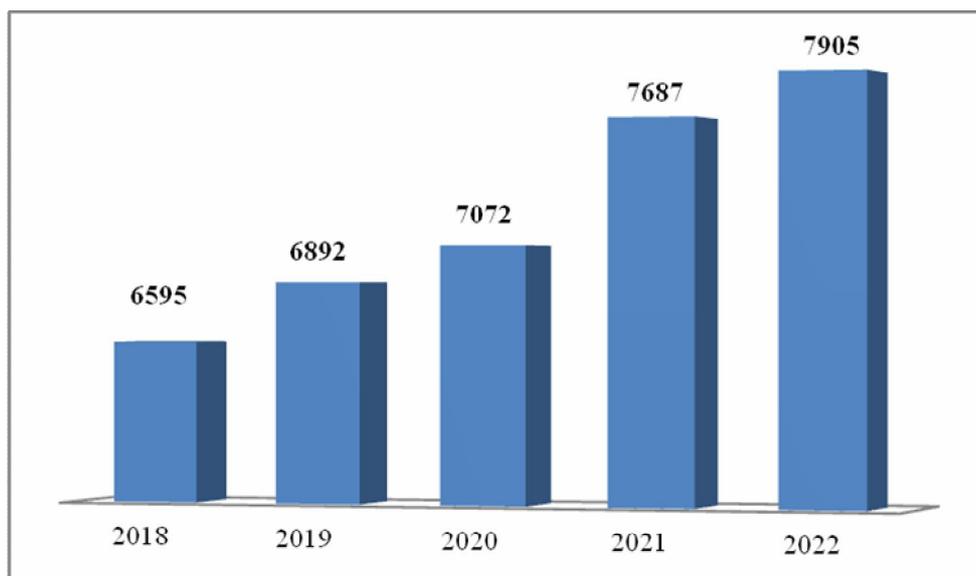

Рис. 3. Динамика выявления лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних (2018—2022 гг.)

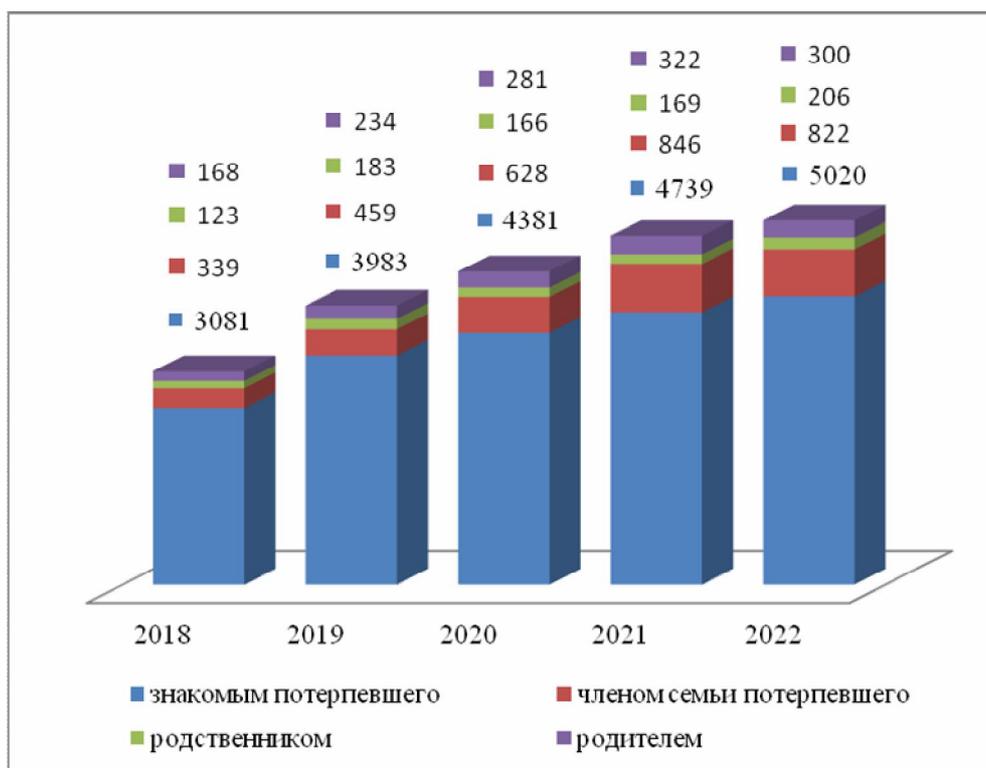

Рис. 4. Количество и динамика выявления знакомых, членов семьи, родственников или родителей несовершеннолетнего, совершивших в отношении него преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности (2018—2022 гг.)

Несмотря на то что оценивать эффективность приведенных выше законодательных новелл преждевременно, назвать их исчерпывающими определенно не представляется возможным. В последние годы было предпринято много попыток совершенствования механизмов противодействия педофилии, так и не получивших своего нормативного закрепления. В 2011 г. депутат Государственной Думы Российской Федерации (ГД РФ) А. В. Беляков внес законопроект о введении нового вида медицинского принуждения — химическая кастрация для лиц, совершивших преступления, предусмотренные ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132, ч. 3 ст. 134, ч. 3 ст. 135 УК РФ¹.

Аргументируя свою позицию, депутат сослался на данные статистики, в соответствии с которыми более половины осужденных лиц, страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключаяющим вменяемости (далее — педофил) в течение пяти лет после освобождения из мест лишения свободы вновь совершают преступления сексуального характера против несовершеннолетних. Им же сообщено, что, по данным Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии им. В. П. Сербского, повторное совершение преступления в этой сфере происходит в интервале от двух лет после освобождения².

Общественные активисты высказали аналогичную точку зрения. Так, основательница движения «Сдай педофила» и директор НП «Мониторинговый центр»³ А. О. Левченко указала на то, что педо-

филия неизлечима и что около 97 % выходящих на свободу маньяков и педофилов совершают преступления повторно⁴. Председатель добровольческого поисково-спасательного отряда «Лиза-Алерт» и директор АНО «Центр поиска пропавших людей» Г. Б. Сергеев, комментируя ситуацию с высоким уровнем рецидивной преступности в отношении детей, напомнил о ее высокой латентности, т. е. когда лицо за сексуальное насилие над несовершеннолетним еще не привлекалось, но эти действия уже практиковало⁵.

В целях предупреждения рассматриваемого негативного социального явления А. В. Беляков предложил обратиться к практике США, Германии, Дании, Канады, Швеции, Великобритании, Франции и других стран, в которых к лицам, ранее осужденным за совершение преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних, стала применяться химическая кастрация. Более того, опыт правоохранительных органов Германии свидетельствует о том, что при применении химической кастрации повторное совершение данных преступлений снизилось с 84 до 3 %. Несмотря на приведенные данные, инициатива депутата не была поддержана Верховным Судом Российской Федерации, указавшим на недоработку в представленном законопроекте условий, оснований и пределов назначения химической кастрации⁶. Инициатива не получила поддержки и у Правительства Российской Федерации⁷.

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части введения химической кастрации): законопроект от 4 июля 2011 г. № 572983-5 // Официальный сайт Системы обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/572983-5> (дата обращения: 10.01.2023).

² Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 4 июля 2011 г. // Официальный сайт Системы обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/572983-5> (дата обращения: 10.01.2023).

³ Мониторинговый центр по выявлению опасного и запрещенного законодательством контента осуществляет экспертное консультирование профильных комитетов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и законодательные инициативы, направленные на повышение эффективности работы органов государственной власти и правоохранительных органов Российской Федерации, ведение статистических учетов и сбор данных о преступлениях сексуального характера против несовершеннолетних // Мониторинговый центр по выявлению опасного и запрещенного законо-

дательством контента: сайт. URL: <https://www.pedofilov.net/about-us/> (дата обращения: 29.01.2023).

⁴ «Разговоры на педофила не повлияют». Как борются с педофилами в РФ и почему эти меры не работают // Мел: сайт. URL: https://mel.fm/zhizn/razbor/1463578-kak-dolzhen-izmenitsya-rossysky-zakon-ctoby-zhertv-pedofilov-stal-omenshe?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D#comments (дата обращения: 10.01.2023).

⁵ Поисковый отряд ЛизаАлерт Питер: группа ВКонтакте. 11 окт. 2019. URL: https://vk.com/wall-41515336_64739 (дата обращения: 29.01.2023).

⁶ Официальный отзыв на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Официальный сайт Системы обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/572983-5> (дата обращения: 10.01.2023).

⁷ Заключение Правительства Российской Федерации на проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», вносимый депутатом Государственной Думы А. В. Беляковым. 31 мая 2011 г. // Официальный сайт Системы обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/572983-5> (дата обращения: 10.01.2023).

Между тем данная инициатива была поддержана россиянами, опрошенными в августе 2011 г. ВЦИОМ¹. Согласно полученным данным, 83 % респондентов считают педофилию преступлением, 89 % поддержало идею о применении к педофилам, чья вина доказана в судебном порядке, химической кастрации (причем 83 % указали на обязательность ее применения, и только 9 % высказались за добровольный характер процедуры, считая педофилию болезнью)².

В 2020 г. к вопросу о химической кастрации вернулся депутат ГД РФ А. Б. Выборный³, по мнению которого общество не просто готово к химической кастрации педофилов, а сформировало мощный запрос на такую меру, которая, кроме всего прочего, в отличие от более радикальных мер, может быть обратимой⁴.

В 2013 г. депутат ГД РФ А. С. Старовойтов предложил усилить уголовную ответственность за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних, не достигших двенадцатилетнего возраста, указав на рост рассматриваемых преступлений, подавляющее большинство из которых имеют повторный характер. В частности, им предлагалось к виновным применять безальтернативный вид наказания в виде пожизненного лишения свободы, в том числе в отношении лиц, совершивших данное преступление впервые⁵.

Отклоняя в 2017 г. названный законопроект, депутаты указали на возникновение (в случае его принятия) противоречий между положениями Осо-

бенной и Общей частей УК РФ⁶. На невозможность применения названного вида наказания к определенной категории лиц (например, женщинам, а также лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста) указало и Правовое управление Аппарата ГД Федерального Собрания (ФС) РФ⁷.

Действительно, среди выявленных лиц, совершивших в период с 2018 по 2022 г. преступления, предусмотренные гл. 18 УК РФ, имеются и женщины (1,8 % от общего количества выявленных лиц) и несовершеннолетние (4,01 %) (табл. 1, рис. 5).

В 2016 г. в ГД РФ поступает законопроект (в итоге отклоненный) по вопросу исключения возможности смягчения наказания для лиц, совершивших преступления сексуального характера в отношении несовершеннолетних⁸. В пояснительной записке автор законопроекта — депутат ГД РФ О. Н. Епифанов обратил внимание на тот факт, что лица, имеющие извращенные сексуальные предпочтения, представляют повышенную опасность для детей на протяжении всей своей жизни, поскольку, как правило, совершают такие преступления повторно, в том числе спустя длительное время после совершения аналогичного преступления.

¹ ВЦИОМ — Всероссийский центр изучения общественного мнения.

² Педофилия: преступление и наказание: аналитический опрос ВЦИОМ от 6 сентября 2011 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/-pedofiliya-prestuplenie-i-nakazanie-> (дата обращения: 10.01.2023).

³ Локтионова М. «Подавить влечение»: педофилам грозит химическая кастрация // Газета.ру. 2020. 26 окт. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/10/26/13333627.shtml?updated> (дата обращения: 10.01.2023).

⁴ Тельманов Д. США рано или поздно придется смириться с тем, что мир не однополярен // Газета.ру. 2022. 14 февр. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/02/14/14531797.shtml?updated> (дата обращения: 10.01.2023).

⁵ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних, не достигших двенадцатилетнего возраста: законопроект от 15 февраля 2013 г. № 223933-6 // Официальный сайт Системы обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/223933-6> (дата обращения: 10.01.2023).

⁶ Стенограмма голосования на заседании Государственной Думы Российской Федерации от 20 декабря 2017 г. № 87 // Официальный сайт Системы обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/223933-6> (дата обращения: 10.01.2023).

⁷ Заключение Правового управления по проекту Федерального закона № 223933-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних, не достигших двенадцатилетнего возраста», внесенному депутатом Государственной Думы А. С. Старовойтовым (повторно к первому чтению) от 26 июня 2017 г. // Официальный сайт Системы обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/223933-6#bh_histras (дата обращения: 10.01.2023).

⁸ О внесении изменений в статьи 76.2 и 78 Уголовного кодекса Российской Федерации (по вопросу исключения возможности смягчения наказания для лиц, совершивших преступления сексуального характера в отношении несовершеннолетних): законопроект от 21 июля 2016 г. № 1132207-6 // Официальный сайт Системы обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1132207-6> (дата обращения: 10.01.2023).

Таблица 1

**Женщины и несовершеннолетние лица,
совершившие преступления против половой неприкосновенности
и половой свободы несовершеннолетних
(глава 18 УК РФ), 2018—2022 гг.**

	2018	2019	2020	2021	2022
Всего выявлено лиц	6 595	6 892	7 072	7 687	7 905
Из них:					
женщины	115	131	126	132	150
лица 14—15 лет	134	163	139	151	181
лица 16—17 лет	118	143	153	132	136
лица 18—24 лет	3 230	3 340	3 430	3 567	3 582
лица 25—29 лет	893	848	803	846	841
лица 30—49 года	1 749	1 866	1 980	2 358	2 418
лица 50 лет и старше	471	532	567	633	747

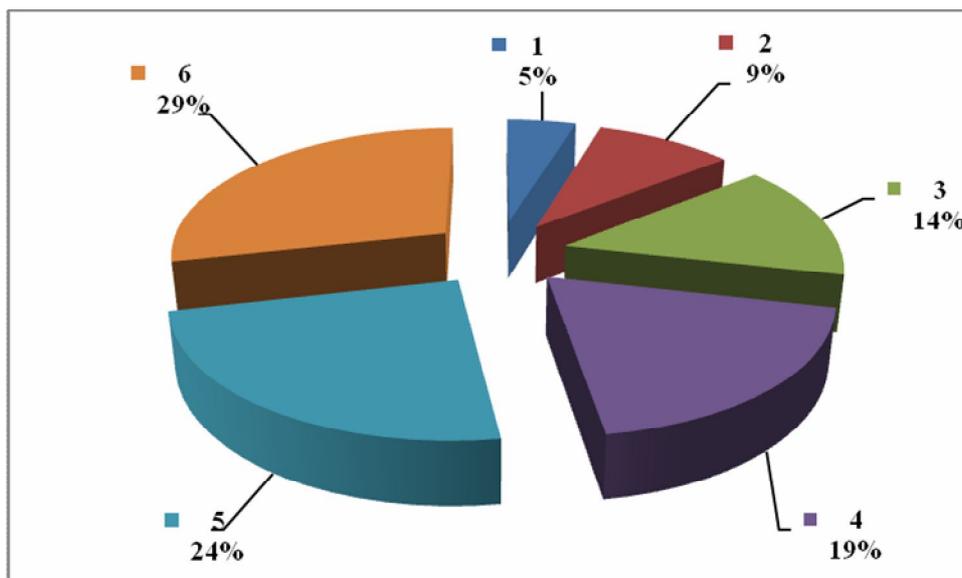

Рис. 5. Возраст лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних (2018—2022 гг.):
1 — лица 14—15 лет; 2 — лица 16—17 лет; 3 — лица 18—24 лет;
4 — лица 25—29 лет; 5 — лица 30—49 лет; 6 — лица 50 лет и старше

В этом же году А. В. Беляков внес в ГД РФ еще один законопроект, направленный на совершенствование мер противодействия рецидивной педофилии. В частности, им было предложено: 1) осуществлять спутниковое наблюдение с использованием глобальной навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС за лицами, совершившими в возрасте

старше 18 лет преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, и страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключаящим вменяемости; 2) создать банк данных вышеуказанных лиц по аналогии с электронным реестром педо-

филов в Казахстане и Польше; 3) осуществлять своевременное информирование граждан о проживании в населенном пункте вышеуказанных лиц, отбывших наказание¹.

Данные предложения были поддержаны Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по правам ребенка А. Ю. Кузнецовой², одновременно предложившей делать отметки в паспорте, загранпаспорте и водительских удостоверениях педофилов о факте привлечения их к уголовной ответственности по соответствующим статьям УК РФ, а также ввести запрет поднадзорному вступать в какой-либо контакт с определенными категориями лиц (общение с несовершеннолетними, пострадавшими от преступления, посещение организаций, оказывающих услуги детям, и др.).

2016 г. также ознаменован петицией Е. Плаксина Президенту Российской Федерации о необходимости появления такой меры предупреждения рецидивной преступности, как хирургическая кастрация, в очередной раз указавшей, что освобождение лиц, уже имевших судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, должно осуществляться только при применении меры принудительной хирургической кастрации, поскольку химическая кастрация неэффективна и связана со значительными материальными затратами³.

Надо отметить, что странами, где названная мера, несмотря на свою радикальность, применяется к осужденным за рассматриваемые преступления, являются Германия⁴ (единичные случаи,

практически не применяется) и Чехия⁵ (последние 30 лет). К аргументам в пользу хирургической кастрации чешские ученые отнесли ненадежность химической кастрации, возможность нейтрализации и обратимость результатов ее применения, а также высокую эффективность хирургической кастрации, после введения которой не было выявлено ни одного случая повторного совершения преступления рассматриваемой категории⁶.

Примеров общественной инициативы с требованием ужесточения ответственности лиц, совершивших преступления против несовершеннолетних, много. Так, в своей петиции к Президенту Российской Федерации от 18 января 2022 г. Т. В. Сорокин обратился с требованием о введении смертной казни для педофилов и создании единой информационной базы таких лиц, введения для них GPS-браслета с функцией отслеживания геолокации в течение 10 лет, а после рецидива преступления — пожизненно. На данный момент за петицию проголосовало 29 588 человек, и только 154 против⁷.

В другой петиции, также призывающей к отмене моратория на смертную казнь за рассматриваемые преступления, указано на страх и отчаяние населения, а также на безнаказанность виновных лиц (из 100 000 требуемых подписей собрано уже 79 117)⁸. В следующей инициативе по ужесточению наказания за данные преступления в общей сложности сформулировано четыре предложения: 1) введение пожизненного административного надзора за отбывшими наказание и вышедшими на свободу педофилами; 2) введение безальтернативного наказания в виде пожизненного заключения за преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 131 УК РФ; 3) отмена условно-досрочного освобождения по наказанию за преступление, предусмотренное чч. 3 и 4 ст. 131 УК РФ; 4) создание единой открытой базы данных преступников, совершивших насильств-

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» и Федеральный закон «О полиции» (в части установления административных ограничений в отношении поднадзорных лиц): законопроект от 15 декабря 2016 г. № 55362-7 // Официальный сайт Системы обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/55362-7> (дата обращения: 10.01.2023).

² Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2020 г. URL: <http://deti.gov.ru/detigray/upload/documents/April2022/2trXBG81QIpDS75uKzUR.pdf> (дата обращения: 04.02.2023).

³ Принудительная хирургическая кастрация педофилов: петиция: сайт change.org. URL: <https://www.change.org/p/путин-в-в-принудительная-хирургическая-кастрация-педофилов> (дата обращения: 10.01.2023).

⁴ Council of Europe anti-torture Committee publishes report on Germany: Ref. DC 018(2012). Strasbourg, 22.02.2012 // European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment: official site. URL: <https://rm.coe.int/0900001680721727> (date of access: 04.02.2023).

⁵ Le Comité anti-torture du Conseil de l'Europe publie un rapport sur la République tchèque, 05/02/2009 // European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment: official site. URL: <https://www.coe.int/fr/web/cpt/-/council-of-europe-anti-torture-committee-publishes-report-on-the-czech-republ-1> (date of access: 04.02.2023).

⁶ В Чехии педофилов кастрируют // Комсомольская правда. 2008. 25 июля. URL: <https://www.kp.ru/daily/24135/354818/> (дата обращения: 10.01.2023).

⁷ Петиция за смертную казнь для педофилов: петиция. URL: <https://петиция-президенту.рф/смертная-казнь-педофилам/> (дата обращения: 05.02.2023).

⁸ Петиция на имя Президента России с просьбой ужесточить наказания в случае преступлений против детей: петиция. URL: <https://www.onlinepetition.ru/d49053/petition.html> (дата обращения: 05.02.2023).

венные действия против малолетних граждан, и запрет лиц из этой базы работать с детьми (петиция за два часа набрала 1 320 голосов)¹.

Изложенное позволяет сделать вывод о неудовлетворенности общества существующими мерами предупреждения рецидивной преступности рассматриваемой направленности, требующего все новые и новые пути решения насущной проблемы в целях обеспечения безопасности своих детей. Особо не рассчитывая на правоохранительные органы, население предлагает радикальные меры в виде пожизненного лишения свободы и смертной казни, а также в виде химической и хирургической кастрации, по сути предлагая вернуться во времена узаконенного членовредительства, применяемого в качестве наказания в Древней Руси и Российской империи.

В сложившейся ситуации радует позиция депутатов и сенаторов ФС РФ, подхвативших волну народного возмущения и беспокойства за детей и предложивших свое видение разрешения названной проблемы. 28 января 2022 г. был принят Федеральный закон № 3-ФЗ², ужесточивший уголовную ответственность за совершение преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего (независимо от возраста последнего) и создавший новые механизмы предотвращения таких преступлений, поскольку любой, кто задумает посягнуть на половую неприкосновенность ребенка, должен отдавать себе отчет, что остаток дней он проведет за решеткой.

Между тем очевидна недостаточность предпринятых на сегодняшний день действий по предупреждению роста анализируемой преступности. Нами поддерживается позиция членов ФС РФ обеих палат, считающих, что их работа на этом не закончена. В ходе обсуждения (во второй половине декабря 2021 г.³ и во второй половине января 2022 г.⁴)

¹ Инициатива № 78Ф92537: Ужесточение наказания против половой неприкосновенности несовершеннолетних: петиция. URL: <https://www.roi.ru/92537/> (дата обращения: 10.01.2023).

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 28 января 2022 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Стенограмма заседания Государственной Думы РФ от 21 декабря 2021 г. № 22 // Официальный сайт Системы обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1248305-7> (дата обращения: 10.01.2023).

⁴ Стенограмма заседания Государственной Думы РФ от 18 января 2022 г. № 24 // Официальный сайт Системы обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1248305-7> (дата обращения: 10.01.2023); Стенограмма заседания Совета Федера-

ционного законопроекта поступил ряд предложений по усилению в будущем мер противодействия данной преступности, а также анонсированы готовящиеся инициативы, обуславливающие новый вектор развития деятельности законодателя и работы ученых-правоведов. В частности, некоторыми законодателями была озвучена необходимость:

— проведения народного референдума об отмене моратория на исполнение смертной казни (О. А. Нилов); введения смертной казни для убийц детей и педофилов-рецидивистов (О. Ю. Леонов, Э. Э. Россель);

— направления осужденных, взамен смертной казни, на рудники (северные территории) для выполнения тяжелых работ (И. А. Панькина);

— выравнивания размеров уголовной ответственности за убийство и за изнасилование несовершеннолетнего в сторону ее увеличения (О. Ю. Леонов);

— введение новой и ужесточение уже имеющейся ответственности лиц, популяризирующих на ток-шоу тему педофилии (В. П. Исаков);

— изменения системы административного надзора за находящимися на свободе педофилами (А. А. Турчак); организации постоянного мониторинга и системы фиксации места нахождения освободившихся из мест лишения свободы педофилов посредством электронного браслета (А. Е. Хинштейн, О. Ю. Леонов);

— введения возможности применения пожизненного лишения свободы лиц, впервые совершивших данное преступление (А. А. Турчак);

— изучения опыта стран, имеющих открытые для населения реестры названных лиц, освобожденных из мест лишения свободы (С. П. Горячева), а также стран, применяющих химическую кастрацию (В. И. Матвиенко);

— введения «физической кастрации» осужденных педофилов (А. А. Турчак).

В то же время Ю. П. Сидельников выступил против законопроекта и высказанных инициатив. По его мнению, введение содержащихся в проекте мер предупреждения рассматриваемых преступлений бессмысленно. Состояние рецидивной преступности зависит не столько от уголовного закона, сколько от активности и эффективности деятельности органов внутренних дел. По сути, об этом же высказались на заседании В. И. Матвиенко и Н. А. Журавлев, указавшие на необходимость

ции РФ от 26 января 2022 г. № 516 // Официальный сайт Системы обеспечения законодательной деятельности. URL: <http://council.gov.ru/activity/meetings/132817/transcript/> (дата обращения: 10.01.2023).

проведения работы по привлечению к ответственности, в том числе уголовной, должностных лиц органов внутренних дел, чьи халатность, осуществление административного надзора не должным образом способствовали совершению повторного преступления в отношении детей. На отсутствие должного контроля за такими лицами со стороны полиции указал и А. Е. Хинштейн, фактически возложивший на правоохранительный орган ответственность за преступление, совершенное в 2021 г. «киселевским маньяком». Разделяя возмущение граждан, депутат согласился с их требованием о применении к педофилам не только жестких мер наказания, но и мер по контролю их передвижений¹.

Рост регистрации преступлений, предусмотренных гл. 18 УК РФ, в отношении несовершеннолетних вызвал беспокойство и у ученых, указавших на необходимость: повышения эффективности деятельности правоохранительных органов по инициативному выявлению преступлений данной категории; совершенствования действующего законодательства в сфере контроля за лицами, ранее судимыми и отбывшими наказание; стимулирования активности граждан к сообщению о совершаемых или выявленных преступлениях; разработки системы контроля, ограничений и запретов доступа несовершеннолетних к ресурсам в сети Интернет, где активизировались педофилы, использующие современные технические возможности манипуляции сознанием и поведением подростков в сети [1, с. 31].

Критически к введению пожизненного срока лишения свободы для педофила отнеслась и заместитель председателя Следственного комитета Российской Федерации Е. Е. Леоненко, отметившая, что данная мера наказания будет способствовать повышению безопасности несовершеннолетних, однако не станет панацеей от таких преступлений. По ее мнению, нужны «более глубокие системные меры по контролю за освобожденными из мест лишения свободы осужденными, по контролю за их поведением, разработке эффективных методов их лечения»².

Против применения к педофилам исключительной меры уголовного наказания высказалась

¹ Contact@Hinshtein: Telegram. Sep 7, 2021 at 17:21. URL: <https://t.me/Hinshtein/1164> (дата обращения: 29.01.2023).

² В СК считают, что пожизненный срок для педофилов не станет панацеей от преступлений // ТАСС. 2022. 17 янв. URL: <https://news.rambler.ru/crime/47948706-v-sk-schitayut-cto-pozhiznennyi-srok-dlya-pedofilov-ne-stanet-panatseei-ot-prestupleniy/> (дата обращения: 10.01.2023).

В. И. Матвиенко, сославшись на действующий в стране мораторий³. Не поддерживает применение смертной казни и А. О. Левченко⁴, указавшая на то, что существующие в стране законы в рассматриваемой сфере не работают, и предложила государству сосредоточить свое внимание:

— на запрете пропаганды педофилии (т. е. созданных форумов, чатов и т. д., посвященных педофилии, и оправданию данных преступлений тем, что они совершены из-за психического расстройства);

— созданию в каждом регионе центров помощи несовершеннолетним жертвам любого насилия, что позволит в будущем снизить процент педофилов, приобретающих расстройство вследствие собственной психологической травмы;

— отмене срока давности привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений в рассматриваемой сфере;

— разработке системы обучения детей безопасному поведению, формированию навыка самозащиты;

— правовом информировании населения и пострадавших.

Г. Б. Сергеев также считает недостаточно эффективной деятельность правоохранительных органов по предупреждению и выявлению случаев педофилии, что может привести к актам самосуда граждан над преступником. По его мнению, государство должно работать с населением, открыто обсуждая проблемы существования рассматриваемой преступности. Кроме того, необходимо инициировать проведение научных исследований педофилического расстройства, а также психического расстройства и расстройства поведения (маньяки-педофилы).

Для таких лиц общественный активист предлагает разработать пожизненную индивидуальную терапию, а также осуществлять постоянный контроль за их местоположением, непрерывно отслеживать, чем они занимаются и с кем контактируют. В отличие от плохо себя зарекомендовавшей химиче-

³ Стенограмма заседания Совета Федерации РФ от 26 января 2022 г. № 516 // Официальный сайт Системы обеспечения законодательной деятельности. URL: <http://council.gov.ru/activity/meetings/132817/transcript/> (дата обращения: 10.01.2023).

⁴ «Разговоры на педофила не повлияют». Как борются с педофилами в РФ и почему эти меры не работают // Мел: сайт. URL: https://mel.fm/zhizn/razbor/1463578-kak-dolzhen-izmenitsya-rossysky-zakon-chtoby-zhertv-pedofilov-stalo-menshe?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D#comments (дата обращения: 10.01.2023).

ской кастрации, применение браслетов Г. Б. Сергеев считает единственной эффективной мерой предупреждения преступлений. Важно, чтобы лицо, осознающее наличие у себя расстройства сексуального предпочтения в виде педофилии и обеспокоенное этим, имело возможность анонимно обратиться к психиатру, который помог бы ему воздержаться от совершения преступления¹.

Здесь отметим, что нормативное закрепление возможности применения принудительных мер медицинского характера в виде химической кастрации появилось в России еще в 2012 г.² (ст. 16, 18, 175 и 180 УИК РФ³). Более того, приведенные положения не декларативны и получили свою реализацию. С 2018 по 2020 г. комментируемые меры были применены к 77 осужденным, страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключаящим вменяемости, при этом к 24 % указанных лиц на добровольной основе, а к 76 % — принудительно⁴.

Представляется преждевременным за такой короткий срок реализации указанных мер медицинского характера оценивать их эффективность. Между тем, как мы видим, дискуссия отечественных ученых о правомерности и целесообразности их применения началась задолго до самого законодательного закрепления. Думается, что нам предстоит повторить опыт тех стран, где рассматриваемый вид государственного принуждения практикуется уже не одно десятилетие. Столько же десятилетий в этих странах не прекращаются споры ученых и правозащитников, поддерживающих или выступающих против рассматриваемой практики предупреждения преступности.

¹ Кок А. «Детям мало говорят о безопасности и учат молчать»: [интервью с председателем поисково-спасательного отряда «ЛизаАлерт» Григорием Сергеевым] // Правмир. 2021. 12 сент. URL: <https://www.pravmir.ru/detyam-malo-govoryat-o-bezopasnosti-i-uchat-molchat-grigorij-sergeev-zhertvah-pedofilov/> (дата обращения: 04.02.2023).

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних: федер. закон от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2020 году. URL: <http://deti.gov.ru/detigray/upload/documents/April2022/2trXBG8IQlpDS75uKzUR.pdf> (дата обращения: 04.02.2023).

В настоящий момент в мире к лицам, осужденным за педофилию, применяется несколько принудительных мер медицинского характера: психотерапия (практически во всех странах), химическая кастрация (Великобритания, Канада, США, Чехия, Швеция и др.) и хирургическая кастрация (Германия, Чехия). Последняя мера принуждения систематически подвергается критике со стороны Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию, утверждающего, что хирургическая кастрация является унижающей и калечащей процедурой, поскольку это необратимый шаг, лишаящий людей фертильности, влекущий серьезные физические и психические последствия для них⁵.

Действительно, принявшие участие в анонимном анкетировании лица, к которым в Чехии была применена хирургическая кастрация, в качестве отрицательных последствий указали: на изменение своего тела (ожирение (36 %), снижение веса (20 %), выпадение на теле волос (38 %), отсутствие роста (18 %) или увеличение груди (16 %)); на депрессию, чувство неполноценности, повышенную агрессивность (50 %); на снижение или потерю сексуальных потребностей (74 %); на появление эректильной дисфункции (34 %); на неспособность достичь оргазма (24 %). В то же время 60 % респондентов удовлетворены своей сексуальной жизнью, 88 % — своим физическим состоянием и 88 % — своим психическим состоянием. Между тем врачи обратили внимание, что риск совершения преступления после операции значительно снижается, но не становится равен нулю, поскольку было выявлено два случая сексуальных домогательств кастрированными лицами⁶.

Министерство здравоохранения Чехии рассматривает хирургическую кастрацию в качестве исключительного метода, применяемого лишь после того, как другие методы лечения оказались безуспешными или по состоянию здоровья противопоказаны. Подчеркнем, что данная мера принуждения в стра-

⁵ Written Question No. 691 by Ms Liliane Maury Pasquier: "Surgical castration of detained sex offenders in the Czech Republic" [Doc. 13859 — 24 August 2015] // European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment: official site. URL: <https://rm.coe.int/09000016805c2b1a> (date of access: 04.02.2023).

⁶ Hana Váľková, zt Vykastrování muži si pochvalují zvládání agresivity i «klid od žen». 18 ledna 2015. URL: https://www.idnes.cz/zpravy/domaci/kastrace-novela-zakon-lekar-deviant-pedofil.A150117_091612_domaci_hv (referenční datum: 04.02.2023).

нах Европы (думается, и мира) на официальном уровне осуждается, а самим населением активно поддерживается.

Более мягким вариантом лечения педофилии, соответствующим базельской концепции гуманизма, называется химическая кастрация, которая посредством антиандрогенной терапии снижает сексуальное желание и эректильную функцию лица. Применяемое лекарство уменьшает, но не устраняет андроген у педофила, тем самым не оказывая воздействия, например, на вес пациента и позволяя вести нормальную сексуальную жизнь. При необходимости уровень андрогена осужденного может быть восстановлен до прежнего состояния в течение двух недель после прекращения приема препарата.

Проведенное университетом Д. Хопкинса исследование результатов применения химической кастрации показало снижение уровня рецидива в Швеции и Германии почти со 100 до 2,2 %, а на некоторых территориях США — с 65 до 10 %. Названы и негативные стороны применения антиандрогенной терапии: необходимость постоянного (как правило, пожизненного) применения к педофилу медицинских препаратов и психотерапии, наблюдения и контроля со стороны медперсонала и сотрудников пенитенциарных учреждений, высокая стоимость применяемых препаратов. Принимая во внимание, что в США бремя материальных затрат часто возлагается на самого осужденного, обеспечить систематичность проведения требуемых процедур затруднительно. Кроме того, 5 % лиц, подвергнутых рассматриваемым процедурам, совершают повторное преступление¹. Другие ученые указали на негативные последствия *принудительного* характера кастрации, в некоторых случаях приводящей к обратному эффекту — гневу осужденного и усилению у него склонности к сексуальному насилию². Негативные для организма последствия применения рассматриваемых мер отмечали и российские ученые [2].

Химическая и хирургическая кастрация одними учеными рассматривается как наказание, а другими — как эффективная мера предупреждения рецидивной преступности, связанная с осуществ-

лением лечения по медицинским показаниям. Считается, что в большинстве случаев названное *лечение* позволяет настолько снизить уровень агрессии осужденного, что он может вернуться к своему обычному образу жизни, не создавая угрозы жизни и здоровью окружающих совершением повторного преступления. На этом основании у осужденного, отбывшего наказание, появляется право выбора: или он, как страдающий расстройством сексуального предпочтения (педофилией) и нуждающийся в постоянной психотерапии, продолжает оставаться в местах лишения свободы до выздоровления (т. е. бессрочно, а по факту — навсегда), или он соглашается на применение указанных мер медицинского характера. Поэтому названные меры рассматриваются в качестве альтернативы длительным срокам или пожизненному лишению свободы, а также значительным срокам вынужденного и, как правило, недостаточно эффективного лечения в психиатрической больнице.

Принимая во внимание изложенное, лицо, осужденное в Чехии за совершение рассматриваемого преступления и страдающее соответствующим видом психического расстройства, не может рассчитывать на освобождение из мест лишения свободы без применения к нему одной из названных мер медицинского характера. Вместе с тем законодательно закреплено, что данное лечение проводится на основании свободного и осознанного согласия пациента. Под «осознанным» понимается доведение до пациента информации обо всех возможных рисках, «плюсах» и «минусах», последствиях проведения процедуры. Таким образом, лицу предлагается сделать выбор между бессрочным нахождением в местах лишения свободы (психиатрической больнице) и медицинской процедурой, последствия которой, как мы выяснили, могут быть для «пациента» не только критически негативными, но и необратимыми.

Возможно ли в этих условиях назвать рассматриваемые процедуры добровольными? По мнению Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) — да³. В направленном в ЕСПЧ заявлении Дворжачек сообщил, что на его отказ от производства химической и хирургической кастрации главный врач учреждения указал, что он будет вынужден оставить его в клинике бессрочно для психологической коррекции. Принимая во внимание сказанное и опа-

¹ Zhuang J. Chemical castration: International experience and Chinese path to control pedophilia crimes // *Advances in applied sociology*. 2018. Jan. 08 (08). P. 575—597. URL: https://www.researchgate.net/publication/326898548_Chemical_Castration_International_Experience_and_Chinese_Path_to_Control_Pedophilia_Crimes (date of access: 27.01.2023).

² Amlin K. Chemical castration: The benefits and disadvantages intrinsic to injecting male pedophiliacs with Depo-Provera // *Serendip studio*. URL: <https://serendipstudio.org/exchange/node/1778#> (date of access: 27.01.2023).

³ Дворжачек (Dvořáček) против Чешской Республики: постановление Европейского Суда по правам человека от 6 ноября 2014 г., жалоба № 12927/13. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

саясь применения хирургической кастрации, осужденный дал «добровольное» согласие на лечение антиандрогенными препаратами.

По мнению суда, применение к лицу одной психотерапии не исключало совершение им повторного преступления, что, по соображениям медицинского характера, оправдывало принудительное лечение, кроме того, сопровождается иными способами снижения уровня тестостерона в организме. Учитывая, что лечение осуществлялось по медицинским показаниям и в целях снижения общественной опасности лица, а также не являлось безальтернативным, ЕСПЧ не выявил факторов, позволяющих утверждать, что заявитель подвергся *принудительному* медикаментозному лечению.

На наш взгляд, приведенная ЕСПЧ аргументация не выдерживает никакой критики. Во-первых, из всех предложенных альтернатив ни одна не отвечала интересам осужденного. Во-вторых, он осознавал неизбежность применения к нему хирургической кастрации в случае «неправильного» выбора. Добровольность принятого решения проявилась лишь в возможности лица выбрать из предложенного меньшее для него зло. В приведенном случае непонятны потуги ЕСПЧ и государств, создающих иллюзию добровольности согласия осужденных, а значит и правомерности применения мер медицинского характера.

Учитывая характер совершенного преступления, а также сохранение высокого уровня опасности осужденного для окружающих, очевидно, что государство не вправе подвергать риску здоровье и жизнь населения, освобождая из мест лишения свободы лиц, неспособных контролировать свои преступные желания, т. е. потенциальных агрессоров. В условиях необходимости обеспечения безопасности потенциальных жертв педофила его интересы обоснованно отходят на второй план. Применяя суровые меры воздействия к осужденным, страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключаящим вменяемости, и нуждающимся в постоянной психотерапии и медикаментозном лечении, государство, по сути, действует в состоянии крайней необходимости.

К действительно добровольному изъявлению желания подвергнуться антиандрогенной терапии можно отнести случаи, указанные судебными психиатрами из США¹ и учеными из Чехии²:

¹ Nanos J. Taming the beast within. URL: <https://www.bostonmagazine.com/news/2014/02/25/chemical-castration/> (date of access: 27.01.2023).

² Karásková I. Nechte mě vykastrovat, žádá sexuální deviant prezidenta // MF DNES. 2014. 27 března. URL:

— соответствующие просьбы, поступившие от осужденных за педофилию, осознающих противоправный характер своих действий, понимающих вред, причиненный ребенку, искренне раскаивающихся в содеянном и не желающих в будущем подвергать опасности детей;

— самостоятельные обращения к ним лиц, имеющих девиантные навязчивые идеи и фантазии в отношении детей, но еще не практиковавшие эти действия, осознающих как их противоправность, так и свою неспособность сдержаться от их совершения. О таких случаях также сообщили российские общественные активисты³.

По мнению некоторых ученых (J. Zhuang, K. Amlin), несмотря на то что химическую кастрацию нельзя назвать безупречным решением для предупреждения рецидива, она предотвращает сексуальное насилие эффективнее тюремного заключения. Наказание в виде лишения свободы и применяемая к заключенным многих стран трудовая терапия способствуют снижению уровня агрессии осужденных и процессам их социализации. Между тем на лиц, страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключаящим вменяемости, тюремное заключение оказывает противоположное воздействие, поскольку желание совершать насильственные действия в отношении несовершеннолетних неразрывно связано с биологическими и химическими процессами организма, преувеличенными и доведенными до крайности. В местах лишения свободы в организме педофила происходит концентрация андрогенов и, соответственно, агрессии, появляются сексуальные фантазии и навязчивые идеи, «требующие» реализации, делая его более изощренным и более опасным преступником. В некотором смысле сказанное объясняет несколько случаев совершения педофилами в США повторного преступления через несколько часов после освобождения из заключения. В связи с этим ученые считают необходимым поощрять химическую кастрацию в качестве альтернативы

https://www.idnes.cz/zpravy/domaci/tema-mf-dnes-sexualni-deviant-prosi-o-kastraci.A140327_114622_domaci_maq (referenční datum: 04.02.2023).

³ «Разговоры на педофила не повлияют». Как борются с педофилами в РФ и почему эти меры не работают // Мел: сайт. 2021. 13 сент. URL: https://mel.fm/zhizn/razbor/1463578-kak-dolzen-izmenitsya-rossysky-zakon-ctoby-zhertv-pedofilov-stalo-menshe?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D#comments (дата обращения: 10.01.2023); Корк А. «Детям мало говорят о безопасности и учат молчать».

тюремному заключению в целях предупреждения рецидивной преступности.

Совершение рассматриваемых преступлений повторно или серийно воспринимается обществом особенно болезненно. К сожалению, в нашей стране количество таких преступлений значительно. Так,

с 2018 по 2022 г. из 36 151 выявленного педофила 1 345 ранее были осуждены за насильственные действия сексуального характера и изнасилование (т. е. 3,72 %), а 2 489 совершили продолжаемое преступление или их серию (т. е. 6,89 %) (табл. 2).

Таблица 2

Лица, совершившие преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, ранее практиковавшие уголовно наказуемые действия сексуального характера (глава 18 УК РФ), 2018—2022 гг.

	2018	2019	2020	2021	2022
Всего выявлено лиц	6 595	6 892	7 072	7 687	7 905
из них: лица, ранее осужденные за насильственные действия сексуального характера, изнасилование	175	193	188	596	193
лица, совершившие продолжаемое преступление, серию аналогичных преступлений	245	333	400	1038	473

В большинстве случаев рецидиву преступления способствует совокупность причин и условий, приведших к трагедии. Как мы видим, население, общественные активисты, ученые, руководители Следственного комитета России и члены ФС РФ проявили единодушие, указав на недостаточную эффективность уполномоченных государственных органов по принятию мер предупреждения рецидивной преступности против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних.

Вызывает беспокойство и отсутствие должного надзора уполномоченных государственных органов за лицами, ранее осужденными за совершение тяжких и особо тяжких преступлений против лич-

ности (особенно педофилами), т. е. лицами с доказанно повышенным уровнем агрессии и общественной опасности. Так, с 2018 по 2022 г. из выявленных лиц, совершивших преступления, предусмотренные гл. 18 УК РФ, под административным надзором находилось 86 лиц, под следствием с мерой пресечения, не связанной с арестом, — 35, в течение года после освобождения из исправительного учреждения преступление совершили 412 лиц, в период испытательного срока при условном осуждении — 689, ранее совершили преступления, признанные рецидивом, — 561 лицо, опасным рецидивом — 590 и особо опасным рецидивом — 822 (табл. 3).

**Лица, находящиеся под надзором правоохранительных органов
или признанные рецидивистами, совершившими преступления
против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних
(глава 18 УК РФ), 2018—2022 гг.**

	2018	2019	2020	2021	2022
Лица, на момент совершения преступления: состоявшие под административным надзором	15	16	13	16	26
находившиеся под следствием с мерой пресечения, не связанной с арестом	8	2	7	9	9
Лица, совершившие преступления: в течение года после освобождения из исправительного учреждения	74	89	86	98	65
в период испытательного срока при условном осуждении	97	204	91	207	90
Лица, ранее совершившие преступления, признанные: рецидивом	10	30	32	87	402
опасным рецидивом	114	118	113	128	117
особо опасным рецидивом	152	171	150	187	162

Таким образом, при попустительстве должностных лиц соответствующих надзирающих государственных органов 3 195 обвиняемых и лиц, ранее осужденных, не находящихся в местах лишения свободы, совершили очередное, и, что важно, с учетом их личности и характера ранее совершенного уголовно наказуемого деяния, достаточно прогнозируемое преступление. Несмотря на то что названное количество лиц составляет 8,84 % от общего числа выявленных за пять лет педофилов, говорить о незначительности названной цифры или оправдывать правоохранительные органы ограниченностью финансирования и отсутствием технических средств, невозможностью обеспечить абсолютный надзор за всеми освобожденными из мест лишения свободы преступниками — означает не понимать, что за указанными цифрами стоит как минимум (т. е. только выявленных фактов) 3 195 поломанных судеб детей и членов их семей, нуждающихся в длительной реабилитации и помощи со стороны общественных организаций и государства. Напомним и о том, что насилие

порождает насилие. В отсутствие соответствующей психологической помощи жертве сексуального насилия велика вероятность существенных отклонений в нравственном и психофизическом развитии несовершеннолетнего, формирования у него агрессивной модели поведения, в том числе выражающейся в совершении в будущем аналогичных преступных действий.

На основании приведенных в первой части исследования данных очевидны:

— неспособность современной медицины одной психотерапией (а как правило, и другими мерами) исцелить осужденных, страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключаям вменяемости; исключить их преступное влечение к детям;

— высокий уровень общественной опасности лиц, ранее осужденных за совершение преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних и страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключаям вменяемости, неспособных

контролировать свои преступные желания без постоянной психотерапии и медикаментозного лечения;

— беспрецедентно высокая, практически стопроцентная вероятность повторного совершения педофилами преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних;

— значительный уровень преступности (в том числе рецидивной) против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних в России;

— низкая эффективность применяемого государством комплекса мер предупреждения преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних;

— отсутствие должного надзора уполномоченных государственных органов за лицами, ранее осужденными за совершение тяжких и особо тяжких преступлений против личности (особенно педофилами), т. е. лицами с доказанно повышенным уровнем агрессии и общественной опасности;

— неисчерпанность всего потенциала мер государственного регулирования предупреждения преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних;

— неудовлетворенность населения и общественных активистов, ученых, руководителей Следственного комитета России и членов ФС РФ применяемым к педофилам уголовным наказанием и / или действующими мерами предупреждения преступности (в том числе рецидивной) рассматриваемой направленности, обеспечения безопасности детей, являющихся потенциальными жертвами педофилов;

— солидарность населения, общественных активистов, ученых и членов ФС РФ, предлагающих обращение к соответствующей многолетней практике правоохранительных органов других стран и введение новых мер государственного воздействия (в том числе радикальных мер медицинского характера и отмены моратория на применение смертной казни).

1. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития: аналит. обзор / Ю. М. Антонян, Д. А. Бражников, М. В. Гончарова [и др.]. Москва: ВНИИ МВД России, 2018. 86 с.

2. Лаптев Д. Б. О принудительных медицинских мерах в системе иных мер уголовно-правового характера // Медицинское право. 2020. № 3. С. 45—51.

1. Antonyan Yu. M., Brazhnikov D. A., Goncharova M. V. (et al.) A comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation and estimated options for its development. An analytical review. Moscow: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2018: 86. (In Russ.).

2. Laptev D. B. On compulsory medical measures in the system of other criminal law measures. Medical law, 45—51, 2020. (In Russ.).

Колосович Марина Сергеевна,

профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент; 270619@mail.ru

Алексеева Анна Павловна,

профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права, Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент; alexeeva.va-mvd@mail.ru

Kolosovich Marina Sergeevna,

professor at the department of criminal law of the training and scientific complex of preliminary investigation in law-enforcement bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, docent; 270619@mail.ru

Alexeeva Anna Pavlovna,

professor at the department of criminal law, criminology and penitentiary law of the Kaliningrad branch of Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, docent; alexeeva.va-mvd@mail.ru

Глебов Василий Герасимович,
заведующий кафедрой уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Волгоградского института управления —
филиала РАНХиГС,
кандидат юридических наук, профессор;
vasilygleb@yandex.ru

Glebov Vasily Gerasimovich,
head of the department of criminal law,
criminal procedure and criminalistics
of the Volgograd Institute of Management —
a branch of the RANEPА,
candidate of juridical sciences, professor;
vasilygleb@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 16.01.2023; одобрена после рецензирования 27.01.2023; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 16.01.2023; approved after reviewing 27.01.2023; accepted for publication 31.01.2023.

* * *

УДК 343.337
doi: 10.25724/VAMVD.A073

**КВАЛИФИКАЦИЯ МАРОДЕРСТВА
И ЕГО ОТГРАНИЧЕНИЕ ОТ ИНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Александр Михайлович Плешаков*, **Геннадий Сергеевич Шкабин****

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказания, Москва, Россия

* ram7185@ya.ru

** uprzn@ya.ru

Аннотация. В статье исследуются проблемы квалификации мародерства. В результате системного анализа авторы делают вывод, что данное преступление может быть совершено путем кражи, грабежа и разбоя. Обосновывается невозможность совершения рассматриваемого преступления в форме присвоения, растраты и мошенничества. Раскрывается правовое содержание потерпевших от преступления — раненых, убитых и лиц из гражданского населения. Дается квалификация содеянного в условиях вынужденной необходимости при изъятии предметов, оборот которых ограничен — огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых материалов, наркотических средств и психотропных веществ. Рассматриваются бланкетные категории военного положения, вооруженного конфликта, ведения боевых действий, а также их влияние на квалификацию преступного посягательства. Авторами систематизируются виды угроз применения преступного насилия, предусмотренные в уголовно-правовой норме, и проводится их анализ при отграничении мародерства от других преступлений. Высказываются предложения по совершенствованию статьи 356.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: мародерство, способ преступления, формы хищения, потерпевшие, вынужденная необходимость

Для цитирования: Плешаков А. М., Шкабин Г. С. Квалификация мародерства и его отграничение от иных преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 1 (64). С. 39—44. doi: 10.25724/VAMVD.A073

**QUALIFICATION OF LOOTING
AND ITS' DELIMITATION FROM OTHER CRIMES**

Alexander Mikhailovich Pleshakov*, **Gennady Sergeevich Shkabin****

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

* ram7185@ya.ru

** uprzn@ya.ru

Abstract. The article studies the problems of qualification of looting. As a result of a systematic analysis, the authors conclude that this crime can be committed by theft, robbery and plundering. The impossibility of commission in the form of misappropriation, embezzlement and fraud is substantiated. The legal substance of the victims of the crime — the wounded, killed and civilians is revealed. Offense in conditions of forced necessity during the seizure of controlled items - firearms, ammunition, explosive materials, narcotic drugs and psychotropic substances is qualified. The blanket categories of martial law, armed conflict, warfare and their influence on the qualification of a criminal offense are considered. The types of threats to the use of criminal violence, provided for in the criminal law norm, are systematized; their analysis is carried out while distinguishing looting from other crimes. Proposals are made to improve Article 356.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: looting, method of crime, forms of theft, victims, forced necessity

For citation: Pleshakov A. M., Shkabin G. S. Qualification of looting and its' delimitation from other crimes. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 39—44, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A073

Уголовное законодательство России в 2022 г. было дополнено новой статьей — 356.1 (Мародерство). В части первой уголовно-правовой нормы предусмотрена ответственность за совершение с корыстной целью в период военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий, не связанных с вынужденной необходимостью противоправных безвозмездного изъятия и (или) обращения в пользу виновного или других лиц чужого имущества (в том числе имущества, находящегося при убитых или раненых, имущества гражданского населения). По части первой и второй ст. 356.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) мародерство является тяжким преступлением, по части третьей и четвертой — особо тяжким преступным деянием.

Криминализация этого общественно опасного посягательства на безопасность человечества была обусловлена рядом обстоятельств правового и социально-объективного характера. Во-первых, установление уголовной ответственности базировалось на положениях Женевской конвенции 1949 г. об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях¹. Во-вторых, на предыдущем законодательном опыте России о наказуемости похищения вещей на поле сражения, находящихся при убитых и раненых (ст. 260 УК РСФСР 1960 г. «Мародерство»). В-третьих, на обобщении и анализе объективных ситуаций, возникающих во время проведения специальной военной операции на Украине.

В связи со сложным характером понятийного аппарата уголовно-правовой нормы необходимо рассмотреть ряд проблем, которые могут возникнуть при квалификации мародерства на практике. Постараемся изложить их структурно, взяв за основу обязательные и дополнительные признаки состава преступления.

Мародерство представляет собой единичное (единое) сложное преступление с альтернативными действиями. Совершение любого из них является обязательным признаком объективной стороны и образует один состав преступного деяния. В диспозиции нормы эти альтернативные действия отражены опосредованно, и каждое из них базируется на законодательном понятии хищения и его формах. Соответственно, изъятие имущества при мародерстве может совершаться тем или иным способом — незаметно (тайно) или открыто, либо путем

нападения, как с применением физического насилия, так и без него, как с использованием различных угроз, так и без них.

Любой способ мародерства совпадает с самим преступным деянием. Они как бы сливаются во времени и в пространстве и настолько тесно примыкают друг к другу, что представляют собой единый акт преступного поведения. В теории уголовного права такое сложное общественно опасное посягательство называют «преступление-способ» [1, с. 279, 295].

В то же время в объективной стороне мародерства способ преступления, как бы тесно он ни примыкал к деянию, не обладает самостоятельным характером. Способ — это всегда вспомогательные усилия виновного. Они являются подчиненными по отношению к основному деянию и состоят из использования дополнительных сил, факторов, обстоятельств, средств или орудий, которые обеспечивают достижение преступного результата.

В статье 356.1 УК РФ фактически предусмотрено три таких преступления-способа: мародерство-кража, мародерство-грабеж и мародерство-разбой. При любом из этих вариантов дополнительной квалификации по преступлениям против собственности не требуется. Содеянное полностью охватывается основным, квалифицированным и особо квалифицированным составами мародерства.

Совершение преступления путем присвоения, растраты или мошенничества, т. е. с помощью других форм хищения, представляется, на наш взгляд, умозрительной и маловероятной ситуацией. Это обусловлено тем, что при растрате или присвоении должен присутствовать объективный признак о «вверенном имуществе», а при мошенничестве материальные ценности передаются потерпевшим добровольно, т. е. у виновного нет практической необходимости в изъятии имущества. Иными словами, материальные ценности и так «в руках» у виновного, в его фактическом владении или распоряжении. Из этого заключения можно сделать вывод о том, что соединительный союз «или» (в скобке) в диспозиции ч. 1 ст. 356.1 УК РФ излишний, поскольку он предназначен для таких форм хищения, как присвоение, растрата или мошенничество.

В законодательном определении мародерства предусмотрены фактически все признаки хищения, закрепленные в примечании к ст. 158 УК РФ. Это корыстная цель; чужое имущество; безвозмездность; противоправность; изъятие и обращение имущества в пользу виновного или других лиц. Признак «причинение ущерба собственнику или

¹ Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях. Заключена в г. Женеве 12 августа 1949 г. (с изм. от 08.12.2005). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

иному владельцу» также фактически присутствует, но предусмотрен опосредованно, через указание на размер похищенного. Ущерб, т. е. причинение вреда имущественным интересам потерпевшего, в ч. 2 ст. 356.1 УК РФ определен как крупный, если размер изъятого имущества превышает 250 тысяч рублей (особо крупный размер — свыше одного миллиона рублей). Следовательно, при изъятии имущества на сумму от пяти тысяч до 250 тысяч рублей причиняется значительный ущерб потерпевшему, что охватывается ч. 1 ст. 356.1 УК РФ.

В диспозиции уголовно-правовой нормы дан перечень собственников или иных владельцев имущества (потерпевших), которым может быть причинен ущерб. Это раненые, убитые и гражданское население. Подобное правовое положение, на наш взгляд, вряд ли является правильным, поскольку в этом перечислении одновременно используются разнопорядковые категории.

Раненые и убитые (мертвые), как «свои», так и «чужие», видимо, принадлежат к числу военнослужащих, поскольку они отделены от гражданского населения. Разумеется, сам по себе убитый не может признаваться физическим лицом, которому причиняется физический, материальный или моральный вред (ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) «Потерпевший»). Однако правовое положение погибшего человека играет важную правовую роль, поскольку у него могут оставаться родственники, близкие или другие лица, имеющие право на его имущество. Соответственно, потерпевшими от мародерства могут быть признаны наследники убитого, т. е. предполагаемые собственники или владельцы имущества [2, с. 848], в определенных случаях таковым может быть и государство [3; 4].

В то же время остается неясным, распространяются ли эти понятия (раненые и убитые) на неопределенно-количественную категорию «гражданское население»? Среди мирных граждан могут быть, в том числе, и убитые, и раненые. В связи с этим выделение данного признака («гражданское население») становится излишним, так как раненые и / или убитые это более общая категория по отношению к населению. Для устранения этого несоответствия, необходимо, на наш взгляд, внести изменения в уголовный закон и указать на имущество, находящееся при убитых или раненых военнослужащих и / или гражданских лицах.

Для квалификации содеянного как мародерство необходимо точное установление того, какие вещи, предметы, материальные субстраты извлекает

виновный из владений собственника. Эти обстоятельства имеют доказательственное значение и могут определять ограничение мародерства от других преступлений или их квалификацию по совокупности.

При мародерстве чужим имуществом является все то, на что преступник не имеет ни действительного, ни предполагаемого права. Это предметы материального мира, обладающие экономической и / или хозяйственной ценностью и имеющие денежное выражение. К ним прежде всего относятся сами деньги, находящиеся при убитых или раненых военнослужащих или частных лицах. При мародерстве могут изыматься: браслеты, кулоны, перстни и другие ювелирные украшения, а также часы, меховые изделия, дорогая одежда, художественные или культурные ценности, предметы антиквариата и т. п. Перечень таких вещей весьма разнообразный и объемный.

Вместе с тем при квалификации преступления следует учитывать особенности предметов, исключенных из гражданского оборота. Так, огнестрельное оружие любого типа, комплектующие детали к нему, боеприпасы, взрывчатые вещества и взрывные устройства, материалы и оборудование, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, изъятые у раненых или убитых, не является преступлением, предусмотренным ст. 226 УК РФ, и не может оцениваться как мародерство. Подобный вывод обусловлен тем, что такие действия осуществляются в рамках вынужденной необходимости, которая, в свою очередь, определяется военным положением, военным конфликтом или условиями ведения боевых действий. Вынужденная необходимость означает надобность, потребность в получении такого рода военных трофеев.

Данное заключение, на наш взгляд, относится и к другому военному снаряжению, медицинским препаратам и военной технике. Это могут быть беспилотные летательные аппараты (дроны), оптические прицелы, бинокли, приборы наблюдения, средства наведения на цель и многие другие предметы военного предназначения. Изъятие их у противника диктуется все той же вынужденной необходимостью.

Хищения же наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих эти материальные субстанции либо их части, при мародерстве образуют самостоятельный состав преступления. Такие действия, по нашему мнению, необходимо оценивать как хищение либо вымогательство соответствующих предметов

(ст. 229 УК РФ). Это обусловлено тем, что изъятие таких запрещенных к обороту материальных субстратов направлено не против обеспечения безопасности человечества, а на сохранение здоровья населения. Никакой вынужденной необходимости в таких действиях нет.

Обязательным признаком объективной стороны состава мародерства являются четыре альтернативных обстоятельства, связанные со временем или с обстановкой совершения преступления. Во-первых, мародерство может совершаться в период военного положения или в военное время. Во-вторых, преступление может осуществляться в условиях вооруженного конфликта или при ведении боевых действий. С позиций уголовного закона любое из этих обстоятельств, в любом их сочетании (место, время, условия) в равной мере определяют преступность деяния. Однако квалификация мародерства не столь однозначна, поскольку правовая природа указанных объективных признаков разная.

Понятия «военное положение» и «вооруженный конфликт» являются бланкетными. Содержание первого раскрывается в Федеральном конституционном законе «О военном положении»¹, в соответствии с которым это особый правовой режим, введенный на территории страны или в отдельных местностях в случае агрессии или непосредственной угрозы агрессии против Российской Федерации (ч. 1 ст. 1). Понятие вооруженного конфликта дается в военной доктрине Российской Федерации², согласно которой это вооруженное столкновение ограниченного масштаба между государствами (международный вооруженный конфликт) или противостоящими сторонами в пределах территории одного государства (внутренний вооруженный конфликт).

В свою очередь, понятие «военное время» определяется в Федеральном законе «Об обороне»³. В статье 18 данного нормативного акта указывается, что это период, который объявляется федеральным законом в случае нападения на Россию иного государства (или нескольких государств) либо в случае необходимости выполнения нашей страной международных договоров. Моментом оконча-

ния этой фазы является «объявление о прекращении военных действий, но не ранее их фактического прекращения».

Конструктивный признак мародерства, которое может совершаться «при ведении боевых действий», имеет ограниченный и неопределенный характер. Ведение боевых действий — это бой, сражение, единоборство, непосредственное соприкосновение с противником, которые происходят в физическом пространстве. Однако остается неясным, можно ли считать таковыми перемещение вооружений и военной техники, их маскировку, укрытие, временное отсутствие, артиллерийский обстрел, т. е. действия при опосредованном контакте с противником. При положительном ответе на этот вопрос ведение боевых действий представляет собой частный вариант вооруженного конфликта, при котором возможно как непосредственное, так и опосредованное соприкосновение с противником.

В соответствии с законом мародерство не может признаваться таковым, если оно совершено в период мобилизации. Этому признака нет в ст. 356.1 УК РФ. Кража, грабеж или разбой, совершенные в этот временной отрезок, квалифицируются только как преступления против собственности.

Вместе с тем понятие «период мобилизации» было внесено в перечень обстоятельств, отягчающих наказание (п. «л» ст. 63 УК РФ), и в значительную группу воинских преступлений, связанных с неподчинением, сопротивлением и насильственными действиями в отношении начальника (ст. 333, 334 УК РФ); оставлением места службы, дезертирством и симуляцией болезни (ст. 337, 338, 339 УК РФ); нарушениями правил несения службы (ст. 340, 341, 342, 344 УК РФ). При этом правовом решении, т. е. в отказе от криминализации мародерства в период мобилизации, возникают весьма неоднозначные социальные ситуации. Так, самовольное оставление части или дезертирство либо нарушение правил несения боевого дежурства в период мобилизации будет признаваться самостоятельным преступлением, но изъятие имущества в этот период, связанное с невыполнением воинских обязанностей, не будет воинским преступлением, хотя оно и совершается в период военного положения. На наш взгляд, это представляется не совсем логичным и социально обусловленным.

Дело в том, что мародерство, как преступление против безопасности человечества, в первую очередь, совершают солдаты, военнослужащие воюющих сторон. Об этом свидетельствует и длительный исторический опыт человеческих войн [5].

¹ О военном положении: федер. конституц. закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 25.12.2014 № Пр-2976). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об обороне: федер. закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ (ред. от 04.11.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Соответственно, в мародерстве опосредованно «заложены» и преступления против военной службы.

Проблемы квалификации мародерства возникают и при оценке различного вида преступных угроз [6]. При мародерском изъятии чужого имущества в квалифицированных составах преступления предусмотрена угроза насильем, не опасным для жизни или здоровья (ч. 2 ст. 356.1 УК РФ — мародерство-грабеж). В данном случае речь идет об угрозе такого нарушения телесной (физической) неприкосновенности лица, которое, заведомо для виновного, не могло повлечь за собой причинение легкого вреда здоровью и более тяжких последствий. В пункте «в» части 3 статьи 356.1 УК РФ указывается на угрозу насилья, опасного для жизни или здоровья (мародерство-разбой). Ее особенностью является выражение намерения причинить легкий вред здоровью потерпевшего или более тяжкие повреждения.

Такого рода угрозы представляют собой средство давления на потерпевшего с намерением запугать его, вызвать чувство тревоги, боязни, страха или даже ужаса и за счет этого подавить волю к сопротивлению и добиться желаемого преступного результата [7]. Угроза должна быть наличной (т. е. иметь начало и окончание) и реальной. У потерпевшего должны быть веские основания опасаться осуществления намерений виновного [8]. При мародерстве реальность угрозы применить насилие любой формы определяется содержанием устных высказываний (слова, фразы, словосочетания, нередко подкрепленные матерной бранью), смысл которых для потерпевшего понятен и не вызывает сомнений. Реальность угрозы определяется и обстановкой совершения преступления — условиями вооруженного конфликта и / или ведения боевых действий. Угроза может выражаться и в конклюдентных действиях — в демонстрации оружия и в готовности его применить.

В то же время в п. «в» ч. 4 ст. 356.1 УК РФ содержится еще один, особо квалифицированный признак состава преступления — мародерство, соединенное с угрозой убийством. Возникает вопрос: чем предыдущая угроза применения насилья, опасного для жизни (т. е. угроза причинения смерти), предусмотренная ч. 3 ст. 356.1, отличается от угрозы убийством? Ответ, по нашему мнению, однозначный — ничем. Это в принципе одно и то же. Разграничить данные понятия весьма затруднительно. В зависимости от конкретных обстоятельств дела это, возможно, прямые высказывания («убью», «застрелю») или конклюдентные действия (направление огнестрельного оружия на потерпевшего, прицеливание и т. п.). Однако и при угрозе насильем, опасным для жизни, возникают те же варианты преступного поведения. В связи с этим, по нашему мнению, особо квалифицированный признак мародерства в виде угрозы убийством является излишним.

В заключение следует сказать о разграничении оснований уголовной ответственности за мародерство и его квалификации. Положение вполне понятное: когда таких оснований нет, то нет смысла говорить о квалификации содеянного. Состав мародерства исключается, когда действия, внешне похожие на преступление, были связаны с вынужденной необходимостью. Правовое состояние такой необходимости определяется военным положением, военным конфликтом или ведением боевых действий. Соответственно, вынужденную необходимость, указанную в ст. 356.1 УК РФ, мы условно можем назвать военной необходимостью. Это то, что диктуется исключительной ситуацией, неординарным развитием событий, потребностью в изъятии имущества в военных целях. На наш взгляд, по своему содержанию вынужденная (военная) необходимость представляет собой частный случай крайней необходимости (ст. 39 УК РФ), что, разумеется, исключает преступность деяния [9].

1. Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. В. Н. Кудрявцева. Москва, 2007. 328 с.

2. Жалинский А. Э. Практикум по уголовному праву. Москва, 2017. 863 с.

3. Зорин А. И. Процессуальные проблемы признания государства потерпевшим в уголовном процессе // Образование и право. 2018. № 3. С. 185—191.

4. Киен Л. Ч. О возможности признания потерпевшим по уголовному делу публично-правового

1. Kuznetsova N. F. Problems of qualification of crimes. Lectures on the special course "Fundamentals of qualification of crimes". Science ed. and foreword by V. N. Kudryavtseva. Moscow; 2007: 328. (In Russ.).

2. Zhalinsky A. E. Practical course on criminal law. Moscow; 2017: 863. (In Russ.).

3. Zorin A. I. Procedural problems of granting a status of crime victim to the state in criminal proceedings. Education and Law, 185—191, 2018. (In Russ.).

4. Kien L. Ch. On the possibility of recognizing a public legal entity as a victim in a criminal case

образования и возмещении ущерба, причиненного преступлениями экономической направленности (на примере Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 2 (61). С. 150—155.

5. Шкаев С. В., Споршева О. А. История возникновения и развития понятия «мародерство» и ответственности за его совершение // Юридическая наука. 2012. № 3. С. 75—79.

6. Дайшутов М. М., Динека В. И., Денисенко М. В. Психическое насилие в уголовном праве // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 77—81.

7. Шарапов Р. Д. Вопросы квалификации преступных угроз // Уголовное право. 2006. № 1. С. 58—62.

8. Дроздов Д. Е. Понятие и признаки психического насилия // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8, № 2. С. 297—302.

9. Плешаков А. М., Шкабин Г. С. Проблемы теории и практики крайней необходимости в уголовном праве. Москва, 2005. 196 с.

Плешаков Александр Михайлович,
главный научный сотрудник
Центра изучения проблем управления
и организации исполнения наказаний
в уголовно-исполнительной системе
Научно-исследовательского института
Федеральной службы исполнения наказаний,
доктор юридических наук, профессор;
pam7185@ya.ru

Шкабин Геннадий Сергеевич,
главный научный сотрудник
Центра исследования проблем обеспечения
безопасности в учреждениях
уголовно-исполнительной системы
Научно-исследовательского института
Федеральной службы исполнения наказаний,
доктор юридических наук, доцент;
uprzn@ya.ru

and compensation for damage caused by economic crimes (using the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam as examples). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 150—155, 2022. (In Russ.).

5. Shkaev S. V., Sporsheva O. A. The history of the emergence and development of the concept of "looting" and responsibility for its commission. Legal Science, 75—79, 2012. (In Russ.).

6. Daishutov M. M., Dineka V. I., Denisenko M. V. Mental violence in criminal law. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 77—81, 2019. (In Russ.).

7. Sharapov R. D. Qualification issues of criminal threats. Criminal law, 58—62, 2006. (In Russ.).

8. Drozdov D. E. The concept and signs of mental violence. Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences, 297—302, 2022. (In Russ.).

9. Pleshakov A. M., Shkabin G. S. Problems of the theory and practice of extreme necessity in criminal law. Moscow; 2005: 196. (In Russ.).

Pleshakov Alexander Mikhailovich,
chief researcher of the Center for the study
of problems of management
and organization of execution of sentences
in the penitentiary system
of the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
doctor of juridical science, professor;
pam7185@ya.ru

Shkabin Gennady Sergeevich,
chief researcher of the Center for research
on security problems
in the institutions of the penitentiary system
of the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
doctor of juridical science, docent;
uprzn@ya.ru

Статья поступила в редакцию 22.12.2022; одобрена после рецензирования 09.01.2023; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 22.12.2022; approved after reviewing 09.01.2023; accepted for publication 31.01.2023.

* * *

УДК 343.125
doi: 10.25724/VAMVD.A074

**ВРЕМЕННОЕ ПОМЕЩЕНИЕ
В МЕДИЦИНСКУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ,
ОКАЗЫВАЮЩУЮ ПСИХИАТРИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ
В СТАЦИОНАРНЫХ УСЛОВИЯХ,
КАК МЕРА ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ**

Илья Степанович Дикарев

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия, iliadikarev@volsu.ru

Аннотация. Временное помещение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, является специальной мерой процессуального принуждения, применяемой к лицам, в отношении которых осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера. Одним из существенных отличий рассматриваемой меры принуждения от мер пресечения является то, что в комплекс оснований для ее назначения входят медицинские показания. В работе обоснован вывод о том, что при применении данной меры принуждения к лицу, содержащемуся под стражей, не требуется принимать решение об отмене ранее избранной меры пресечения. Предлагается закрепить в законе положение о том, что при временном помещении лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, исполнение ранее избранной меры пресечения приостанавливается и может быть возобновлено в течение срока, на который она была избрана. Отмечена необходимость распространения на случаи применения данной меры принуждения в отношении лица, ранее не содержавшегося под стражей, возможности применения запретов, указанных в ч. 5 ст. 435 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное принуждение, психиатрический стационар, психическое расстройство, принудительные меры медицинского характера

Для цитирования: Дикарев И. С. Временное помещение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, как мера процессуального принуждения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 1 (64). С. 45—50. doi: 10.25724/VAMVD.A074

**TEMPORARY PLACEMENT INTO A MEDICAL ORGANIZATION
PROVIDING PSYCHIATRIC CARE IN STATIONARY CONDITIONS
AS A MEASURE OF PROCEDURAL COERCION**

Ilya Stepanovich Dikarev

Volgograd State University, Volgograd, Russia, iliadikarev@volsu.ru

Abstract. Temporary placement into a medical organization providing psychiatric care in stationary conditions is a special measure of procedural coercion applied to persons against whom proceeding on the application of compulsory medical measures is carried out. One of the significant differences between the measure of coercion under consideration and preventive measures is that the complex of grounds for its appointment includes medical indications. The paper justifies the conclusion that the application of this measure of coercion to a person in custody does not require a decision to be made to cancel a previously chosen preventive measure. The author proposes to fix legislatively the provision that when a person is temporarily placed in a medical organization providing psychiatric care in stationary conditions, the execution of a previously chosen preventive measure is suspended and can be resumed during the period for which it was elected. It is noted that it is necessary to extend the possibility of applying the prohibitions specified in p. 5 of art. 435 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation to the cases involving applying this measure of coercion to a person who has not been previously detained.

Keywords: criminal procedural coercion, psychiatric hospital, mental disorder, compulsory medical measures

For citation: Dikarev I. S. Temporary placement into a medical organization providing psychiatric care in stationary conditions as a measure of procedural coercion. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 45—50, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A074

Эффективность системы мер уголовно-процессуального принуждения прямо определяется ее универсальностью, т. е. возможностью применения принуждения в любой ситуации, когда иными процессуальными средствами обеспечить нормальный ход уголовного судопроизводства невозможно. Правоограничительный характер мер уголовно-процессуального принуждения требует от законодателя детальной проработки как содержания, так и порядка применения таких мер. Этим обусловлено выделение в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ) раздела, где в систематизированном виде изложены нормативные положения, регламентирующие меры процессуального принуждения, в том числе специальные, т. е. применяемые к участникам уголовного процесса, имеющим особый процессуальный статус ввиду несовершеннолетия, прохождения военной службы и иных причин.

Одним из оснований ограничения права на свободу и личную неприкосновенность лица является наличие у него психического расстройства, обусловливающего непосредственную опасность для него самого или для окружающих¹. В рамках уголовного процесса данное основание ограничения конституционных прав и свобод личности обнаруживается при производстве о применении принудительных мер медицинского характера, которое, согласно ч. 2 ст. 433 УПК РФ, осуществляется, когда психическое расстройство лица связано с опасностью для него или других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда. В связи с этим к числу специальных мер процессуального принуждения относится и предусмотренное ст. 435 УПК РФ временное помещение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (психиатрический стационар).

¹ См.: По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 443 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Перлова и запросом мирового судьи судебного участка № 43 города Кургана: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 мая 2013 г. № 10-П // Российская газета. 2013. 29 мая.

Включение статьи, регламентирующей данную меру процессуального принуждения, в главу 51 УПК РФ, видимо, объясняется двумя причинами. Во-первых, тем, что данная мера принуждения применяется только при производстве о применении принудительных мер медицинского характера, а во-вторых, отсутствием у законодателя на момент принятия УПК РФ четкой позиции о видовой принадлежности данной меры принуждения, что не позволило однозначно определить, в какую главу раздела IV УПК РФ — о мерах пресечения или об иных мерах процессуального принуждения — следовало поместить соответствующую статью закона.

Вопрос о правовой природе помещения в психиатрический стационар до сих пор не нашел своего окончательного разрешения. Одни авторы полагают, что данная мера относится к числу мер пресечения [1, с. 99; 2, с. 82]. Другие высказываются против такого подхода, ссылаясь на то, что меры пресечения применяются исключительно к подозреваемому, обвиняемому [3, с. 88]. Вторая точка зрения представляется верной: помещение в психиатрический стационар следует относить к иным мерам процессуального принуждения. Заметим при этом, что указанная мера принуждения отличается от предусмотренного ст. 203 УПК РФ помещения лица в медицинскую организацию для производства судебной экспертизы, поскольку последнее не образует самостоятельной меры принуждения, а является лишь принудительным элементом формы производства судебной экспертизы как следственного действия.

Возможность применения рассматриваемой меры принуждения к лицу, в отношении которого ранее была избрана мера пресечения, поднимает вопрос о правовых последствиях такого решения, ведь при помещении лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, некоторые меры пресечения (содержание под стражей, домашний арест и др.) исполняться не могут.

В предшествующие годы сложилась практика отмены судами ранее избранной меры пресечения с момента помещения лица в психиатрический стационар. Соответствующие рекомендации содержались даже в некоторых научно-практических пособиях по применению УПК РФ [4, с. 796].

Как представляется, подход к решению вопроса о мере пресечения в отношении лица, помещаемого в психиатрический стационар, нуждается в пересмотре в связи с принятием Конституционным Судом Российской Федерации постановления № 20-П от 24 мая 2018 г., по смыслу которого необходимость в отмене меры пресечения в случае применения к лицу меры принуждения, указанной в ст. 435 УПК РФ, отсутствует. При устранении медицинских показаний для нахождения лица в психиатрическом стационаре к нему должна применяться ранее избранная мера пресечения в виде заключения под стражу, если, конечно, к тому имеются основания, а срок, на который она была избрана, не истек¹.

Следует учитывать, что практика включения в судебные решения формулировки об отмене меры пресечения в виде заключения под стражу по прибытии подозреваемого или обвиняемого в психиатрический стационар имеет под собой и объективные причины практического свойства. Дело в том, что исполнение судебных решений о переводе содержащегося под стражей лица в соответствующую медицинскую организацию затруднено вследствие позиции администрации следственных изоляторов, для которых наличие решения об отмене меры пресечения по понятным причинам является принципиальным. Однако, как уже было сказано выше, мера пресечения отменяться не должна, ведь необходимость в ее применении может возникнуть снова, если лицу возвращается статус подозреваемого или обвиняемого (например, при выздоровлении лица, у которого психическое расстройство наступило после совершения преступления). В связи с этим речь необходимо вести не об отмене, а приостановлении исполнения меры пресечения, вызванном замещением ее другой мерой процессуального принуждения, указанной в ст. 435 УПК РФ. Думается, в уголовно-процессуальном законе (ст. 110 УПК РФ) следует предусмотреть положение о том, что при применении меры принуждения, указанной в ст. 435 УПК РФ, исполнение ранее избранной меры пресечения приостанавливается и может быть возобновлено в течение срока, на который она была избрана. Аналогично должен решаться вопрос с мерой пресечения и тогда, когда лицо помещается в меди-

цинский стационар для производства судебной экспертизы в порядке, установленном ст. 203 УПК РФ.

Рассматриваемая мера принуждения отличается от мер пресечения не только по субъектам, к которым закон допускает ее применение, но также по основаниям применения, характеру и целевому назначению.

Сама необходимость помещения в психиатрический стационар обусловлена психическим расстройством лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, или лица, у которого такое расстройство наступило после совершения преступления. Поэтому данная мера принуждения является по своей сущности психиатрической госпитализацией, осуществляемой в недобровольном порядке [5, с. 22]. Впрочем, данное обстоятельство не означает, что предусмотренная ст. 435 УПК РФ мера принуждения по своей правовой природе совпадает с принудительными мерами медицинского характера. В отличие от принудительного лечения, составляющего содержание принудительных мер медицинского характера, медицинская помощь, оказываемая лицу, временно помещенному в психиатрический стационар в порядке ст. 435 УПК РФ, ограничивается поддерживающей терапией и медицинским контролем за его состоянием. Следовательно, в комплексе оснований применения рассматриваемой меры принуждения ключевое значение приобретают медицинские показания, зафиксированные прежде всего в заключении специалистов, проводивших судебно-психиатрическую экспертизу.

Учитывая степень ограничения конституционных прав и свобод личности в связи с помещением лица в психиатрический стационар, применение этой меры принуждения поставлено под судебный контроль. Предметом судебно-контрольной деятельности при этом является проверка наличия комплекса оснований, включая надлежаще установленные медицинские показания, с которыми закон связывает возможность помещения лица в соответствующую медицинскую организацию.

Уголовно-процессуальный закон по-разному регламентирует порядок помещения лица в психиатрический стационар в зависимости от того, содержится ли данное лицо под стражей.

При выявлении психического расстройства, требующего помещения в психиатрический стационар, у лица, в отношении которого *ранее была избрана мера пресечения* в виде заключения под стражу, вопрос о применении рассматриваемой меры принуждения разрешается в порядке, установленном ст. 108 УПК РФ. Если же лицо, помещаемое в психи-

¹ См.: По делу о проверке конституционности статьи 435 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д. и К.: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 мая 2018 г. № 20-П // Российская газета. 2018. 6 июня.

атрический стационар, под стражей не содержится, то данный вопрос рассматривается судом в порядке, установленном ст. 203 УПК РФ. В последнем случае законодатель предписывает использовать тот же механизм судебного контроля, что и при помещении лица в медицинскую организацию для производства стационарной судебной экспертизы, т. е. судебный порядок рассмотрения ходатайств органов расследования о разрешении производства следственных действий (ст. 165 УПК РФ).

Применение процессуального порядка, предусмотренного ст. 165 УПК РФ, в указанных обстоятельствах объясняется тем, что поскольку лицо, помещаемое в психиатрический стационар, не содержится под стражей, вопрос о применении такой меры принуждения должен решаться в отсутствие стороны защиты. Ни лицо, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, ни его защитник или законный представитель не должны знать о рассмотрении судом данного вопроса, поскольку иначе возникает угроза того, что лицо, в отношении которого решается вопрос о помещении в соответствующую медицинскую организацию, скроется от органов предварительного расследования. В связи с этим вызывают возражения, относящиеся к порядку применения ст. 165 УПК РФ разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации о том, что при рассмотрении судом вопроса о помещении в медицинскую организацию для производства стационарной судебно-психиатрической экспертизы подозреваемому, обвиняемому должна обеспечиваться возможность участия в судебном заседании¹. Если бы законодатель исходил из необходимости участия в судебном заседании лица, в отношении которого решается вопрос о помещении в соответствующую медицинскую организацию, то во всех случаях, независимо от содержания лица под стражей, применялась бы процедура, предусмотренная ст. 108 УПК РФ. Именно нахождение лица на свободе, имеющаяся у него реальная возможность скрыться от органов расследования обусловили применение в данной ситуации процедуры судебного контроля, реализуемой без участия стороны защиты.

Содержание временного помещения в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, раскрывается через решаемые этой мерой принуждения

задачи (ее функции). Исследователи этого вопроса включают в перечень задач рассматриваемой меры принуждения прежде всего оказание медицинской (психиатрической) помощи лицу, в отношении которого она применяется, а также его изоляцию от общества, необходимую для нейтрализации опасности, которую представляет как для самого лица, так и для окружающих его психическое расстройство [1, с. 99]. Некоторые авторы предпринимают попытку ранжирования целей данной меры принуждения в зависимости от их значимости. В частности, М. А. Щербакова полагает, что лечение лица составляет дополнительную по отношению к нейтрализации исходящих от него угроз цель применения рассматриваемой меры пресечения [6, с. 131]. Такой подход представляется дискуссионным, поскольку в комплексе оснований применения данной меры принуждения медицинские показания для оказания лицу психиатрической помощи и опасность психического расстройства, которым страдает лицо, помещаемое в психиатрический стационар, являются абсолютно равнозначными. Полагаем, что наиболее исчерпывающие функции рассматриваемой меры процессуального принуждения перечислены Е. В. Макушкиным и С. Н. Шишковым: 1) оказание лицу с психическим расстройством показанной ему по состоянию здоровья психиатрической помощи; 2) обеспечение медицинской безопасности, поскольку среди больных данной категории могут оказаться лица, представляющие по своему психическому состоянию повышенную или особую опасность; 3) функция, которую в уголовном процессе выполняет мера пресечения в виде содержания под стражей [5, с. 22].

То обстоятельство, что временное помещение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, обеспечивает решение задач, свойственных мерам пресечения, не вызывает сомнений. Именно этим обусловлено включение в уголовно-процессуальный закон положения, допускающего установление в отношении лица, помещенного в соответствующую медицинскую организацию, ряда запретов, связанных с общением с определенными лицами и использованием средств связи (ч. 5 ст. 435 УПК РФ) и характерных прежде всего для мер пресечения.

Однако по буквальному смыслу закона применение указанных запретов допускается только тогда, когда в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, помещается лицо, *ранее уже содержавшееся под стражей*. Об этом, в частности, свидетельствует содержание ч. 6 ст. 435 УПК РФ. Между тем решать

¹ См.: О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 // Российская газета. 2010. 30 дек.

задачи, стоящие перед мерами пресечения, помещение в психиатрический стационар должно независимо от того, содержалось лицо до этого под стражей или нет. В связи с этим ст. 435 УПК РФ нуждается в изменении: возможность установления судом запретов, указанных в ч. 5 ст. 435 УПК РФ, должна распространяться и на случаи помещения лица в психиатрический стационар в порядке, установленном ч. 11 ст. 435 УПК РФ.

Подводя итог, следует обратить внимание на еще один дефект законодательной техники. Речь идет

о неполноте содержащегося в ч. 2 ст. 29 УПК РФ перечня решений, принимаемых в ходе досудебного производства в порядке судебного контроля. В этом перечне по труднообъяснимой причине отсутствует решение о временном помещении в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, принимаемое в отношении подозреваемого или обвиняемого, не содержащегося под стражей. Полагаем, что этот законодательный пробел необходимо восполнить.

1. Кудрявцева А. В. Правовая природа и практика применения процессуальной меры, предусмотренной ст. 435 УПК // Уголовное право. 2014. № 6. С. 95—100.

2. Суховерхова Е. В. Помещение в психиатрический стационар в соответствии со ст. 435 УПК РФ — разновидность заключения под стражу или отдельная мера пресечения? // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 3. С. 80—82.

3. Ручина А. А. О правовой природе применения мер принуждения к лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1. С. 84—90.

4. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева. 6-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2013. 824 с.

5. Макушкин Е. В., Шишков С. Н. Помещение лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, на основании статьи 435 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Российский психиатрический журнал. 2019. № 4. С. 20—26.

6. Щербаклова М. А. Помещение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в уголовном судопроизводстве: сущность и цели // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2022. Вып. 1. С. 128—135.

1. Kudryavtseva A. V. Legal nature and practice of applying the procedural measure provided by article 435 of the Criminal procedure code. Criminal law, 95—100, 2014. (In Russ.).

2. Sukhoverkhova E. V. Placement in a psychiatric hospital in accordance with article 435 of the Criminal procedure code of the Russian Federation as a type of detention or a separate preventive measure? Bulletin of the Moscow university of the Ministry of internal affairs of Russia, 80—82, 2012. (In Russ.).

3. Ruchina A. A. About the legal nature of the application of coercive measures to a person against whom proceedings are being conducted on the application of compulsory medical measures. Bulletin of the East-Siberian institute of the Ministry of internal affairs of Russia, 84—90, 2019. (In Russ.).

4. The practice of applying the Criminal procedure code of the Russian Federation. The general ed. V. M. Lebedev. 6th ed., rev. and add. Moscow: Yurite; 2013: 824. (In Russ.).

5. Makushkin E. V., Shishkov S. N. Placing a person in a medical organization providing psychiatric care in stationary conditions on the basis of article 435 of the Criminal procedure code of the Russian Federation. Russian psychiatric journal, 20—26, 2019. (In Russ.).

6. Shcherbakova M. A. The essence and purposes of placement in a medical organization providing psychiatric care in inpatient conditions, in criminal proceedings. Izvestia TulSU. Economic and legal sciences, 128—135, 2022. (In Russ.).

Дикарев Илья Степанович,
директор института права
Волгоградского государственного университета,
доктор юридических наук, доцент;
iliadikarev@volsu.ru

Dikarev Ilya Stepanovich,
director of the Institute of law
of Volgograd State University,
doctor of juridical sciences, docent;
iliadikarev@volsu.ru

Статья поступила в редакцию 28.12.2022; одобрена после рецензирования 10.01.2023; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 28.12.2022; approved after reviewing 10.01.2023; accepted for publication 31.01.2023.

* * *

УДК 343.132
doi: 10.25724/VAMVD.A075

**СОГЛАСИЕ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ
ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
ПО НЕРЕАБИЛИТИРУЮЩИМ ОСНОВАНИЯМ**

Александр Александрович Насонов

Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия
tribalcrest@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются вопросы согласования, сопровождающие прекращение уголовного дела. Дан их исторический анализ. Аргументируется, что действующее уголовно-процессуальное законодательство сохранило определенную преемственность с ранее действовавшими нормативными правовыми актами в вопросах согласования при прекращении уголовного дела. Обосновывается необходимость совершенствования действующего законодательства в части регулирования согласования при рассматриваемой форме прекращения производства по делу. Приводятся доводы в пользу целесообразности согласования решения дознавателя о прекращении уголовного дела с начальником подразделения дознания. Дана оценка научной позиции отдельных авторов относительно необходимости получения согласия потерпевшего в случае прекращения уголовного дела по гл. 51.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Приводятся доказательства в пользу того, что согласие остается важным юридическим фактом, без которого некоторые виды прекращения уголовного дела невозможны. Показано, что необходимость согласования обусловлена потребностью достижения компромисса между участниками уголовно-процессуальных отношений, выполняющих различные уголовно-процессуальные функции.

Ключевые слова: прекращение уголовного дела, согласие, следователь, дознаватель, суд, нереабилитирующие основания, судебный штраф, примирение

Для цитирования: Насонов А. А. Согласие как необходимое условие прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 1 (64). С. 51—56. doi: 10.25724/VAMVD.A075

**CONSENT AS A NECESSARY CONDITION
FOR THE TERMINATION OF A CRIMINAL CASE
ON NON-REHABILITATING GROUNDS**

Alexander Alexandrovich Nasonov

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia, tribalcrest@yandex.ru

Abstract. The article examines the issues of coordination accompanying the termination of a criminal case. Their historical analysis is given. It is argued that the current criminal procedure legislation has retained a certain continuity with the previously existing regulatory legal acts in matters of coordination during the termination of a criminal case. The necessity of improving the current legislation regarding the regulation of coordination during the considered form of termination of the proceedings is substantiated. Arguments are given in favor of the expediency of coordinating the investigator's decision to terminate the criminal case with the head of the inquiry unit. An assessment of the scientific position of individual authors regarding the need to obtain the consent of the victim in the event of termination of a criminal case under Chapter 51.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation is given. Evidence is given in favor of the fact that consent remains an important legal fact, without which some types of termination of a criminal case are impossible. It is shown that the need for coordination is due to the need to reach a compromise between the participants of criminal procedural relations performing various criminal procedural functions.

Keywords: termination of a criminal case, consent, investigator, inquirer, court, non-rehabilitating grounds, judicial fine, reconciliation

For citation: Nasonov A. A. Consent as a necessary condition for the termination of a criminal case on non-rehabilitating grounds. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 51—56, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A075

Прекращение уголовного дела является одной из форм окончания предварительного следствия. Оно может осуществляться как по реабилитирующим, так и по нереабилитирующим основаниям.

Реализация норм, регламентирующих прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, предполагает обращение к институту согласования. Зарождаться указанный институт стал задолго до принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ). Потребность в нем была продиктована ситуацией примирения сторон, которая могла касаться некоторых дел. Очевидно, что такое примирение требовало добровольного согласия сторон, участвующих в нем. О случаях примирения содержится упоминание в таких ранних источниках права, как Двинская уставная грамота 1397 г. (ст. 3), Псковская судная грамота 1397—1467 гг. (ст. 37, 80), Судебник Ивана IV 1550 г. (ст. 10, 11, 31, 62). Более обстоятельно вопрос прекращения уголовного дела как за примирением сторон, так и по другим основаниям был проработан в рамках Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (УУС). В данном документе были предусмотрены основания прекращения уголовного дела.

Согласно ст. 277 УУС решение о прекращении следствия мог принимать только суд, при этом судебный следователь обращался к суду за прекращением дела через прокурора. Именно по его заключению суд рассматривал вопрос о прекращении уголовного дела. Иными словами, прекращение уголовного дела без согласия прокурора было невозможным. Более того, если речь шла о прекращении за примирением сторон, то важно было получить на это их согласие. Указанное согласие должно было носить добровольный характер. Данная характеристика согласия несколько не противоречила правилу, содержащемуся в ст. 120, 165 УУС. Согласно ему суд должен был склонить стороны к миру, постараться примирить обвинителя с обвиняемым.

Потребность в согласовании вопроса о прекращении уголовного дела сохранялась и в советское время. Особенно четко она прослеживается в тексте УПК РСФСР от 27 октября 1960 г.

Во-первых, ст. 5 предусматривала более развернутый перечень оснований прекращения уго-

ловного дела, который включал в себя как реабилитирующие, так и нереабилитирующие основания.

Во-вторых, в тексте УПК РСФСР четко прописывалось требование об отсутствии возражений (т. е. согласия) на прекращение уголовного дела со стороны лица, совершившего преступления. Это требование касалось таких оснований, как истечение сроков давности, амнистия, изменение обстановки, деятельное раскаяние, применение принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетнего (ст. 5—8 УПК РСФСР). Примирение же сторон требовало их обоюдного согласия.

В-третьих, расширился круг субъектов, получивших полномочие прекращать уголовное дело. К нему относился не только суд, но и прокурор. Следователь и орган дознания могли прекратить уголовное дело лишь с согласия прокурора. Таким образом, институт согласования в советское время оказался также востребованным при прекращении уголовного дела.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство сохранило определенную преемственность с ранее действующими нормативными правовыми актами. По-прежнему сохранялась необходимость в институте согласования при решении вопроса о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. В рамках реализации норм, принадлежащих указанному институту, сформировалась потребность в следующих видах согласия: 1) согласие руководителя следственного органа; 2) согласие прокурора; 3) согласие подозреваемого и обвиняемого; 4) согласие потерпевшего или его законного представителя; 5) согласие близких родственников умершего.

Первые два вида согласия требуются в случаях прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ), в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ), в связи с возмещением ущерба (ст. 28.1 УПК РФ). Кроме того, согласие руководителя следственного органа необходимо следователю, а согласие прокурора — дознавателю для вынесения постановления о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого и назначении ему меры уголовно-правового

характера в виде судебного штрафа (ч. 2 ст. 446.2 УПК РФ).

Получаемое в рамках указанных норм согласие руководителя следственного органа следует относить к средствам ведомственного контроля, с помощью которого проверяется законность прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. С помощью указанного средства обеспечиваются права и законные интересы лиц, которых затрагивает прекращение уголовного дела. Наиболее наглядно это проявляется в ситуации, требующей от руководителя следственного органа личного допроса подозреваемого, обвиняемого при рассмотрении вопроса о даче согласия следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, продлении, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения (п. 4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ).

Согласие же прокурора дознавателю является средством прокурорского надзора за прекращением уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. Однако такой надзор прокурору осуществлять непросто. Прокурорский надзор в данном случае конкурирует с процессуальным руководством, которое по действующему законодательству прокурор также вынужден осуществлять за дознанием. Такая многовекторная деятельность прокурора вызывает критику со стороны отдельных авторов. Так, Ю. К. Якимович обращает внимание на парадоксальность ситуации, при которой прокурор, не получив возможности процессуального руководства предварительным следствием, сохранил за собой руководство дознанием, т. е. стал отвечать за качество последнего [1, с. 746]. С автором трудно не согласиться. Представляется, что единообразный подход к регламентации вопроса согласования при прекращении уголовного дела, исключаящий учет формы предварительного расследования, был бы более оптимальным для уголовно-процессуальной системы. Следовало бы согласие прокурора дознавателю на прекращение уголовного дела заменить на согласие начальника подразделения дознания. Это позволило бы избежать дублирования таких средств прокурорского реагирования, как дача согласия дознавателю на прекращение уголовного дела (например, ст. 25 УПК РФ) и утверждение постановления дознавателя о прекращении уголовного дела (п. 13 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). Кроме того, наделение начальника подразделения дознания полномочием давать согласие на прекращение уголовного дела расширит его возможности в сфере осуществления процессуального ведомственного

контроля за дознавателем. Такая коррекция вовсе не означает, что прекращение уголовного дела уйдет из поля зрения прокурора. За прокурором должно остаться право отменять постановления следователя, дознавателя о прекращении уголовного дела (ч. 1 ст. 214 УПК РФ), а также полномочие утверждать постановления о прекращении уголовного дела (п. 13 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). Причем последнее полномочие давно находится в поле зрения авторов, призывающих прокуроров применять его более активно [2, с. 33]. Думается, что утверждение итогового документа будет более эффективным средством прокурорского надзора, чем его согласование. Речь при этом идет об утверждении прокурором постановления о прекращении уголовного дела, вынесенного как дознавателем, так и следователем. Что же касается полномочия руководителя следственного органа по утверждению указанного постановления (п. 9 ч. 1 ст. 39 УПК РФ), то оно должно быть исключено из процессуального статуса указанного участника уголовного судопроизводства. Тем самым будет исключено необоснованное дублирование полномочий прокурора и руководителя следственного органа. А сфера прокурорского надзора на предварительном следствии заметно расширится.

Преобразование существующих видов согласия, исходящих от властных субъектов, позволит рационально использовать потенциал как ведомственного процессуального контроля, так и прокурорского надзора за предварительным расследованием.

Однако для прекращения уголовного дела в некоторых случаях требуется не только согласие властных субъектов, но и согласие лиц, не наделенных властными полномочиями. Согласие на прекращение уголовного дела, исходящее от таких лиц, подразделяется на следующие виды: 1) согласие подозреваемого и обвиняемого; 2) согласие потерпевшего и его законного представителя; 3) согласие близких родственников умершего.

Наибольшее распространение в интересующей нас сфере получило согласие подозреваемого и обвиняемого. Оно должно сопровождать прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям практически во всех случаях. Это обусловлено тем, что такой вид прекращения уголовного дела не исключает виновности лица в совершении преступного деяния¹, а с этим может согласиться не каждый обвиняемый. Поэтому

¹ Долгих Т. Н. Прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в указанной ситуации без согласия лица не обойтись. Дача лицом согласия в этом случае будет означать, что лицо добровольно признает себя виновным в совершении преступления и принимает все процессуальные последствия такого прекращения. Поэтому важным является разъяснение подозреваемому и обвиняемому указанных последствий дачи согласия. Недаром законодатель именно на это обстоятельство обращает самое пристальное внимание в некоторых статьях УПК РФ (например, ч. 3 ст. 28 УПК РФ). Соблюдение требования об обязательности разъяснения подозреваемому и обвиняемому последствий дачи согласия в определенной мере укрепляет убеждение в том, что согласие является еще и средством уголовно-процессуальной защиты [3, с. 299].

Согласие потерпевшего или его законного представителя также используется для защиты интересов. Конечно, в этой ситуации речь идет о защите интересов потерпевшего. Согласие потерпевшего или его законного представителя значимо для прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. Однако сфера применения согласия потерпевшего в уголовно-процессуальных отношениях, возникающих в ходе прекращения уголовного дела, более узкая.

Нечасто возникает потребность и в согласии близких родственников умершего. Оно имеет значение лишь для прекращения уголовного дела в отдельных случаях. Так, согласие близких родственников умершего необходимо для прекращения уголовного дела по п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ¹. Это связано с тем, что родственники могут быть озабочены вопросом реабилитации умершего, исключая дачу ими согласия на прекращение уголовного дела по указанному основанию.

В то же время для прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон согласие потерпевшего или его законного представителя является актуальным. Недаром в ст. 25 УПК РФ упомянутый вид согласия достаточно четко обозначен. В иных случаях прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям законодатель не требует согласия потерпевшего (например, в случае прекращения дела по ст. 25.1 УПК РФ).

¹ По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с жалобами граждан С. И. Александрина и Ю. Ф. Ващенко: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 г. № 16-П // СЗ РФ. 2011. № 30. Ст. 4698.

Вместе с тем анализ отдельных норм позволяет утверждать, что мнение потерпевшего относительно вопроса прекращения уголовного дела также является для суда важным, причем настолько, что в судебном заседании суд им активно интересуется. Особенно это касается случаев прекращения уголовного дела по ст. 25.1 УПК РФ. И это притом, что Верховный Суд Российской Федерации обратил внимание на то, что согласие потерпевшего на прекращение уголовного дела по ст. 25.1 УПК РФ не требуется². Да и практика некоторых судов также свидетельствует в пользу указанного тезиса³.

Тем не менее суды в судебном заседании от случая к случаю интересуются позицией потерпевшего относительно прекращения уголовного дела по ст. 25.1 УПК РФ и отражают его в протоколе судебного заседания. Правда, это не означает, что суды в указанных ситуациях рассматривают согласие потерпевшего в качестве юридического факта, необходимого для прекращения уголовного дела по ст. 25.1 УПК РФ. Определение указанного обстоятельства важно для суда с точки зрения выяснения того, возместило ли лицо вред. Следовательно, необходимо допросить потерпевшего на предмет возмещения ему вреда. Ну, и попутно могут поинтересоваться, согласен ли потерпевший на прекращение уголовного дела по ст. 25.1 УПК РФ или нет. Кстати, аналогичный подход может быть применен на практике и в ситуации, требующей прекращения уголовного дела в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ) и возмещением вреда (ст. 76.1 УК РФ). В этих случаях также обязательным условием прекращения уголовного дела по указанным основаниям является заглаживание или возмещение вреда, причиненного преступлением. Проверить это факт, минуя допрос потерпевшего, весьма затруднительно.

Итак, мнение потерпевшего в ряде случаев становится важным условием прекращения уголовного дела. В связи с этим актуальным является вывод А. А. Мельчаева о том, что мнение

² Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10 июля 2019 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 12.

³ Арутюнян О. Обзор практики кассационных судов общей юрисдикции по прекращению уголовного дела в соответствии со ст. 25.1 УПК РФ // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://parf.ru/practical-information/ugolovnoe-sudoproizvodstvo/obzor-praktiki-kassatsionnykh-sudov-obshchey-yurisdiksii-po-prekrashcheniyu-ugolovnogo-dela-v-sootvetstviy-s-25.1-upk-rf/> (дата обращения: 26.12.2022).

потерпевшего суд должен учитывать всегда при принятии решения о назначении судебного штрафа, так как, согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации, способ заглаживания вреда, размер его возмещения определяются потерпевшим [4, с. 83—84].

Учет указанных обстоятельств позволил отдельным авторам прийти к выводу о том, что при назначении судебного штрафа все-таки необходимо заручиться согласием потерпевшего [5, с. 189]. Такое согласие, по мнению М. А. Баранова и А. М. Косаревой, позволяет защитить интересы потерпевшего. В связи с этим указанные авторы предлагают отразить в ч. 1 ст. 25.1 УПК РФ в качестве условия прекращения уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа не только возмещение ущерба, но и примирение с потерпевшим, предполагающее его согласие на прекращение уголовного дела по указанному основанию [5, с. 188].

Представляется, что указанный шаг усилит примирительную функцию государственных органов и должностных лиц, занятых в процедуре прекращения уголовного дела по основанию, предусмотренному ст. 25.1 УПК РФ. Этому будет способствовать реализация компромиссного компонента согласования, предполагаемого к закреплению УПК РФ.

Вместе с тем ставить прекращение уголовного дела по указанному основанию в зависимость от согласия потерпевшего было бы не верно. Во-первых, стирается грань между такими основаниями, как примирение сторон и назначение судебного штрафа. А это, в свою очередь, делает нецелесообразным применение последнего основания прекращения уголовного дела. Во-вторых, подозреваемый, обвиняемый, добросовестно выполнившие свои материальные обязательства перед потерпевшим (загладившие причиненный преступлением вред), могут из-за неконструктивной позиции потерпевшего, не желающего примирения, лишиться возможности быть непривлеченным к уголовной ответственности. Ныне действующая редак-

ция ст. 25.1 УПК РФ позволяет подозреваемым и обвиняемым реализовать указанную возможность даже в случае несогласия потерпевшего с прекращением уголовного дела.

В связи со сказанным более привлекательной выглядит позиция Ю. В. Кувалдиной об условиях прекращения уголовного дела по ст. 25.1 УПК РФ. Она ориентирует на то, что согласие потерпевшего в рамках обозначенной формы излишне, но указанный участник вправе сообщить о своем мнении по соответствующему вопросу [6, с. 118].

Представляется, что подход, сформулированный в приведенном высказывании, позволит обеспечить в уголовном судопроизводстве не только интересы потерпевшего, но и подозреваемого, обвиняемого. Кроме того, это будет способствовать единообразию судебной практики по рассматриваемым категориям дел. Упомянутая позиция потерпевшего будет выясняться судом во всех аналогичных ситуациях, а не от случая к случаю.

Сказанное применительно к прекращению уголовного дела по ст. 25.1 УПК РФ ни в коей мере не принижает роль согласования с потерпевшим в иных случаях прекращения уголовного дела (например, ст. 25, 28, 28.1 УПК РФ). Согласие в этих ситуациях остается важным юридическим фактом, без которого данные виды прекращения уголовного дела невозможны. Во многом это связано не только с потребностью достижения компромисса между участниками уголовно-процессуальных отношений, выполняющих различные уголовно-процессуальные функции. Потерпевший с помощью соответствующего процессуального средства определенным образом контролирует ситуацию, которая складывается вокруг него в связи с прекращением уголовного дела. Это позволяет ему вовремя отреагировать на увиденные им нарушения с помощью несогласия на прекращение уголовного дела. А если таковое состоялось помимо его воли, то потерпевший вправе обратиться с соответствующей жалобой к прокурору или в суд.

1. Якимович Ю. К. Избранные труды. Санкт-Петербург: Юрид. центр — Пресс, 2011. 772 с.

2. Быков В. М. Правовое положение прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2016. № 11. С. 30—34.

3. Малуева Р. Ю. Согласие как средство защиты участников уголовного судопроизводства // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 1. С. 299—303.

1. Yakimovich Yu. K. Selected works. Saint Petersburg: Legal Center — Press; 2011: 772. (In Russ.).

2. Bykov V. M. The legal position of the prosecutor at the pre-trial stages of criminal proceedings. Russian Justice, 30—34, 2016. (In Russ.).

3. Malueva R. Yu. Consent as a means of protecting participants in criminal proceedings. Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 299—303, 2020. (In Russ.).

4. Мельчаев А. А. Как убедить суд назначить судебный штраф: рекомендации для защиты // Уголовный процесс. 2017. № 10. С. 80—87.

5. Баранов М. А., Косарева А. М. К вопросу об эффективности судебного штрафа (статья 25.1 УПК РФ) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 3 (116). С. 185—190.

6. Кувалдина Ю. В. Обеспечение конституционных прав потерпевшего в процедуре прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4, № 3. С. 114—119.

4. Melchaev A. A. How to convince the court to impose a judicial fine: recommendations for protection. Criminal trial, 80—87, 2017. (In Russ.).

5. Baranov M. A., Kosareva A. M. On the question of the effectiveness of a judicial fine (Article 25.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation). Bulletin of the Saratov State Law Academy, 185—190, 2017. (In Russ.).

6. Kuvaldina Yu. V. Ensuring the constitutional rights of the victim in the procedure of termination of a criminal case with the appointment of a court fine. Legal Bulletin of Samara University, 114—119, 2018. (In Russ.).

Насонов Александр Александрович,
старший преподаватель
кафедры уголовного процесса
Воронежского института МВД России,
кандидат юридических наук;
tribalcrest@yandex.ru

Nasonov Alexander Alexandrovich,
senior lecturer at the department
of criminal procedure
of the Voronezh Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
candidate of juridical sciences;
tribalcrest@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 20.12.2022; одобрена после рецензирования 28.12.2022; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 20.12.2022; approved after reviewing 28.12.2022; accepted for publication 31.01.2023.

* * *

УДК 343.1

doi: 10.25724/VAMVD.A076

**ТИПОЛОГИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА
И ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА****Анна Юрьевна Чурикова*, Михаил Александрович Лавнов****

* Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Саратов, Россия, a_tschurikova@bk.ru

** Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, m-lavnov@rambler.ru

Аннотация. В российской модели уголовного судопроизводства особая роль отводится прокурору, который обладает обширными полномочиями и выполняет множество разноплановых функций, среди которых в теории выделяется контрольно-надзорная, правозащитная, а также функция уголовного преследования, проявляющаяся, в том числе, через координацию деятельности правоохранительных органов. В статье ценностные ориентиры системы уголовного правосудия исследуются с позиции их влияния на формирование правовой и фактической модели деятельности прокурора и организации всего судопроизводства. Настоящая работа посвящена поиску системных взаимосвязей между правовой моделью деятельности прокурора и типом уголовного судопроизводства. В связи с этим ставится задача выявить подобного рода закономерности, необходимые для дальнейшего прогнозирования наиболее перспективной версии построения уголовного судопроизводства. Решение поставленных исследовательских задач реализовывалось при комплексном использовании общенаучных и частнонаучных методов познания (диалектический, логический, системный, структурно-функциональный, формально-юридический и другие методы). В результате проведенного исследования аккумулируется знание о корреляции моделей деятельности прокурора и моделей уголовного судопроизводства. Это позволит осознанно и четко определить приоритеты уголовной юстиции и задать вектор системных преобразований отечественного уголовного судопроизводства. Новизна исследования заключается в том, что впервые типы и модели уголовного процесса исследуются с позиции их взаимосвязи с моделью деятельности прокурора.

Ключевые слова: модель деятельности прокурора, типология уголовного судопроизводства, контроль над преступностью, права личности, интересы общества и государства, состязательность, справедливость, транспарентность, развитие уголовного процесса

Для цитирования: Чурикова А. Ю., Лавнов М. А. Типология уголовного процесса и правовая модель деятельности прокурора // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 1 (64). С. 57—64. doi: 10.25724/VAMVD.A076

**TYOLOGY OF CRIMINAL PROCEEDINGS
AND LEGAL MODEL OF THE PROSECUTOR'S ACTIVITY****Anna Yuriyevna Churikova*, Mikhail Alexandrovich Lavnov****

* Povolzhsky Institute of Management named after P. A. Stolypin, the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saratov, Russia, a_tschurikova@bk.ru

** Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, m-lavnov@rambler.ru

Abstract. The authors of the given article point out that in the Russian model of the criminal proceedings the prosecutor plays a special role, has extensive powers and performs many diverse functions, among which, in theory, there are control and supervisory, a human rights, as well as a function of criminal prosecution; the latter can be seen through the coordination of law enforcement agencies. The authors of the given article examine the value orientations of the criminal justice system from the standpoint of their influence on the formation of the legal and factual model of the prosecutor's activity and the organization of the entire legal proceedings. This article deals with

searching for systemic relationships between the legal model of the prosecutor's activity and the type of the criminal proceedings. Therefore, the authors of the article are to identify such patterns that are necessary to predict the most promising version of forming the criminal proceedings. To do that the authors applied in an integrated manner general scientific and particular scientific methods of cognition (dialectical, logical, systemic, structural-functional, formal-legal and other methods). Having examined this, the authors of the given article accumulated knowledge about the correlation of the prosecutor's activity models and models of the criminal proceedings. It, in its turn, will make it possible to define consciously and clearly the priorities of criminal justice and set the vector for systemic transformations in the domestic criminal proceedings. The novelty of this examination is said to be in the fact that for the first time the types and models of the criminal procedure are studied from the standpoint of their relationship with the prosecutor's activity model.

Keywords: prosecutor's activity model, criminal justice typology, crime control, individual rights, the interests of the society and the state, competitiveness, justice, transparency, development of criminal procedure

For citation: Churikova A. Yu., Lavnov M. A. Typology of criminal proceedings and legal model of the prosecutor's activity. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 57—64, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A076

Любое государство, любая правовая система в процессе своего становления и развития неизбежно сталкивается с необходимостью решения глобальных проблем, связанных с различными формами нарушения закона, с выработкой оптимальной системы уголовного судопроизводства, способной достойно противостоять вызовам преступности. Главным вопросом при определении как правовой модели деятельности прокурора, так и модели всего судопроизводства представляется проблема поиска баланса между задачей противодействия преступности и разумным обеспечением прав и свобод человека, вовлеченного в производство по уголовному делу, что, в свою очередь, раскрывает более общую концепцию соотношения интересов государства, общества и личности с учетом действующего на том или ином историческом отрезке политического режима. Одна из основных идей настоящего исследования в таком контексте заключается в том, что процессуальное положение прокурора во многом определяет то, черты какого типа уголовного процесса будут преобладать в реальности. Исторически модели уголовного судопроизводства при всем их социально-культурном, идеологическом и экономическом разнообразии всегда строились вокруг двух полюсов, определяющих систему ценностей: борьба с преступностью и права человека. Исследование системы ценностей уголовной юстиции в рамках различных типов уголовного процесса позволит определить влияние процессуального положения прокурора на типологические характеристики моделей производства по уголовным делам. Такой подход позволит на качественно новом уровне проводить совершенствование уголовно-процессуального законодательства и соответствующей правоприменительной практики, а также задать единый вектор таких преобразований. Особое внимание следует

уделить двум факторам. С одной стороны, запросу гражданского общества на открытость уголовного судопроизводства и справедливость процедуры разрешения социальных конфликтов, порожденных совершенным преступлением. С другой — определению высокого уровня гарантий прав личности при производстве по уголовным делам и соотношению таких гарантий с принципом неотвратимости уголовной ответственности.

В рамках настоящей статьи проанализируем отдельные теоретические модели организации уголовной юстиции: англо-саксонская модель, основанная на общем праве; социалистическая модель (модель советского уголовного судопроизводства в отдельные исторические периоды); современная российская модель.

Факторы, оказывающие влияние на формирование и развитие типа уголовного процесса

Рассматривая факторы, оказывающие существенное влияние на формирование и развитие типа уголовного процесса, Е. Л. Федосеева и Н. В. Осодоева подразделяют их на внешние (ход исторического развития государства) и внутренние (что именно относится к внутренним факторам, авторами не уточняется) [1, с. 29—30]. Соглашаясь в целом с мнением о существенном влиянии на тип уголовного процесса уровня развития общества и государства, считаем необходимым обратить внимание на внутренние факторы, определяющие тип уголовного судопроизводства.

Например, И. А. Чердынцева в качестве методологической основы построения типологии уголовного судопроизводства выделяет семь элементов: «...Цель процесса, уровень соотношения публичных и диспозитивных начал, статус состязательности и роль суда в доказывании, функциональное содержание уголовного процесса, вид и сущность обвинения, метод правового регулирования» [2, с. 7].

Безусловно, все это можно отнести к внутренним факторам, оказывающим влияние на тип уголовного судопроизводства. Однако что же можно назвать ключевым внутренним условием, определяющим тип процесса?

Во многих фундаментальных исследованиях зарубежных авторов в основу выделения типов (моделей) уголовного судопроизводства положен такой критерий, как система ценностей (борьба с преступностью или права личности), лежащая в основе уголовного судопроизводства [3—5].

Если говорить о наиболее часто используемой в науке классификации типов уголовного процесса на розыскной и состязательный [6—9], то в основе их выделения как раз фактически лежит система ценностей (ориентиров) профессиональных участников уголовного судопроизводства. В связи с этим возникает исследовательский вопрос: деятельность какого участника уголовного процесса в наибольшей степени на всех стадиях уголовного судопроизводства выражает систему ценностей (ориентиров), заложенных государством?

Подтверждением тезиса о том, что таким участником является прокурор, выступает не только богатый отечественный опыт теоретических исследований, но и работы, посвященные изучению зарубежных моделей уголовного процесса. К примеру, изменение уголовного судопроизводства в Англии и Уэльсе, как считают К. Брантс и А. Рингальда, обусловлено именно существенным расширением полномочий прокурора, укреплением его процессуального положения на основе принципов независимости и широких дискреционных полномочий¹.

Формирование правовой и фактической модели деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве зависит от множества факторов, как социально-политических, экономических, так и духовно-нравственных. Базовыми элементами такой модели являются: нормативно-правовая база, организационные принципы и принципы процессуальной деятельности, а также функциональное назначение, процессуальная компетенция и др. Вместе с тем ценностные ориентиры всей системы уголовного судопроизводства имеют решающее значение в контексте рассматриваемого вопроса. Одной из важнейших проблем теории и практики уголовного процесса является установление его типа на основе определения приоритетов и соотношения интересов государства, общества и личности.

Исследование подобного рода невозможно провести игнорируя социально-политическую, экономическую, культурную составляющую в конкретном государстве, в конкретный исторический период.

Исследуя системы ценностей уголовной юстиции в рамках различных типов уголовного процесса, можно определить корреляцию с правовой моделью деятельности прокурора.

Гносеологический анализ влияния модели деятельности прокурора на тип уголовного процесса

На заре человеческой цивилизации представления о преступлении и наказании существовали в виде морали, базовых представлений о добре и зле, обычаях и традициях. Преступление еще на рассматривалось как явление социальное, имеющее общественную опасность, а определялось как действия, направленные против интересов потерпевшего. Наличие таких споров, как указывал И. Я. Фойницкий, привело к возникновению первого исторического типа уголовного судопроизводства — обвинительного [10, с. 17].

Уголовный процесс всегда взаимодействует не с преступностью как социальным явлением, а с конкретным преступлением и человеком, его совершившим. Современные представления о назначении уголовного судопроизводства уходят от концепций достижения объективной истины, полного, всестороннего исследования обстоятельств уголовного дела и смещаются в сторону соблюдения разумного баланса между задачей раскрытия, расследования преступления, изобличения лица, его совершившего, и задачей создания такой процессуальной формы, которая в равной степени обеспечивала бы реализацию публичных интересов (в том числе обеспечение прав потерпевшего) и защиту прав личности, вовлеченной в механизм уголовной юстиции. Подтверждение тезиса о том, что уголовный процесс нельзя рассматривать исключительно как публичную деятельность, встречается, например, в работе И. Л. Петрухина [11, с. 39]. Совершенно справедливыми представляются выводы А. А. Тарасова о том, что уголовный процесс являет собой цивилизованную процедуру разрешения социального конфликта, облеченную в уголовно-процессуальную форму, вызванного совершенным преступлением, где бы в равной мере обеспечивались интересы как потерпевшего, так и изобличаемого лица, а также всех других заинтересованных участников процесса [12, с. 25].

В отечественной истории, тем не менее, существовал период, когда модель борьбы с преступностью была возведена в абсолютный приоритет, а если быть точнее, была жестко ориентирована на ликви-

¹ Brants C., Ringnalda A. Issues of convergence: inquisitorial prosecution in England and Wales. Wolff Legal Publishers, 2011. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2370008 (date of access: 20.07.2022).

дацию всех лиц, которые представляли угрозу государственному строю. Речь идет о периоде большого террора и массовых репрессий в 1937—1938 гг., который, по сути, прервал начатую в 1934 г. программу по созданию справедливой системы правосудия [13]. В указанный период фактическая модель деятельности прокуратуры кардинально отличалась от правовой, что привело к максимальному упрощению судопроизводства, отразилось на ряде ключевых элементов, характеризующих модель судопроизводства: сокращение сроков следствия, фактическое отсутствие состязательности и права на защиту, права на обжалование и, как следствие, немедленное приведение приговоров в исполнение [13, с. 55—57].

Социалистическая модель судопроизводства характеризовалась тем, что в иерархии ценностных ориентиров на первом месте стояли интересы публичные (государственные и общественные). Схема «государство — общество — личность» была свойственна всему правовому полю. Предполагалось, что интересы личности могут быть обеспечены только в том случае, если обеспечены интересы общественные. Такой общегосударственный подход определял задачи всего уголовного судопроизводства и требовал от уполномоченных должностных лиц, в том числе прокурора, исключительно разыскного характера деятельности, полного и всестороннего раскрытия преступлений, изобличения всех причастных к преступлению лиц. Реализация общественного интереса находила свое выражение через уголовно-процессуальную форму, которая должна была воспитывать и укреплять в гражданах идеи законности и воспитывать их в духе соблюдения как этических, так и правовых норм.

Подчиняясь указанной системе ценностей, сформировалась система принципов уголовного судопроизводства, которая была совершенно далека от международных стандартов обеспечения прав личности. Базовым постулатом, вокруг которого строилось все законодательство, являлось следующее: «...Свободное развитие каждого является условием свободного развития всех». Данный принцип нашел свое закрепление в ст. 20 Конституции СССР 1977 г.

Советской модели уголовного судопроизводства были чужды многие, уже привычные в XXI в. концептуальные положения, среди которых особенно следует выделить принцип презумпции невиновности, состязательность и равноправие сторон, принципы, связанные с обеспечением чести, достоинства, неприкосновенности личности, тайны частной жизни. Существенно ограниченным выглядел также принцип обеспечения права на защиту. Соот-

ветственно такой системе ценностей была выстроена как правовая, так и фактическая модель деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве.

Основными элементами, определявшими статус прокурора в советском уголовном процессе, были следующие положения:

1. Согласно УПК РСФСР 1960 г. суд, прокурор, следователь и орган дознания обязаны в пределах своей компетенции возбудить уголовное дело в каждом случае обнаружения признаков преступления, принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления, и к их наказанию (ст. 3).

2. На прокурора возлагалась функция надзора за точным и единообразным исполнением законов Союза ССР, РСФСР и автономных республик в уголовном судопроизводстве, осуществляемая Генеральным прокурором СССР и подчиненными ему Прокурором РСФСР и нижестоящими прокурорами.

3. Широкие дискреционные полномочия прокурора, связанные с разрешением уголовного дела по существу.

4. Распоряжение использованием мер уголовно-процессуального принуждения.

5. Возложение ответственности за расследование и раскрытие преступлений, полное и всестороннее исследование обстоятельств расследуемого события.

6. Руководство расследованием уголовных дел.

Изложенное отчетливо показывает, что правовая и фактическая модель деятельности прокурора выступала в качестве системообразующего фактора и была ориентирована на реализацию государственной политики в сфере уголовной юстиции.

Связь модели деятельности прокурора и типа уголовного процесса на примере Англии и Уэльса

В современном варианте правовой модели деятельности прокурора в Англии и Уэльсе заложены совершенно иные идеи, ценности и принципы организации деятельности, среди которых наиболее значимы независимость от любых лиц и организаций, равно как и других правоохранительных органов, свобода и защищенность от политического вмешательства, любого внешнего воздействия и давления. Весьма значимой отличительной особенностью является также приоритетное функциональное назначение Королевской прокуратуры — решение вопроса о целесообразности публичного уголовного преследования и судебного рассмотрения уголовного дела. Это позволяет сделать вывод, что именно на прокуратуру возлагается обязанность обеспечивать законность, обоснованность

и целесообразность уголовного преследования, баланс частных и публичных интересов (интересов общества и интересов правосудия) в сфере уголовной юстиции. Кроме того, в уголовно-процессуальной деятельности прокуратуры ярко проявляется правозащитная функция.

По каждому уголовному делу прокурор определяет и дает оценку затронутым общественным интересам, оценивая совокупность факторов, каждый из которых может быть определяющим для судьбы уголовного дела. Среди вопросов, требующих обязательного разрешения, можно выделить вопрос о серьезности совершенного правонарушения, степени виновности подозреваемого, особенностях причинения ущерба потерпевшему, как преступление повлияло на общество. Отдельное внимание уделяется целесообразности публичного уголовного преследования и конфиденциальности информации.

Реализуя свою основную обязанность по привлечению к уголовной ответственности действительно виновных, Королевская прокуратура Англии и Уэльса осуществляет свою деятельность независимо от полиции, правительства и политических организаций. Справедливость, объективность и контроль за целесообразностью уголовного преследования — основополагающие начала деятельности.

Роль прокурора в современном российском уголовном процессе весьма неоднозначна. Можно сказать, что законодатель находится в «постоянном поиске» оптимальной правовой модели деятельности прокурора в сфере уголовной юстиции.

Определяя прокуратуру как единую централизованную систему, одной из основных функций которой является уголовное преследование, законодатель так и не создал целостной правовой модели деятельности прокуратуры в сфере уголовного судопроизводства. Наиболее дискуссионным при этом является вопрос взаимоотношения и взаимодействия прокуратуры и следственного комитета, который доказывает свою самостоятельность и независимость. Принятый в 2001 г. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации сохранил за прокурором системообразующую и ведущую роль среди органов уголовной юстиции, предоставил ему существенные полномочия по руководству расследованием и координации всех правоохранительных органов. Однако такая модель просуществовала всего 6 лет, и в 2007 г. итогом реформы предварительного расследования стало отстранение прокурора от непосредственного участия в предварительном следствии. Прокурор был лишен ряда ключевых полномочий, среди которых можно выделить право на возбуждение уголовного дела и производство по нему расследования, право давать указания следова-

телю, право отменять любые процессуальные решения следователя. Таким образом, полномочное руководство предварительным следствием сосредоточилось в руках руководителя следственного органа, а правовая модель деятельности прокурора существенным образом преобразилась. Подобные изменения были восприняты весьма неоднозначно как со стороны правоприменителя, так и на страницах научной литературы.

Не ставя целью настоящей статьи подробное исследование данного вопроса, отметим один очевидный факт. Прокурор — единственный представитель государства, полномочный поддерживать публичное обвинение в суде. Только на прокуроре лежит обязанность принесения извинений от имени государства лицу, незаконно и необоснованно подвергнутому уголовному преследованию. Это означает, что вся ответственность за качество уголовного преследования лежит именно на прокуроре, а следовательно, он «возглавляет» систему органов уголовного преследования и должен обладать необходимой для этого компетенцией [14—17].

По мнению Генерального прокурора, результативность и качество следствия и всего уголовного преследования прямо зависит от степени участия и вовлеченности прокурора, способствующим своевременному выявлению и устранению ошибок, позволит сформировать качественное обвинение для его последующего поддержания в суде¹. Одним из подтверждений этого служат данные официальной статистики деятельности органов прокуратуры.

Статистические данные и сведения, приводимые в официальных докладах, свидетельствуют о росте допущенных органами предварительного расследования нарушений. Так, ежегодно количество выявленных нарушений закона, в том числе отмененных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, превышает общее количество возбужденных уголовных дел по всей стране (выявлено нарушений при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении в 2020 г. — 3 491 902, в 2021 г. — 3 464 543; отменено постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела в 2020 г. — 1 809 511, в 2021 г. — 1 586 962)².

¹ Интервью Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова газете «Коммерсантъ» // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: https://genproc.gov.ru/smi/interview_and_appearances/interview/1889214/ (дата обращения: 25.09.2022).

² См.: Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь — декабрь 2021 г. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprpf/activity/statistics/office/result?item=71671102> (дата обращения: 04.12.2022).

В связи с этим следует обратить внимание еще на одну сторону проблемы — оценку качества работы органов прокуратуры через количество выявленных нарушений закона со стороны органов предварительного расследования. Проведенная в 2007 г. реформа создала ситуацию, при которой органы прокуратуры, оказавшись отделенными от других органов уголовного преследования, ведут борьбу не за качество досудебного производства, а за выявление нарушений уголовно-процессуального закона и при этом никак не осознают свою причастность и ответственность за сложившуюся следственную практику.

Прокурор является настолько значимым участником уголовного судопроизводства, что правовое регулирование его деятельности и фактическая реализация им законов оказывают одно из наиболее существенных влияний на тип уголовного судопроизводства. Таким образом, фактический тип уголовного процесса во многом будет зависеть от того, что выступает приоритетом в деятельности прокурора: борьба с преступностью или защита прав личности.

Анализ истории, зарубежного и отечественного опыта позволяет прийти к выводу, что деятельность лица, осуществляющего уголовное преследование от имени государства на всех стадиях уголовного судопроизводства, решающего вопрос о целесообразности и законности обвинения с целью определения возможности его дальнейшего поддержания, всегда будет влиять на фактическую реализацию политики государства в области уголовной юстиции. Вместе с тем в большей степени влияние на фактический тип уголовного судопроизводства оказывает не правовая, а фактическая модель деятельности такого лица. В большинстве государств, в том числе в Российской Федерации, данным лицом является прокурор, поэтому при формировании стратегии развития уголовно-процессуального законодательства необходимо учитывать правовую и фактическую модели деятельности прокурора как системообразующий фактор, способный существенно повлиять на реализацию проводимых преобразований.

1. Федосеева Е. Л., Осодоева Н. В. Развитие формы уголовного процесса в России в средние века // Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Ростов-на-Дону, 15 ноября 2018 г.). Ростов-на-Дону: Ростов. юрид. ин-т МВД России, 2018. С. 28—31.

2. Чердынцева И. А. Назначение современного российского уголовного процесса как элемент его типологической характеристики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008. 23 с.

3. Packer H. L. Two models of the criminal process // *University of Pennsylvania Law Review*. 1964. Vol. 113, № 1. P. 1—68.

4. Griffiths J. Ideology in criminal procedure or a third "model" of the criminal process // *The Yale Law Journal*. 1970. № 79 (3). P. 359—417.

5. Roach K. Four models of the criminal process // *Journal of criminal law & criminology*. 1998. Vol. 89. P. 671.

6. Семухина О. Б. Типология современного уголовного процесса // Правовые проблемы укрепления российской государственности / под ред. Ю. К. Якимовича. Томск: Нац. исслед. Том. гос. ун-т, 2002. С. 26—30.

7. Азаров В., Чердынцева И. Базовые компоненты типологической характеристики уголовного процесса России // *Уголовное право*. 2006. № 6. С. 64—68.

8. Козьявин А. А. Влияние типа уголовного процесса на происхождение и развитие нравственного конфликта в уголовно-процессуальной

1. Fedoseyeva Ye. L., Osodoyeva N. V. Development of the form of the criminal procedure in Russia in the middle ages. In: *Topical problems of the theory and practice of the criminal procedure. Collection of materials of the International scientific and practical conference, 15 November 2018, Rostov-on-Don, Russia*. Rostov-on-Don: The Rostov Law Institute of the Interior Ministry of Russia; 2018: 28—31. (In Russ.).

2. Cherdyntseva I. A. Appointment of the modern Russian criminal procedure as an element of its typological characteristics. Abstract of the dissertation of the candidate of juridical sciences. Omsk; 2008: 23. (In Russ.).

3. Packer H. L. Two models of the criminal procedure. *University of Pennsylvania law review*, 1—68, 1964. (In Eng.).

4. Griffiths J. Ideology in criminal procedure or a third "model" of the criminal process. *The Yale law journal*, 359—417, 1970. (In Eng.).

5. Roach K. Four models of the criminal procedure. *Journal of criminal law & criminology*, 671, 1998. (In Eng.).

6. Semukhina O. B. Typology of the modern criminal procedure. In: *Legal problems of strengthening Russian statehood*. Ed. by Yu. K. Yakimovich. Tomsk: National Research Tomsk State University; 2002: 26—30. (In Russ.).

7. Azarov V., Cherdyntseva I. Basic Components of the typological characteristics of the criminal procedure in Russia. *Criminal law*, 64—68, 2006. (In Russ.).

деятельности // Российский следователь. 2011. № 2. С. 16—19.

9. Махов В. Н. К вопросу о типах (формах) уголовного процесса // Российский судья. 2016. № 9. С. 8—11.

10. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1, 2 / под ред. А. В. Смирнова. Санкт-Петербург: Альфа, 1996. 607 с.

11. Петрухин И. Л. О препятствиях на пути судебной реформы // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 2003). Москва: МГЮА, 2004. С. 38—39.

12. Тарасов А. А. Антикоррупционный аспект проблемы защиты прав и свобод личности в уголовном процессе // Актуальные вопросы обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве: межвуз. сб. науч. ст. / отв. ред. В. М. Корнуков. Саратов: Саратов. гос. акад. права, 2005. С. 24—26.

13. Синельщиков Ю. П. Место уголовного процесса в Большом терроре 1937—1938 гг. // Вестник Московского городского педагогического университета. 2012. № 1. С. 53—62.

14. Манова Н. С. Трансформация полномочий прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства (некоторые итоги реформы) // Судебная реформа в современной России: результаты, проблемы и перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Кубанского государственного университета / отв. Ред. В. А. Семенов. Краснодар: Куб. гос. ун-т, 2020. С. 190—198.

15. Шейфер С. А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. Москва: Норма: Инфра-М, 2013. С. 95—105.

16. Шадрин В. С. Прокурор и его полномочия в досудебном производстве // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. науч. тр. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2010. Вып. 5. С. 4—9.

17. Чурикова А. Ю. Осуществление прокурором уголовного преследования в досудебном производстве // Юридическая наука. 2019. № 9. С. 74—78.

8. Kozyavin A. A. Influence of the type of the criminal procedure on the origin and development of the moral conflict in the criminal procedure activity. Russian investigator, 16—19, 2011. (In Russ.).

9. Makhov V. N. To the issue of the types (forms) of the criminal procedure. Russian judge, 8—11, 2016. (In Russ.).

10. Foinitsky I. Ya. Course of the criminal Proceedings. Vol. 1, 2. Ed. by A. V. Smirnov. Saint Petersburg: Alfa; 1996: 607. (In Russ.).

11. Petrukhin I. L. On Obstacles to Judicial Reform. In: The Code of the Criminal Procedure of the Russian Federation: a year of law enforcement and teaching. Works of International scientific and practical conference. 2003, Moscow, Russia. Moscow: MSJA; 2004: 38—39. (In Russ.).

12. Tarasov A. A. Anti-corruption aspect of the problem of protecting the rights and freedoms of the individual in the criminal procedure. In: Topical issues related to ensuring the rights of the individual in the criminal proceedings. Interuniversity collection of scientific works. Ed. by V. M. Kornukov. Saratov: Saratov State Academy of right; 2005: 24—26. (In Russ.).

13. Sinelshchikov Yu. P. Place of the criminal procedure in the great terror of 1937—1938. Vestnik of the Moscow city pedagogical university, 53—62, 2012. (In Russ.).

14. Manova N. S. Transformation of the powers of the prosecutor in the pre-trial stages of the criminal proceedings (some results of the reform). In: Judicial reform in the modern Russia: results, problems and prospects. Collection of the materials of the International scientific and practical conference, dedicated to the 100th anniversary of the State university of the Kuban. Ed. by V. A. Sementsov. Krasnodar: State university of the Kuban; 2020: 190—198. (In Russ.).

15. Sheifer S. A. Pre-trial proceedings in Russia: stages of development of the investigative, judicial and prosecutorial authorities. Moscow: Norma: Infra-M; 2013: 95—105. (In Russ.).

16. Shadrin V. S. The prosecutor and his powers in the pre-trial proceedings. In: Topical problems of the modern criminal procedure in Russia. Interuniversity collection of scientific works. Issue 5. Samara: Samara university publishing house; 2010: 4—9. (In Russ.).

17. Churikova A. Yu. Implementation of criminal prosecution by the prosecutor in the pre-trial proceedings. Legal science, 74—78, 2019. (In Russ.).

Чурикова Анна Юрьевна,

доцент кафедры административного
и уголовного права
Поволжского института управления
им. П. А. Столыпина —
филиала Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент;
a_tschurikova@bk.ru

Лавнов Михаил Александрович,

доцент кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной
юридической академии,
кандидат юридических наук;
m-lavnov@rambler.ru

Churikova Anna Yuriyevna,

associate professor at the department
of administrative and criminal law
of the Povolzhsky Institute of Management
named after P. A. Stolypin,
the branch of Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
candidate of juridical sciences, docent;
a_tschurikova@bk.ru

Lavnov Mikhail Alexandrovich,

associate professor at the department
of criminal procedure
of the Saratov State Law Academy,
candidate of juridical sciences;
m-lavnov@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 11.01.2023; одобрена после рецензирования 26.01.2023; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 11.01.2023; approved after reviewing 26.01.2023; accepted for publication 31.01.2023.

* * *

УДК 343.985.7:343.7
doi: 10.25724/VAMVD.A077

О СПЕЦИФИКЕ СОВЕРШЕНИЯ И ВЫЯВЛЕНИЯ ХИЩЕНИЙ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА В СФЕРЕ ЭКСПРЕСС-ДОСТАВКИ

Светлана Сергеевна Домовец

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, s.domovets@yandex.ru

Аннотация. Автор данной статьи приводит классификацию основных способов хищения имущества, совершенного в области экспресс-доставки товаров, а также предлагает алгоритм действий следователя и оперативного сотрудника Управления экономической безопасности и противодействия коррупции в сложившихся следственных ситуациях первоначального и последующего этапов расследования. Следственные ситуации, складывающиеся на первоначальном этапе расследования хищений в сфере экспресс-доставки товаров и грузов в контексте рассматриваемой проблемы, могут быть благоприятными и неблагоприятными, по этой причине в статье рассмотрены различные варианты действий в них. Кроме этого, перечислены первоначальные следственные действия, своевременное производство которых способствует успешному расследованию преступлений экономической направленности в рассматриваемой области. Автор статьи называет также криминалистические и судебные экспертизы, необходимые для назначения и производства при расследовании хищений чужого имущества и денежных средств в сфере оказания услуг по экспресс-доставке товаров и грузов.

Ключевые слова: хищение, персональные данные, фишинговый сайт, курьер, ущерб, чужое имущество, интернет-сервис, экспресс-доставка, способ совершения преступления, накладные, чек

Для цитирования: Домовец С. С. О специфике совершения и выявления хищений чужого имущества в сфере экспресс-доставки // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 1 (64). С. 65—69. doi: 10.25724/VAMVD.A077

ON THE SPECIFICS OF THE COMMISSION AND DETECTION OF THEFT OF OTHER PEOPLE'S PROPERTY IN THE FIELD OF EXPRESS DELIVERY

Svetlana Sergeevna Domovets

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, s.domovets@yandex.ru

The author of this article classifies the main methods of theft of property committed in the field of express delivery of goods, and also proposes an algorithm for the actions of the investigator and the operational officer of the Office of Economic Security and Anti-Corruption in the current investigative situations of the initial and subsequent stages of the investigation. Investigative situations that develop at the initial stage of the investigation of theft in the field of express delivery of goods and cargo in the context of the problem under consideration can be favorable and unfavorable, for this reason, the article discusses various options for action in them. In addition, the article lists the initial investigative actions, the timely production of which contributes to the successful investigation of economic crimes in the area under consideration. The author of the article also names the forensic and forensic examinations necessary for the appointment and production in the investigation of the theft of other people's property and funds in the field of providing services for the express delivery of goods and cargo.

Keywords: theft, personal data, phishing site, courier, damage, someone else's property, Internet service, express delivery, method of committing a crime, waybills, check

For citation: Domovets S. S. On the specifics of the commission and detection of theft of other people's property in the field of express delivery. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 65—69, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A077

Преступления экономической направленности по-прежнему занимают лидирующие позиции среди преступлений прочих категорий. Так, количество выявляемых мошенничеств в сфере экономики ежегодно растет, а перечень способов их совершения стремительно увеличивается. В последнее время большое количество краж и мошенничеств (в том числе совершенных с использованием сети Интернет) фиксируется в сфере экспресс-доставки товаров и грузов в России и за ее пределами.

По данным официального сайта МВД России, за январь — декабрь 2022 г. на 4,9 % снизилось количество преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации¹.

Рассмотрим основные способы совершения вышеуказанных преступлений.

Одним из наиболее распространенных способов совершения мошенничества является предложение приобретения товаров через интернет-сервисы (например, через сайт «Авито»). Известно, что платформа «Авито» является удобной площадкой для размещения объявлений о продаже товаров, предоставлении услуг и т. д. [1] Третьи лица предлагают товар, но отправку не осуществляют (или осуществляют отправку пустого отправления посредством сервисов экспресс-доставки), предоставляя поддельные накладные или созданные в личных кабинетах под вымышленными именами и фиктивными номерами телефонов. Оплату товара требуют сразу, высылая клиентам ссылку на фишинговые сайты² с логотипом известной службы экспресс-доставки товаров и грузов. Получив таким образом доступ к личным данным посетителя сайта, преступник в дальнейшем может беспрепятственно ими пользоваться.

Данная схема очень проста в исполнении и одновременно сложна в контексте выявления.

Для установления обстоятельств совершения преступления данным способом необходимо выяснить (в том числе у потерпевшего):

— является ли ссылка на интернет-страницу (сайт) фишинговой (установить это поможет привлечение специалиста в области компьютерной

техники, назначение судебно-компьютерной экспертизы);

— наименование и стоимость товара (для установления в дальнейшем суммы материального ущерба);

— сроки осуществления преступных действий;

— дату финансовой операции (операций);

— сумму перечисленных денежных средств (полностью ли был оплачен товар или частично, однократным переводом денежных средств или траншами);

— содержание переписки с мошенниками (скриншоты);

— по каким банковским реквизитам был осуществлен платеж за товар;

— есть ли чек (печатный или электронный), подтверждающий факт оплаты товара;

— есть ли скриншот экрана телефона или монитора, если перевод денежных средств осуществлялся с мобильного устройства.

Кроме того, необходимо назначить и произвести технико-криминалистическую экспертизу документов, подтверждающих финансовые отношения заказчика и исполнителя, для установления их подлинности или поддельности (в случае если в распоряжении следствия имеются печатные документы), в частности накладных.

К сожалению, найти фишинговый (ложный, поддельный) сайт, его создателей и владельцев представляется крайне затруднительным, поскольку период существования данных сайтов очень непродолжителен. Фишинговые сайты прекращают свою деятельность после нескольких удачных преступных операций, и найти их по ссылке в дальнейшем невозможно. Однако своевременные профессиональные действия могут в некоторых случаях иметь положительный результат.

Еще одним способом совершения хищения чужого имущества является отказ случайных получателей (принявших посылку по ошибке, допущенной менеджером клиентского отдела службы экспресс-доставки) вернуть товар или кража товара, по какой-либо причине временно оставшегося без присмотра (например, добросовестный получатель отвлекся на телефонный звонок, на примерку или осмотр другого товара, на общение с сотрудником пункта выдачи и т. д.). Лицо, совершившее это хищение, отличается, как правило, дерзостью, непорядочностью, цинизмом, беспринципностью. В этом случае возможно задержание с поличным или по горячим следам (в зале пункта выдачи заказов камеры видеонаблюдения направлены на сотрудника и на получателя, поэтому признаки внешности

¹ Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/34307225/> (дата обращения: 10.01.2023).

² Фишинг — вид сетевого мошенничества, заключающийся в создании фальшивой интернет-страницы (сайта) или подмене какого-либо сайта, при посещении которого пользователю необходимо вводить персональные данные (пароль, логин).

могут быть видны на записи, если преступник не предпринимал мер по их сокрытию). После задержания необходимо установить личность, паспортные данные, перечень похищенного имущества, его характеристики и стоимость, а также нужно допросить об обстоятельствах получения чужого заказа, причинах и последствиях его невозвращения. Кроме этого, обнаружить похищенное имущество поможет производство личного обыска в случае задержания с поличным (или обыска по месту жительства в целях установления местонахождения имущества в дальнейшем).

Безусловно, без промедления должен быть произведен допрос сотрудника пункта выдачи заказов, допустившего ошибку, и получены разъяснения о регламенте выдачи товара, проверке личности заказчика, о причинах допущения ошибки и отсутствии должного контроля сохранности отправок.

Хищения в рассматриваемой сфере могут совершать и сотрудники служб и сервисов экспресс-доставки товаров и грузов. Так, возможно хищение товаров, поступивших из интернет-магазинов.

Сотрудники пунктов выдачи заказов приобретают имущество в магазинах онлайн-торговли (несколько экземпляров одновременно). После поступления от продавца покупателю приобретенное имущество находится на складе до окончания срока хранения, ни один товар не выкупается. Во время хранения часть из них похищается. При оформлении товаров на возврат сотрудники умышленно переключивают некоторые грузы из посылок между собой, чтобы в интернет-магазине подумали, что возникли проблемы с документооборотом и недостающие грузы найдутся. Также сотрудники намеренно не формируют возвратные ведомости, чтобы в интернет-магазине не знали точно, какое количество товаров им отправлено.

Эта ситуация является достаточно распространенной по причине того, что вносимая в документы ложная информация вместе с путаницей на складе значительно затрудняет выяснение причин отсутствия того или иного товара.

В случае если преступление все же выявлено, необходимо оперативно допросить сотрудников пункта выдачи заказов (в том числе материально ответственных лиц), владельцев интернет-магазинов для выяснения обстоятельств совершенного хищения. У владельца интернет-магазина необходимо узнать, какой товар был возвращен, в каком количестве, в какие сроки, каков порядок его оплаты клиентом — до получения или после. Вся информация должна быть подтверждена (переписка,

электронные чеки об оплате, накладные и т. д.). Если речь идет о подделке документов, необходимо назначить технико-криминалистическую экспертизу и почерковедческую (для установления авторства подписей и записей в этих документах). Подлог в документах может быть материальным и интеллектуальным; разобравшись в этом, следователь должен определить вид назначаемой экспертизы.

Вместе с тем своевременно должны быть произведены обыски по месту жительства сотрудников пункта выдачи заказов, просмотрены записи камер видеонаблюдения, установленных непосредственно на складе пункта приема и выдачи товаров. Если камеры были отключены, демонтированы, неисправны — установить причину этого.

Необходимо запросить результаты инвентаризаций и ревизий за интересующий период, установить порядок и регулярность их проведения, а также лиц, в чьи должностные обязанности входит контроль за этой деятельностью. Как правило, подотчетные лица, имеющие дело с наличными, безналичными денежными средствами и имуществом, могут фальсифицировать результаты проверочных мероприятий.

Основной задачей инвентаризации является установление фактического наличия товарно-материальных ценностей на проверяемом объекте, предприятии, в организации. Инвентаризации могут проводиться на складах, пунктах приема и выдачи товаров и грузов. Объектами инвентаризации могут быть имущество и наличные денежные средства.

Классификация инвентаризации возможна по нескольким критериям:

1) по времени производства:

— первичные;

— повторные;

2) по составу и профессиональной подготовке лиц, проводящих проверку:

— комиссионные (несколько специалистов в одной области знаний);

— комплексные (несколько специалистов в разных областях знаний);

3) по полноте охвата проверяемых товарно-материальных ценностей:

— сплошные (полные);

— выборочные (частичные);

4) по иницилирующей стороне:

— внутренние (как правило, иницируются материально ответственным лицом, руководителем в случае возникновения подозрений в злоупотреблениях, хищениях);

— внешние (по инициативе контролирующих органов).

В контексте рассматриваемых способов совершения хищений в сфере экспресс-доставки товаров и грузов инвентаризации целесообразно проводить в пунктах приема и выдачи товаров регулярно, в целях предотвращения образования недостатков или излишков, не имеющих документального объяснения, или для своевременного установления недостатков или излишков товарно-материальных ценностей и денежных средств.

Представляется возможным выделить инвентаризации и документальные ревизии, проводимые до и после возбуждения уголовного дела. В подавляющем большинстве случаев материалы инвентаризаций и документальных ревизий являются основными документами, изучив которые следователь принимает решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела.

Следующая схема, используемая мошенниками, такова: преступник заказывает компьютерную технику, сотовые телефоны, дорогие ноутбуки. После прибытия груза в процессе его получения мошенник, который ранее предоставил информацию о кредитной карте, блокирует ее с целью избежать оплаты (существует отсрочка платежа на 3 месяца). В итоге товар оказывается у преступника, деньги за него не списаны и не будут списаны никогда.

В случае выявления данного способа хищения чужого имущества представляется необходимым установить следующие обстоятельства:

- персональные данные личности заказчика;
- однократность или регулярность его заказов по данной схеме;
- один или несколько получателей явились в пункт выдачи заказов;
- если преступник прибыл за товаром на транспортном средстве — марку и госномер (если сотрудник запомнил, помогал загружать заказ в автомобиль или есть запись с камер видеонаблюдения);
- особенности поведения клиента в процессе получения посылки (торопился, скрывал лицо, отвлекал менеджера клиентского отдела разговорами и пр.);
- перечень товаров, полученных и не оплаченных клиентом, для установления суммы материального ущерба;
- сроки совершения преступных действий.

Помимо этого, необходимо послать запрос в банк относительно личности владельца счета, операций по карте за определенный период, а также сроков и причин блокировки карты.

При расследовании хищений товаров и грузов в сфере экспресс-доставки могут быть назначены

различные судебные экспертизы, в частности товароведческая, бухгалтерская, финансово-кредитная, финансово-аналитическая и пр. Товароведческая экспертиза назначается для исследования промышленных (непродовольственных) товаров с возможным определением их стоимости. Эта экспертиза может быть назначена в случае отсутствия документов, подтверждающих стоимость похищенного имущества, или необоснованного завышения продавцом стоимости товара. Назначение финансово-аналитической экспертизы целесообразно в случае возникновения необходимости полного исследования обстоятельств финансово-хозяйственной деятельности проверяемой организации.

Помимо перечисленных способов хищения чужого имущества в сфере экспресс-доставки товаров и грузов, преступник может совершить кражу товара во время примерки. Так, курьер доставляет заказ по указанному адресу и в нарушение регламента выдает для примерки все вещи одновременно, клиент уходит в комнату их примерить и покидает квартиру (например, через окно). Как выясняется позже, квартира съемная или не принадлежит получателю. Эта схема применяется, если речь идет о потребительских товарах высокой стоимости (дорогостоящая техника, ювелирные изделия, одежда и обувь люксовых марок и пр.).

В данном случае необходимо изымать отпечатки пальцев на предметах в квартире, устанавливать связь преступника с владельцем квартиры, изымать видео с камер видеонаблюдения или видеорегистраторов, составлять фоторобот преступника.

В ходе допроса курьера необходимо выяснить следующую информацию:

- персональные данные заказчика;
- способ подтверждения личности заказчика и данных о посылке;
- наименование товаров в заказе и их стоимость (для установления суммы материального ущерба);
- признаки внешности заказчика, особенности его поведения, речи и пр.;
- регламент выдачи и оплаты заказа, причины их нарушения.

Впоследствии, когда будет установлено лицо, являющееся владельцем квартиры, необходимо выяснить, кому и на какой срок она была сдана в аренду или у кого была возможность посещения данной квартиры. Преступник может быть случайным арендатором или знакомым владельцу квартиры человеком (в таком случае идет речь о преступном сговоре).

Способы хищения чужого имущества в сфере деятельности служб экспресс-доставки товаров достаточно разнообразны, с каждым днем их вариативность меняется, усложняется. Задачей оперативных и следственных подразделений является быстрое реагирование на меняющиеся обстоятельства совершения преступлений в сфере экономической деятельности, грамотное и своевременное их выявление. При расследовании преступлений данной категории необходимо привлечение специалистов в области экономики, бухгалтерии, компьютерной информации и безопасности.

Профессионализм следователя, своевременность, целесообразность и качество производства

следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий — факторы, определяющие эффективность расследования преступления на первоначальном этапе. От грамотных действий следователя зависит успех расследования хищения товарно-материальных ценностей и денежных средств в сфере экспресс-доставки товаров и грузов в целом. Постоянное саморазвитие, обучение, повышение квалификации, освоение новых навыков и компетенций существенно могут повысить качество расследования преступлений, совершаемых в сфере информационно-телекоммуникационных технологий [2].

1. Смагоринский Б. П., Сычева А. В. О некоторых актуальных способах совершения мошенничества в отношении физических лиц в современных условиях // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 2 (61). С. 172—177.

2. Еремин С. Г., Решняк О. А. Цифровая грамотность как способ повышения качества расследования преступлений // Юрист-Правоведъ. 2022. № 2 (101). С. 46—50.

1. Smagorinsky B. P., Sycheva A. V. On some topical methods of committing fraud against individuals in modern conditions. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 172—177, 2022. (In Russ.).

2. Eremin S. G., Reshnyak O. A. Digital literacy as a way to improve the quality of crime investigation. Lawyer-Pravoved, 46—50, 2022. (In Russ.).

Домовец Светлана Сергеевна,
доцент кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
s.domovets@yandex.ru

Domovets Svetlana Sergeevna,
associate professor at the criminology department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
s.domovets@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 19.01.2023; одобрена после рецензирования 27.01.2023; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 19.01.2023; approved after reviewing 27.01.2023; accepted for publication 31.01.2023.

* * *

УДК 343.985.7

doi: 10.25724/VAMVD.A078

**ГИПНОРЕПРОДУКЦИЯ:
УНИКАЛЬНАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ПОЛУЧЕНИЯ ИСКОМОЙ ИНФОРМАЦИИ
В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ИЛИ «ОКОЛОНАУЧНЫЙ» МЕТОД
(размышления криминалиста)**

Евгений Иванович Замылин

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия
efrommm@mail.ru

Область гипноза — есть область глубокого реального смысла и высокого научного значения.

И. П. Паёлов

И смешно было бы думать, что гипнотизм вырос где-то сбоку, за дверьми храма науки, что это подкидыш, воспитанный невеждами. Можно только сказать, что невежды его достаточно понянчили и захватили своими руками.

А. А. Токарский

Аннотация. Память человека содержит значительно больше информации, чем он способен вспомнить в какой-либо определенный момент. Воспроизведение забытого можно стимулировать посредством воздействия на определенные участки мозга соответствующих условных сигналов, открывающих доступ к закрытым уровням памяти. В нашем случае это использование в ходе расследования гипнотического состояния жертвы или очевидца происшедшего; в процессе гипноза происходит направленное строго контролируемое воздействие на личность. Гипнотическое воздействие во время допроса — исключительная мера получения искомой информации по делу, требующая знаний специалистов соответствующей квалификации. Полученные данные имеют не доказательственный, а ориентирующий характер и могут быть в дальнейшем использованы для отыскания и закрепления процессуально значимых сведений по делу. Применение гипноза осуществляется строго на добровольной основе; решать вопрос об обращении к этому средству нужно лишь после того, как использованы все традиционные методы расследования.

Ключевые слова: расследование, жертва, очевидец, искомая информация, гипноз, гипнабельное состояние, нетрадиционный метод, специалист-гипнооператор

Для цитирования: Замылин Е. И. Гипнорепродукция: уникальная возможность получения искомой информации в ходе расследования или «околонаучный» метод (размышления криминалиста) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 1 (64). С. 70—80. doi: 10.25724/VAMVD.A078

**HYPNOREPRODUCTION
AS A UNIQUE OPPORTUNITY TO OBTAIN THE NECESSARY INFORMATION
WHILE INVESTIGATING OR A "PSEUDOSCIENTIFIC" METHOD
(a criminalist's thoughts)**

Evgeny Ivanovich Zamylin

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, efrommm@mail.ru

Abstract. Human memory contains significantly more information than a person is able to recall at any given time. The reproduction of the forgotten data can be stimulated by the influence of appropriate conditional signals on certain areas of the brain, which open access to closed levels of memory. In our case, it is the use of the

hypnotic state of the victim or an eyewitness, while investigating. In the process of hypnosis, there is a directed strictly controlled effect on the person. While interrogating, hypnotic influence is an exceptional way to obtain the necessary information related to the case. It requires the knowledge of specialists with appropriate qualifications. The information received is not evidentiary, but orienting in nature and can be further used to find and consolidate procedurally significant information related to the case. The use of hypnosis is carried out strictly on a voluntary basis. It is necessary to solve problem on its application only when all traditional methods of investigation have been used.

Keywords: investigation, victim, eyewitness, necessary information, hypnosis, hypnotic state, unconventional method, hypnotherapist

For citation: Zamylin E. I. Hypnoreproduction as a unique opportunity to obtain the necessary information while investigating or a "pseudoscientific" method. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 70—80, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A078

Гипнорепродукция — метод восстановления событий в памяти конкретного индивида; в нашем случае использование гипнорепродукции в ходе предварительного расследования представляет собой возможность вспомнить под гипнозом эмоционально значимое событие криминального характера, т. е. получение от индивида, вовлеченного в уголовный процесс, искомой информации по делу. Данные, полученные при гипнорепродукции, нельзя признать новым видом доказательств в уголовном судопроизводстве, они представляют собой нечто вроде ориентирующей информации, используемой в дальнейшем для отыскания и закрепления процессуально значимых сведений по делу.

В зарубежной и отечественной психофизиологии приведены обоснованные доводы, которые подтверждены экспериментами, о безопасности для психического и физического здоровья погружения человека в гипнотическое состояние, но окончательно еще не доказана мотивированность и достоверность использования подобного метода в ходе расследования. (Поэтому представленная научная статья, кроме прочего, обозначена как «размышления криминалиста».) «Данный метод основан на одном из важнейших свойств центральной нервной системы — закреплять временную последовательность протекающих в ней процессов и сохранять способность к их воспроизведению в дальнейшем»¹.

Опрос под гипнозом построен на том, что он нейтрализует негативные эмоции, которые формируют своеобразный барьер на пути «вспоминательного» процесса у источника информации по делу как следствие, например, совершенного в отношении него физического насилия. К тому же, не исключена и ситуация, когда воспринятому ранее

присуща латентность: фигурант может и не осознавать, что в его памяти «сохранена» и, если подключиться к «информационному банку данных», может быть «востребована» процессуально значимая информация по делу.

В процессе правоприменительной деятельности следователь стремится к достижению бесконфликтной ситуации, необходимой для получения искомой информации. Однако бесконфликтная ситуация как таковая не может гарантировать объективности и полноты показаний, получаемых от допрашиваемого в ходе проведения отдельных следственных действий. С течением времени человеку свойственно забывание определенных моментов, что отчасти зависит от индивидуальных особенностей его памяти, а также условий восприятия и запоминания.

Доказано, что память человека содержит значительно больше информации, чем он способен вспомнить в какой-либо определенный момент времени. Воспроизведение забытого можно стимулировать посредством воздействия соответствующих условных сигналов на конкретные участки мозга, открывающих доступ к закрытым уровням памяти. В литературе приведен пример, когда в практике имели место «свидетели, которые вспоминали события 17-летней давности, а вообще, возможно, и более старые воспоминания»².

Гипноз представляет собой искусственно вызываемое сноподобное состояние человека, в результате которого торможением охвачена не вся кора головного мозга, а отдельные ее участки; при этом так называемые сторожевые пункты сохраняют возбудимость, обеспечивая контакт загипнотизированного с раздражителями [1, с. 308]. В про-

¹ Нетрадиционные методы в раскрытии преступлений. URL: <https://isfic.info/aminov/yurpsi18.htm> (дата обращения: 15.01.2022).

² Бозов А. А. Методические рекомендации для применения метода активации памяти (гипнорепродукции) в рамках расследования уголовных дел. URL: <https://alexboz.pravorub.ru/personal/30659.html> (дата обращения: 18.03.2022).

цессе гипноза происходит направленное строго контролируемое воздействие на личность, которое может быть неоднократно воспроизведено. Посредством проведенных исследований в настоящее время накоплен богатый материал об изменениях отдельных психических функций (восприятия, воображения, памяти, мышления, воли, внимания) под влиянием гипнотического внушения.

К общим характеристикам, влияющим на гипнабельность (восприимчивость к гипнозу), принято относить возраст, пол, нейропсихический статус испытуемых. Так, дети и подростки, по сравнению с взрослыми, несколько более восприимчивы к гипнозу; у людей старческого возраста восприимчивость понижена. Различий в уровнях восприимчивости к гипнозу между мужчинами и женщинами не выявлено, независимо от пола люди в одинаковой степени поддаются гипнотическому внушению. В то же время уровень гипнабельности у психически здоровых людей и больных неврозами имеет существенные различия: здоровые люди более подвержены воздействию гипноза по сравнению с психически больными; это, прежде всего, связано с нарушением у последних состояний бодрствования и сна, внимания, волевого сосредоточения, повышенной возбудимостью.

Обращаясь к опыту правоохранительных органов зарубежных стран, следует признать их определенные достижения в этой области, а именно использование на стадии предварительного расследования по делу гипнотического состояния допрашиваемого как нетрадиционного метода получения дополнительной информации¹. Так, еще в 60-х гг. прошлого века в США был разработан метод «следственного гипноза», нашедший довольно широкое применение в органах правопорядка США, Израиля, Великобритании, Канады, Австралии и ряда других стран.

В частности, ФБР имеет право применять гипнотическое воздействие при расследовании целого ряда особо тяжких преступлений, таких как вооруженное нападение на банки, похищение людей, вымогательство и пр. Специализированное подразделение ФБР, занимающееся расследованием

особо тяжких и резонансных преступлений, обращается к данному нетрадиционному методу в тех случаях, когда иные средства расследования исчерпаны. Спецслужбы при этом не стремятся подменять гипнозом обычные следственные процедуры в целях ускорения получения доказательств; гипноз рассматривается как исключительная мера, требующая знаний соответствующих специалистов и сложных исследовательских процедур. Основная задача применения гипнотического воздействия во время допроса — получение достоверной ориентирующей информации, ранее не сообщенной носителем.

Подвергать гипнозу разрешается только очевидцев или жертв уголовно наказуемого деяния. Для проведения гипнотического сеанса привлекаются квалифицированные гипнотизеры (специалисты-гипнооператоры), а для участия в сеансе агент ФБР обязан получить письменное разрешение Генерального атторнея². Допрос под гипнозом осуществляется строго на добровольной основе: «сеанс активации памяти» не сработает, если человек не хочет вспомнить, а, напротив, тщательно скрывает информацию и не заинтересован в том, чтобы о ней узнали следователи³. Соответственно, в качестве противопоказаний для применения гипнорепродукционного опроса надо признать гипнотизирование людей против их воли, а также случаи, когда имеется отрицательная установка или страх перед процедурой.

В практике расследования преступлений гипноз применим сравнительно редко, хотя и является довольно эффективным средством. Предварительные исследования, проведенные специалистами в данной области знаний, показывают, что благодаря рассматриваемому методу получения искомым сведений об обстоятельствах совершенного деяния удается добиться значительной экономии времени, людских и материальных ресурсов.

² *Генеральный атторней* — одно из высших должностных лиц юстиции, глава департамента (министр) юстиции; одновременно является главным юрисконсульт-ом федерального правительства. Через министерство юстиции им контролируются практически все стадии правоприменения, начиная от возбуждения уголовного дела и заканчивая условно-досрочным освобождением осужденных к лишению свободы. Приказы Генерального атторнея регламентируют такие важные вопросы, как порядок расследования и обвинения по уголовным делам федеральной юрисдикции, организация работы федеральных исправительных учреждений.

³ Рунова А. Гипноз в раскрытии преступлений: как следователи находят преступников с помощью гипноре-продукции. URL: <https://12-kanal.ru/news/74216/> (дата обращения: 15.01.2022).

¹ Более подробно об этом см.: Замылин Е. И. Тактико-психологические основы допроса в конфликтной ситуации: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1996. С. 43—44; Его же. Гипноз как нетрадиционный метод получения дополнительной информации на стадии предварительного расследования // Современные проблемы криминалистики: межвуз. сб. науч. тр. Волгоград: ВЮИ МВД России, 1999. С. 33—38, где за основу взят материал из иностранных источников, в частности, см.: International Criminal Police Review. 1984. № 378. P. 62—66.

Однако методу гипнотического воздействия присуща своя специфика: без использования специальных познаний он не может быть реализован. Поэтому специалистами ФБР разработана учебная программа по основам теории, техники и некоторых специфических особенностей гипноза. По этой программе проходят подготовку сотрудники, на которых возлагается задача координации и взаимодействия с медиками при подготовке и проведении каждого сеанса гипноза. Новый коллективный подход к применению гипноза создал атмосферу отношений типа «врач — пациент» в сфере расследования; эта атмосфера обеспечивает дополнительную защиту очевидца и жертвы преступления, а также сведение к минимуму различного рода опасностей, связанных с применением гипнотического воздействия. Отчасти именно это послужило отправной точкой создания в Американской ассоциации адвокатов специальной комиссии для изучения вопроса применения гипноза в качестве официального метода расследования.

Практика показывает, что некоторые из показаний, полученных таким путем, вызывают обоснованное недоверие к их объективности. Отдельные психологи и психиатры высказывают сомнения относительно надежности доказательств того, что фигурант по делу в состоянии гипноза может вспомнить то, что ему не удастся в обычном состоянии. Опасения вызывает и то, что многие жертвы, особенно таких преступлений, как изнасилование, испытывают тяжелые психологические и физические травмы, и подвергать их гипнозу означает нанести им дополнительный психический ущерб. *(С другой стороны, нельзя отрицать и тот факт, что мы (следователи), допрашивая, допустим, женщину после совершенного над ней физического насилия, фигурально выражаясь, принуждаем ее вновь переживать произошедшее.)* Во многом это предопределено и таким постпреступным состоянием, как шок: человек не в силах справиться со своими эмоциями, в целом это блокирует процесс воспоминания.

И все же, по мнению психиатров и специалистов-гипнотизеров, довольно часто гипноз помогает полиции в поисках преступников, стимулируя восстановление в памяти лиц, ставших жертвами или являющихся очевидцами преступлений, событий прошлого; гипноз помогает проникать в подсознание человека, активизируя работу его памяти, в итоге восполняя пробелы в ранее данных показаниях. Такие мелкие подробности, как, например, регистрационный номер автомобиля, цвет глаз, их разрез, прическа преступника, которые

очень легко забываются в обычном состоянии, но хранятся где-то в подсознании, могут всплыть в сознании, если мозг человека находится в состоянии релаксации.

Наиболее деликатным с юридической точки зрения моментом в технике проведения сеанса является вероятность «направления» «пациента», ибо, будучи в состоянии гипноза, тот более подвержен различного рода «подсказкам». На стадии подготовки к допросу является необходимой защита памяти допрашиваемого от «загрязнения»: в его присутствии не высказывается никаких предположений или версий, ему не предъявляются фото или непосредственно лица для опознания и т. п. Фигурант находится в состоянии повышенной чувствительности к внешнему внушению, а только что полученные сведения непроизвольно могут смешиваться в сознании с воспринятыми им ранее; для гипнотического состояния характерна блокада критического восприятия. Допрос проводится лицом, не знакомым с обстоятельствами расследуемого уголовно наказуемого деяния; чем меньше различных деталей дела знает допрашивающий, тем меньше вероятность того, что он как-то негативно повлияет на память «пациента».

Хотя очень большое внимание уделяется изложению допрашиваемым вымышленных событий, следует отметить, что такие случаи довольно редки и имеют место лишь в том случае, когда гипнотизер или агент-интервьюер ведут себя неосторожно или гипнотизируемый пытается что-либо скрыть. У следователя есть все основания критически отнестись к показаниям, если он замечает, что допрашиваемый во время сеанса примешивает к действительным сведениям вымышленные.

В целях предупреждения желания «пациента» «доставить удовольствие» гипнотизеру, давая те сведения, которые тот хотел бы услышать, последний в начале сеанса предупреждает, что интерес для следствия представляют только те факты по делу, которые известны фигуранту как жертве или очевидцу происшедшего, а любые выдумки крайне нежелательны. Иногда допрашиваемые бессознательно избегают вспоминать некоторые особо неприятные для них подробности имевшего место события; если гипнотизер не вникает в суть происходящего и все же настаивает на этом, то вполне возможно получение вымышленных сведений.

В части, касающейся самого сеанса, большое внимание уделяется соблюдению этических и юридических сторон процесса: очевидец (жертва)

участвует в сеансе — *повторимся* — строго на добровольной основе, дав об этом предварительную подписку; непременным условием является нормальное состояние его здоровья, отсутствие различных хронических заболеваний. Соответствующие требования предъявляются к месту проведения сеанса, техническому обеспечению и правильному подбору гипнотизера.

Криминалисты Израиля, придерживаясь мнения о действенности метода гипнорепродукции, выработали ряд условий, которые должны соблюдаться при его использовании, а именно:

— испытуемый (очевидец, жертва) должен быть настроен, безусловно, положительно к сотрудничеству с органами расследования и, в частности, к факту его гипнотизирования;

— во всех случаях нужно быть уверенным в психологическом благополучии допрашиваемого под гипнозом, иначе необходима консультация с соответствующим специалистом;

— сеансы следственного гипноза должны проводиться опытными психиатрами или психологами, имеющими специальную подготовку в практическом осуществлении гипнорепродукции;

— специалист, который проводит допрос под гипнозом, должен занимать и сохранять беспристрастную позицию в отношении получаемой от фигуранта информации. В целях предупреждения намеренного искажения излагаемых сведений в интересах следствия источник информации не должен догадываться о предпочтительных для следователя вариантах ответа [2, р. 79].

Чтобы избежать отрицательных явлений и получить дополнительную информацию по делу, сеанс гипноза должен проводиться в три этапа; средняя его продолжительность составляет от одного до трех часов.

Первая часть сеанса состоит в том, что гипнотизер разъясняет допрашиваемому значение гипноза как такового; проведение беседы преследует цель рассеять опасения (боязнь уснуть и не проснуться, боязнь того, что гипноз может ослабить «волю» и т. п.) и неверные представления о гипнозе, которые могли возникнуть у «пациента». Гипнотизируемому дается понять, что в процессе эксперимента он не превращается в автомат и сможет полностью распоряжаться своей волей. Если «пациент» будет сопротивляться гипнотизации, эффекта не будет, беспрепятственно выполняются только нейтральные для личности инструкции; в состоянии полной гипнабельности допрашиваемого нельзя заставить совершать действия, которые идут вразрез с его личностными установ-

ками, противоречат основным чертам его характера.

В ходе второй части сеанса гипнотизер предлагает фигуранту занять удобное положение (чаще всего полулежачее), расслабиться и вспомнить все, что он знает об интересующем следствии факте. Посредством применения монотонной музыки, действующей на расслабление организма, гипнотизер вводит допрашиваемого в гипнотическое состояние. В состоянии гипноза «пациенту» внушается, что, несмотря на состояние сна, он может отвечать на поставленные вопросы, перечень которых отражен в заранее разработанной анкете; очередной вопрос не задается, пока не будет получен исчерпывающий ответ (пока допрашиваемый не выскажется полностью).

Третья часть сеанса — сопоставление. После того как испытуемый приходит в нормальное состояние, совместно с ним анализируются результаты только что проведенного эксперимента; допрашиваемому снова задаются вопросы, непосредственно относящиеся к изложенному им под воздействием гипноза.

В ходе допроса происходит следующее распределение ролей: гипнотизер приводит допрашиваемого в гипнабельное состояние, в период интервьюирования контролирует его состояние и по окончании допроса выводит из гипноза. Агент-интервьюер (сотрудник ФБР), будучи ориентирован в материалах дела в самых общих чертах, проводит допрос. Перечень вопросов, изложенных в специально подготовленной анкете, исключает произвольную «подсказку» допрашиваемому, не допускает наводящих вопросов.

Число лиц, присутствующих на допросе, строго ограничено. Кроме гипнотизера, обязательно имеющего медицинскую лицензию, привлекаются консультанты ФБР, специализирующиеся в области психологии, прошедшие соответствующую подготовку по праву, технике интервьюирования, по расследованию и судебному гипнозу. Следовательно, в производстве которого находится уголовное дело, в месте проведения сеанса гипноза не присутствует; проводимый эксперимент он может наблюдать, находясь в специально приспособленном для этого помещении.

Допрос под гипнозом сопровождается видеозаписью, которая приобщается к делу, являясь в определенном смысле подтверждением соблюдения процедурных требований, удостоверяя (при возникновении необходимости) отсутствие внушения показаний. Полученные показания фиксируются в протоколе, где среди прочих обязательных

атрибутов, предъявляемых к составлению документов данного вида, обосновывается необходимостью эксперимента, фиксируется согласие свидетеля (потерпевшего), указывается квалификация специалистов, проводящих допрос.

Опыт зарубежной полиции показал, что при соблюдении требований, разработанных на основе апробированных исследований, гипноз является эффективным способом выявления и разоблачения преступников. Так, в Руководстве по применению следственного гипноза, изданном в США, были обобщены результаты трехгодичной работы гипнотизеров-дознателей по 350 уголовным делам Управления полиции Лос-Анджелеса. Констатируется, что почти в 79 % дел с помощью гипноза была получена дополнительная ранее неизвестная информация, имеющая важное значение для раскрытия тяжких преступлений. По 151 делу (или 51 %) из 295 информация оказалась полезной и в 90 % случаев подтвержденной иными надежными источниками, из всего количества законченных производством дел в 65,5 % случаев полученная под гипнозом информация была высокозначимой. По видам преступлений: убийства — 60 %, вооруженные грабежи — 12, изнасилования — 13, кражи со взломом — 4, прочие — 11 %. Данные эффективности следственного гипноза, полученные на материалах 40 уголовных дел Управления полиции Израиля, отличаются от вышеприведенных незначительно¹.

Известны отдельные случаи успешного применения гипноза и в практике раскрытия преступлений правоохранительными органами России². Вместе

¹ См.: Гримак Л. П. Гипноз и преступность. Москва: Республика, 1997. С. 184.

Примерно такие же данные приведены и в других работах, например: Черепанов Г. Г., Шмидт А. А. Гипноз как нетрадиционный способ проведения оперативно-розыскного мероприятия «Опрос» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 3 (25). С. 84.

² Об этом см.: Савинов Н. Опыт собирания ориентирующей информации с помощью гипноза // Записки криминалистов: правовой общественно-политический и научно-популярный альманах / гл. ред. В. А. Образцов. Москва: Юрикон, 1995. Вып. 5. С. 236; Рунова А. Гипноз в раскрытии преступлений: как следователи находят преступников с помощью гипнорепродукции. URL: <http://12-kanal.ru/news/74216/> (дата обращения: 15.01.2022); Кондрашина И. А., Миннегалимова А. З. Допрос под гипнозом // Гуманитарные научные исследования: электрон. науч.-практ. журн. 2016. № 3 (55). С. 196—198. URL: <https://human.snauka.ru/2016/03/14346> (дата обращения: 24.01.2022); Стерхов П. А. К вопросу о целесообразности законодательной регламентации оснований применения гипноза в целях повышения эффективности правоохранительной деятельности полиции // Вестник

с тем, как следствие правовой неурегулированности данного процесса, отдельные факты и результаты проведения гипнорепродуктивного опроса оформлялись актами судебно-психологических экспертиз о результатах экспериментально-суггестивного потенцирования памяти потерпевших и свидетелей.

Приведем один из примеров использования метода гипнорепродукции при раскрытии изнасилования и убийства посредством удушения 8-летней Н. В ходе производства по делу было сделано предположение, что тетя девочки М., которая ее провожала и видела последней в день исчезновения, могла заметить вероятного преступника или иных лиц, располагающих искомой информацией. При допросе та заявила, что непроизвольно обратила внимание на незнакомого ей мужчину, стоявшего по ходу движения девочки, но не могла припомнить каких-либо значимых обстоятельств события. С учетом готовности М. помочь в расследовании было принято решение провести ее опрос в гипнотическом состоянии. В результате та последовательно и подробно описала свои действия, вспомнила оказавшихся в поле ее зрения людей и предметы. Особенно детально был восстановлен облик постороннего мужчины: М. подробно описала его лицо, цвет глаз, особенности прически, форму бровей, рта, цвет кожи, охарактеризовала его одежду, даже форму обуви, заявив, что он напоминает ей соседа П. Реализуя полученную информацию, в ходе дальнейших оперативно-розыскных мероприятий был изобличен и создан в совершенном преступлении некто Н., сын П., внешне очень похожий на отца. Именно подробная информация о внешности убийцы, полученная в гипнотическом состоянии свидетеля, способствовала раскрытию тяжкого резонансного преступления [3, с. 121—122].

Свидетельские показания лиц в гипнотическом состоянии не могут быть достаточно достоверными, поэтому гипноз считается лишь возможным, но отнюдь не надежным средством получения показаний. Эти сведения могут выступать в качестве ориентирующей информации, а использование их в доказывании допустимо лишь после надлежа-

российского университета кооперации. 2016. № 3 (25). С. 135—136; Никитина В. И. Использование гипноза для получения информации, значимой для доказывания в уголовном процессе // Аллея Науки: науч.-практ. электрон. журн. 2018. Т. 2, № 11 (27). С. 674—675. URL: <http://alley-science.ru> (дата обращения: 24.01.2022); и др.

щей проверки процессуальными средствами. Такие показания должны подкрепляться другой, более надежной информацией.

Еще в середине 90-х гг. прошлого века (при подготовке диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук) автором статьи поднимался вопрос использования нетрадиционных методов получения информации в ходе расследования, в том числе посредством гипнорепродукции. За что Ваш покорный слуга был «нещадно бит» на защите специалистами в области конституционного и уголовно-процессуального права. Так вот, в процессе сбора эмпирического материала по теме диссертации меня интересовало мнение практических работников (следователей и адвокатов-защитников) относительно факта применения гипноза в ходе расследования. Ответы на вопросы в зависимости от категорий интервьюируемых были кардинально противоположны: если отношение следователей (более $\frac{4}{5}$ из числа опрошенных) в целом положительное, то адвокаты (почти 90 %) не «воспринимали» полученную подобным образом информацию даже в качестве ориентирующей. Доходило до того, что почти 5 % опрошенных следователей предлагали использовать подобную информацию в качестве доказательств по делу.

Надо признать, что это извечное противостояние стороны защиты и стороны обвинения (особенно по данному вопросу) обострено до крайности.

В настоящее время исследованием проблем использования гипнорепродукции как одного из методов получения искомой информации в ходе предварительного расследования занимается Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России. Используя практику психотерапии, исследования базируются на современных разработках и достижениях в сфере физиологии высшей нервной деятельности человека. Здесь преследуется цель — получение доступа к вытесненной (утраченной) из памяти человека информации (возможно, в результате физической или психической травмы, полученной в ходе уголовно наказуемого деяния, или по прошествии длительного времени с момента его совершения).

Фундаментальное исследование на протяжении ряда лет зарубежной и российской практики криминалистического гипноза привело профессора, психотерапевта Л. П. Гримака (*под его руководством разработана методология использования нетрадиционных методов раскрытия преступ-*

лений, включая использование следственного гипноза) к выводу, что данный вид гипноза имеет мало общего с психотерапевтической техникой внушения. Он является в основном своеобразным инструментом гипермнезии, связанной со стимулирующим воздействием на сферу вербальной и образной памяти. Для целей следственной практики наряду с ним уместно применение еще одного вида гипноза, способного купировать, снять стрессовые и психотравматические последствия криминальных инцидентов [4, с. 183—195]. Использование соответствующих методов психологического воздействия, которые позволяют обращаться к бессознательному, обуславливает собой комплексное воздействие на организм индивида для нормализации его психофизиологического состояния.

Отношение к данному нетрадиционному методу получения искомой информации в ходе расследования по делу (берем за основу ситуацию, когда следствие заходит в тупик) у нас в стране далеко не однозначное: с одной стороны, есть адепты, которые ратуют за применение гипноза даже при допросе обвиняемых (подозреваемых)¹

¹ Так, признается вполне допустимым применение гипноза по просьбе самого подозреваемого (обвиняемого) и по возможности в присутствии своего защитника, что может быть единственным исключением из этого правила. См.: Нетрадиционные способы и методы раскрытия и расследования преступлений. URL: <https://www.stud24.ru/criminalistics/netradicionnye-sposoby-i-metody-raskrytiya/353652-1094420-page3.html> (дата обращения: 15.01.2022).

Кроме этого, есть мнение, что подозреваемый, обвиняемый и подсудимый вправе обратиться за помощью к гипнооператору для установления сведений, подтверждающих их невиновность. В данной ситуации запрет на использование гипнорепродукции якобы нарушает права обвиняемого доказывать свою невиновность (ч. 2 ст. 70 УПК РФ). См.: Екимцев С. В. Использование нетрадиционных методов познания в борьбе с преступностью // Наука и практика. 2014. № 3 (60). С. 43; Левочкина Т. А., Левочкина Д. А. Гипноз как метод получения ориентирующей информации при расследовании преступлений. URL: <http://www.finexg.ru/gipnoz-kak-metod-polucheniya-orientiruyushhej-informacii-pri-rassledovanii-prestuplenij/> (дата обращения: 15.01.2022).

Например, П. А. Стерхов предлагает проводить с обвиняемым по делу сеанс гипноза с целью отыскания его тайников. См.: Стерхов П. А. К вопросу о целесообразности законодательной регламентации оснований применения гипноза в целях повышения эффективности правоохранительной деятельности полиции // Вестник российского университета кооперации. 2016. № 3 (25). С. 136.

и несовершеннолетних¹, с другой — ярые противники использования гипнорепродукции, представляющие ее в виде одной из форм психического насилия (чуть ли не инквизиции), нарушения правовых норм, регулирующих проведение данного следственного действия (об этом ниже).

По своей сути гипноз неприменим в ходе допроса обвиняемого (подозреваемого); принцип гипнабельности построен на том, что искомая информация может быть получена лишь в том случае, когда «пациент» сам заинтересован в устранении пробелов информационного характера по делу. Даже при внешне добровольном изъявлении желания помочь следствию индивид может препятствовать активации памяти, «тормозить» восприимчивость к гипнозу.

Здесь уместно привести выдержку из доклада Ганса Шнейкерт, начальника Берлинского бюро по идентификации, преподавателя криминалистики Берлинского университета, прочитанного им еще в 1924 г. в Берлинском психологическом обществе. Будучи заинтересован не проблемами психологии показаний, а техническими приемами их получения, в частности из сознания обвиняемого, он писал: «Обвиняемые сами неоднократно изъявляли готовность подвергнуться гипнотизированию и быть допрошенными в состоянии гипноза, желая этим создать доказательство того, что у них на душе нет ничего затаенного. Но и такой прием едва ли мог бы быть признан допустимым с юридической точки зрения, не только потому, что трудно установить, не было ли симуляции гипнотического состояния, но и потому, что лицо, лишенное свободного волеопределения, хотя бы искусственным путем, не может рассматриваться как допустимый свидетель на суде». Автор приходит к заключению, что «человека с твердой решимостью, наложившего на себя печать молчания, не может принудить к раскрытию тайны никакая присяга. ...Загипнотизированный, даже находясь под влия-

нием чужой воли, может лгать в состоянии гипноза» [5, с. 37—38].

Рассмотрим более детально позицию «противников».

Так, не совсем понятна точка зрения Н. Н. Китаева, который, оперируя научными исследованиями, проводившимися в 20—30-е гг. прошлого века, в целом считает неприемлемым получение дополнительной информации посредством гипнорепродукции, независимо от процессуального статуса допрашиваемого: «Человек в состоянии гипноза способен перевоплотиться в иную личность, а также может фантазировать и выказывать полную подчиняемость командам гипнотизера». В то же время им приведены неединичные примеры успешного использования данного метода в практике раскрытия и расследования преступлений, в том числе с его непосредственным участием в качестве следователя [6, с. 39—41].

Более категоричен в этом направлении профессор А. М. Ларин: он придерживается точки зрения, согласно которой показания под гипнозом нельзя допускать в качестве доказательств по уголовному делу. Отчасти мы солидарны с его высказываниями в отношении того, что «в гипнотическом состоянии человек беспомощен, не способен контролировать ситуацию, отстаивать свои права, осуществлять свои обязанности, а потому не несет ответственность за высказывания и поступки. Подчиняясь внушению гипнотизера, он сможет наговорить что угодно на себя и на других» [7, с. 133].

Профессор С. А. Шейфер считает, что «внедрение в систему следственных действий... нетрадиционных методов доказывания не только не соответствует принципам теории доказательств, но и извращает научные представления о собирании доказательств и объективно разрушает систему следственных действий, внося в нее чужеродные элементы... Многочисленные попытки „реформировать“ систему следственных действий в виде... применения в качестве следственных действий нетрадиционных приемов доказывания не совершенствуют систему, а разрушают ее, подрывая законность доказывания, ведут к нарушению прав участников следственных действий и этим фактически ослабляют требования допустимости доказательств и эффективность всего предварительного расследования» [8, с. 82—83].

Считаем необходимым заострить внимание и на внушении как воздействии на психику, вызывающем некритическое восприятие и автоматическое следование навязываемой идее, о котором пишет профессор А. Р. Ратинов — признанный

¹ При допросе лиц в возрасте от десяти до шестнадцати лет вопросы, которые могут быть им заданы, должны согласовываться также с учетом мнения их законного представителя и педагога, присутствующих при производстве данного следственного действия. По окончании допроса присутствующие удостоверяют своей подписью протокол допроса. Об этом см.: Кондрашина И. А., Миннегалимова А. З. Допрос под гипнозом. С. 198; Яшин А. В., Мартышкина Ю. В. Использование знаний психологии и психиатрии при раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Пензенского государственного университета. 2019. № 2 (26). С. 22.

гуру в области судебной психологии. Решительно отвергая идею возможности применения гипноза в процессе расследования, он утверждает, что «снижая или выключая волевой контроль со стороны участвующих лиц, следователь всегда рискует толкнуть их на объективно неправильный образ действий, который в силу увлеченности или предубеждения может представляться ему соответствующим истине, не являясь в действительности таковым». Здесь же: «гипнотическое внушение — наиболее сильная форма психического насилия, несовместимая с нашими нравственными и правовыми принципами» [9, с. 164].

Сразу оговоримся: гипнорепродукцию, как нетрадиционный метод получения искомой информации в ходе расследования, нельзя относить к одной из «форм психического насилия». Мы отстаиваем позицию, что применение гипноза осуществляется на сугубо добровольной основе: чтобы человек сказал правду, он должен прийти к этому самостоятельно, захотеть это реализовать.

Возвратимся к доводам Н. Н. Китаева. Думается, здесь вполне уместен вопрос: зачем специалисту-гипнооператору, который проводит сеанс как не имеющий интереса в исходе дела (да и мало информированный в его существовании), «формировать» фантазии «пациента», тем более когда опрос фиксируется на видеоаппаратуру? Почему столь скептически нужно относиться к гипнозу, по его выражению, как «последней надежде» отчаявшихся оперативных работников и следователей, когда исчерпаны все остальные возможности профессионалов? Даже если принять за основу «последнюю надежду», то соответствующие должностные лица далеко не из личного интереса стремятся к достижению результативности в деле раскрытия совершенного преступления.

Непреренно нужно рассмотреть и мнение А. М. Ларина относительно доказательственной сущности информации, полученной в ходе гипнотического сеанса. Красной нитью в представленной нами статье проходит мысль о том, что гипнотическое воздействие во время допроса (или опроса) — исключительная мера получения искомой информации по делу, требующая знаний специалистов соответствующей квалификации; основная задача его применения — получение достоверной ориентирующей (*подчеркнем: никак не доказательственной*) информации, ранее не сообщенной ее обладателем по тем или иным причинам. «Нетрадиционные методы юридической психологии не противопоставляются традиционным, а служат дополнением к ним. Полученная с их помощью

информация имеет не доказательственный, а ориентирующий характер и может быть использована в процессе проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий для формирования и выдвижения следственных и оперативно-розыскных версий»¹.

Еще раз подчеркнем: информация, полученная под гипнозом, должна быть подтверждена другими, независимыми доказательствами (например, содержащимися в заключениях тех или иных экспертов), и только в этом случае она будет признана судом. Поэтому решать вопрос об использовании гипноза нужно после того, как исчерпаны все традиционные методы исследования. Если начинать с традиционных методов, может оказаться, что гипноз и не понадобится: преступление будет раскрыто и без гипноза. Стремление раскрыть преступление не должно перевешивать логику и здравый смысл [10, с. 284, 286].

Нельзя не отметить и тот факт, что причина столь неоднозначного отношения к гипнорепродукции в ходе расследования, по нашему мнению, не только и не столько в правовом поле, когда полученные результаты могут быть признаны не доказательствами по уголовному делу, а всего лишь ориентирующей информацией. Отсутствие четких правил применения данного метода в ходе производства по делу обусловлено самой природой нетрадиционности применяемого исследования.

Одна из основных проблем — это наличие ответствующего специалиста (или его отсутствие) в области гипнорепродукции, которого можно привлечь к опросу. Сеансы гипноза могут проводить только специально подготовленные лица — психиатры и психологи² (кроме прочего, в подобной ситуации обладателю информации, чтобы справиться со своими эмоциями, необходима квалифицированная помощь). Специалист-гипнолог, обладающий необходимыми познаниями в области психотерапии, психологии, должен иметь квалификацию гипнооператора, т. е. пройти специальную подготовку по проведению «разыскного»

¹ Нетрадиционные методы в раскрытии преступлений. URL: <https://isfic.info/aminov/yurpsi18.htm> (дата обращения: 15.01.2022).

² Нельзя не уделить внимания и противоположной точке зрения, согласно которой за основу данного метода берется ассоциативный опрос, не требующий специальных познаний. Соответственно, его якобы может проводить оперативный сотрудник как самостоятельно, так и с привлечением специалиста. См.: Гипнорепродукция при раскрытии и расследовании преступлений. URL: <https://pravorub.ru/articles/43002.html> (дата обращения: 15.01.2022).

(«следственного») гипноза. И еще одна сторона вопроса: «Гипноз часто приходится защищать от легкомысленного и поверхностного отношения к нему, что в соединении с профессиональной безграмотностью может вылиться в прямое шарлатанство и повлечь за собой немалый вред как для того, на ком практикуются подобные гипнотические воздействия, так и для того, кто их проводит» [11, с. 7]. Как правило, в регионах, на периферии, специалисты соответствующей квалификации отсутствуют (отчасти на данный момент это обусловлено их невостребованностью).

Но и этим проблема не исчерпана. Как ни прискорбно, но надо признать и тот факт (*действительность об этом наглядно свидетельствует*), что сегодняшним представителям следственного аппарата все более присуща косность, боязнь (в полном смысле этого слова) чего-то нового, неизведанного, в целом — присущ консерватизм. Следует посмотреть правде в глаза, ведь и инициатива, и процессуальная самостоятельность следователя закреплены только формально: они ограничены рамками прокурорского надзора и контролем руководителя следственного подразделения. Не раз в частных беседах со следователями различного уровня приходилось слышать, что «инициатива в их деятельности наказуема»: если, допустим, в результате строгого, в рамках закона, проведения всех необходимых процессуальных мероприятий преступление не будет раскрыто, это не скажется кардинально в отрицательном плане на дальнейшей профессиональной

деятельности следователя. Конечно, победителей не судят. Но если преступление не раскрыто, а в процессе расследования должностным лицом применялись «на свой страх и риск» нетрадиционные методы, это другой разговор и соответствующие последствия...

Подводя итог сказанному, отметим, что нельзя стремления к использованию гипнорепродукции в деятельности правоохранительных органов сводить лишь к усилению борьбы с преступностью, и притом якобы без каких-либо особых усилий [12, с. 124]. Прогресс, присущий науке, не может находиться в стагнации. То, на что не так давно было наложено табу, подвергалось гонению, в настоящее время, будучи теоретически обосновано и успешно апробировано на практике, нашло применение в деятельности правоохранительных органов. В качестве примера можно привести и генетическую и фоноскопическую экспертизы, и такие следственные действия, как, например, контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, которые нашли отражение в уголовно-процессуальном законодательстве и по сути своей ранее были характерны лишь для оперативно-разыскной деятельности, и целый ряд других.

Проблема применения гипноза в ходе предварительного расследования требует дальнейшего научного изучения в направлении, нашедшем отражение в представленной статье, и соответствующей апробации на практике.

1. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 4-е изд., испр. и доп. Москва: Сов. энцикл., 1990. 1633 с.

2. Kleinhauz M., Horovitz J., Tobin U. The use of hypnosis in police investigation: a preliminary communication // Journal of forensic science society. 1977. P. 77—80.

3. Мощанский А. Б. Использование гипнозоподобных состояний для восстановления событий в ходе оперативно-розыскных мероприятий // Нетрадиционные методы в раскрытии преступлений: тез. науч.-практ. семинара. Москва: ВНИИ МВД России, 1994. С. 120—122.

4. Гримак Л. П. Гипноз и преступность. Москва: Республика, 1997. 304 с.

5. Шнейкерт Г. Тайна преступника и пути к ее раскрытию: К учению о судебных доказательствах / пер. с нем. под ред. [и с предисл.] П. И. Люблинского. Москва: Право и жизнь, 1925. 64 с.

1. Soviet Encyclopedic Dictionary. Chief ed. A. M. Prokhorov. 4th ed., rev. and add. Moscow: Soviet Encyclopedia; 1990: 1633. (In Russ.).

2. Kleinhauz M., Horovitz J., Tobin U. The use of hypnosis in police investigation: a preliminary communication. Journal of forensic science society, 77—80, 1977. (In Eng.).

3. Moshansky A. B. The use of hypnosis-like states to restore events during operational search activities. In: Unconventional methods in solving crimes. Theses of a scientific and practical seminar. Moscow: Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 1994: 120—122. (In Russ.).

4. Grimak L. P. Hypnosis and crime. Moscow: Republic; 1997: 304. (In Russ.).

5. Schneikert H. The mystery of the criminal and the ways to its disclosure: To the study of judicial evidence. Transl. under ed. [and with a preface] by P. I. Lyublinsky. Moscow: Law and Life; 1925: 64. (In Russ.).

6. Китаев Н. Н. Гипноз и преступления: лекция для специальности 021100 Юриспруденция. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2006. 60 с.

7. Ларин А. М. Криминалистика и паракриминалистика: науч.-практ. учеб. пособие. Москва: Бек, 1996. 192 с.

8. Шейфер С. А. Собираание доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики: монография. Москва: Норма: Инфра-М, 2015. 110 с.

9. Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей: учеб. пособие. Москва: ВШ МООП СССР, 1967. 290 с.

10. Образцов В. А., Богомоллова С. Н. Криминалистическая психология: учеб. пособие для вузов. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2002. 447 с.

11. Рожнов В. Е., Рожнова М. А. Гипноз от древности до наших дней. Москва: Сов. Россия, 1987. 304 с.

12. Шейфер С. А. Следственные действия — правомерны ли новые трактовки? // Lex Russica (Русский Закон): науч. юрид. журн. 2015. № 10. С. 115—127.

6. Kitaev N. N. Hypnosis and crimes. Lecture for specialty 021100 Jurisprudence. Irkutsk: Publishing house of BSUEP; 2006: 60. (In Russ.).

7. Larin A. M. Criminalistics and paracriminalistics. A scientific and practical textbook. Moscow: Bek; 1996: 192. (In Russ.).

8. Shafer S. A. Collecting evidence in a criminal case: problems of legislation, theory and practice. Monograph. Moscow: Norma: Infra-M; 2015: 110. (In Russ.).

9. Ratinov A. R. Forensic psychology for investigators. A textbook. Moscow: Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR; 1967: 290. (In Russ.).

10. Obratstov V. A., Bogomolova S. N. Criminalistic psychology. A textbook for universities. Moscow: UNITY-DANA; Law and Right; 2002: 447. (In Russ.).

11. Rozhnov V. E., Rozhnova M. A. Hypnosis from antiquity to the present day. Moscow: Soviet Russia; 1987: 304. (In Russ.).

12. Shafer S. A. Investigative actions — are new trucks legitimate? Lex Russica (Russian Law). Scientific legal journal, 115—127, 2015. (In Russ.).

Замылин Евгений Иванович,

профессор кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
efrommm@mail.ru

Zamylin Evgeny Ivanovich,

professor at the criminology department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, professor;
efrommm@mail.ru

Статья поступила в редакцию 14.12.2022; одобрена после рецензирования 26.12.2022; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 14.12.2022; approved after reviewing 26.12.2022; accepted for publication 31.01.2023.

* * *

УДК 343.985.7
doi: 10.25724/VAMVD.A079

**ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ
И ЦИФРОВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА
В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ
ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Яна Александровна Климова

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, aya3008@yandex.ru

Аннотация. Анализируются статистические данные по преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Делается вывод о том, что на протяжении последних трех лет сохраняются неизменно высокие показатели преступности в рассматриваемой сфере и низкий процент успешных расследований таких преступлений. Указанная проблема свидетельствует об актуальности поиска комплексных решений, позволяющих повысить эффективность деятельности органов предварительного расследования. В статье даются определения искусственного интеллекта и цифровых доказательств, сформулированные с точки зрения уголовно-процессуального и криминалистического аспектов. Рассматривается перспективность использования технологии искусственного интеллекта для обнаружения, фиксации и изъятия цифровых доказательств. Приводятся примеры из судебной практики, иллюстрирующие необходимость внесения изменений в тактику производства отдельных следственных действий. Изучается законодательная регламентация, имеющиеся лакуны правового регулирования, и правовая позиция, изложенная в Пленуме Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37. Обосновывается эффективность использования алгоритма искусственного интеллекта для обнаружения цифровых доказательств с помощью применения программного обеспечения в ходе производства осмотра электронного носителя информации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровые доказательства, информационно-телекоммуникационные технологии, расследование преступлений, IT-технологии, Интернет, цифровизация

Для цитирования: Климова Я. А. Искусственный интеллект и цифровые доказательства в расследовании преступлений, совершенных с использованием современных информационно-коммуникационных технологий // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 1 (64). С. 81—87. doi: 10.25724/VAMVD.A079

**ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND DIGITAL EVIDENCES
WHILE INVESTIGATING CRIMES COMMITTED
THROUGH THE USE OF MODERN INFORMATION
AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES**

Yana Aleksandrovna Klimova

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, aya3008@yandex.ru

Abstract. Statistical data with regard to crimes committed through the use of modern information and communications technologies are under review herein. It is drawn the conclusion that since three years a permanently high crime rates in the sphere covered as well as low rate of successful investigation of crimes have been maintained. The issue above mentioned is indicative of the urgency to search for comprehensive solutions that enable to improve the activity efficiency of preliminary investigation bodies. The definitions of artificial intelligence and digital proofs are defined herein that were laid down considering criminal and forensic aspects. The perspective-ness to use artificial intelligence technologies is reviewed to detect, record and withdraw digital evidences. Case law examples are provided highlighting the necessity to introduce amendments in certain investigative proceedings. Legislative regulatory activity, existing gaps in legal regulations and legal views which was outlined within

the Plenum of Supreme Court of the Russian Federation dated 15 December 2022 No. 37 are examined. The efficiency of using an artificial intelligence algorithm for the detection of digital evidence with the help of application of software during the inspection of an electronic information carrier is substantiated.

Keywords: artificial intelligence, digital evidences, information and communications technologies, investigation of crimes, ITs, Internet, digitalization

For citation: Klimova Ya. A. Artificial intelligence and digital evidences while investigating crimes committed through the use of modern information and communication technologies. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 81—87, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A079

Преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, охватывают большой круг деяний, и тенденция к дальнейшей цифровизации общества свидетельствует о том, что их перечень будет еще значительно расширяться.

В январе — ноябре 2022 г. преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, составляют примерно четверть (470 100 преступлений) от всех зарегистрированных преступлений (рис. 1), из них 72,8 % совершается с использованием сети Интернет (342 500 преступлений)¹. Важно отметить, что приведенные показатели остаются стабильными на протяжении последних трех лет, при этом показатели раскрываемости и успешного расследования таких преступлений по-прежнему остаются крайне низкими.

Данные статистики свидетельствуют об актуальности формирования научных основ методики расследования преступлений указанной категории. Рассмотрим ключевой элемент криминалистической характеристики механизма таких преступлений — способ их совершения. Здесь важно учитывать, что современные способы совершения имеют свои специфические признаки:

— неочевидность, большая скрытность от человека и, как следствие, обнаружение следов преступления спустя большой промежуток времени с момента его фактического совершения;

— дистанционность, предполагающая значительное удаление местонахождения преступника от предмета преступного посягательства, в том числе не исключая их расположение за рубежом, т. е. подпадание преступного деяния под юрисдикцию разных государств. Согласно правовой позиции, сформулированной Верховным Судом Российской Федерации в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах

судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть „Интернет“»², местом совершения деяния будет являться непосредственно та территория, на которой лицо физически находилось в момент использования различных электронных устройств, в том числе переносных, для совершения IT-преступлений;

— высокотехнологичность, которая влечет за собой возможность преступника почти мгновенно изменить значительные по объему информационные массивы, а также обуславливает сложность обнаружения и фиксации цифровых следов преступления;

— трудность выявления и фиксации индивидуальной следовой информации, поскольку большинство преступлений совершается с многопользовательских рабочих мест и удаленных рабочих столов.

Именно обозначенная специфика способа совершения данных преступлений указывает на необходимость использования в уголовном судопроизводстве знаний специалистов в области IT-технологий не только системы МВД, но и из иных учреждений, в том числе негосударственной формы собственности, и предопределяет особенности производства отдельных следственных действий.

Кроме этого, следует учитывать, что расследование преступлений, совершенных с использованием современных информационно-коммуникационных технологий, характеризуется производством целого комплекса следственных действий, направленных на сбор и фиксацию как «традиционных» доказа-

¹ Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 18.01.2023).

² О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 // Российская газета: интернет-портал. URL: <https://rg.ru/documents/2022/12/28/document-postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda.html> (дата обращения: 30.12.2022). Далее — Пленум.

тельств: сведений, получаемых непосредственно от участников уголовного судопроизводства (свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняе-

мых), и материальных следов, так и «цифровых» доказательств.

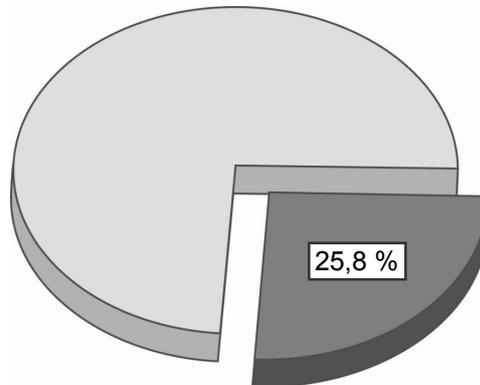

Рис. 1. Статистические данные о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, за январь — ноябрь 2022 г.

В уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации отсутствует понятие цифровых доказательств, и в связи с этим содержание дефиниции носит дискуссионный характер. Полагаем, что цифровые доказательства — это любые сведения, которые могут содержаться на электронных носителях информации различных видов мобильных телефонов (фичерфонов, смартфонов), планшетов, компьютеров типа «ноутбук», внешних съемных запоминающих устройств, видеорегистраторов, беспилотных летательных аппаратов, ГЛОНАСС-навигаторов, принтеров и других периферийных устройств, а также находиться в памяти активного серверного оборудования, обеспечивающего функционирование ресурсов сети Интернет (сайтов, страниц сайтов, так называемых облачных хранилищ данных и т. п.).

Большое значение цифровых доказательств для успешного расследования рассматриваемого вида преступлений подтверждает следующий пример из практики. О. А. Ал-в, использовавший в расположенном на интернет-платформе `hydraruzxpnew4af.onion` интернет-магазине TimeCrime учетную запись `Olega143`, в интернет-мессенджере WickrMe — ник `kraduserdca`, действуя умышленно, из корыстных побуждений, путем переписки на сайте указанного интернет-магазина вступил в преступный сговор с неустановленным лицом, использовавшим в интернет-магазине TimeCrime учетную запись «Оптовичок», в интернет-мессенджере WickrMe — ник `Razorbtc`, в целях незаконного сбыта неопределенному кругу лиц наркотического средства «масло каннабиса (гашишное масло)»

в крупном размере с использованием сети Интернет бесконтактным способом, размещая данное наркотическое средство в тайниках-закладках на территории Ставропольского края.

Впоследствии О. А. Ал-в, согласно предварительно распределенным с неустановленным лицом с ником `Razorbtc` преступным ролям, на протяжении длительного периода делал тайники-закладки с наркотическим средством «масло каннабиса (гашишное масло)», сведения о местонахождении которого в интернет-мессенджере WickrMe он предоставлял указанному неустановленному лицу, с целью последующего незаконного сбыта неопределенному кругу лиц через интернет-магазин TimeCrime.

В ходе расследования у О. А. Ал-ва были обнаружены и изъяты мобильный телефон марки `Xiaomi Redmi 7` в корпусе черно-красного цвета с установленной в нем сим-картой оператора сотовой связи «Мегафон» и ноутбук в корпусе серебристого цвета марки HP. В своих показаниях О. А. Ал-в пояснил, что данные телефон и ноутбук принадлежат ему. При помощи телефона он осуществлял фотографирование участков местности с тайниками-закладками наркотических средств, вел переписку с куратором интернет-магазина TimeCrime; в ноутбуке хранил информацию о незаконном сбыте наркотических средств, а именно фотографии и координаты тайников-закладок.

В ходе осмотра содержимого изъятых предметов было обнаружено, что в мобильном телефоне установлено приложение WickrMe. О. А. Ал-в

пояснил, что использовал в этом приложении ник *kraduserdca* и вел переписку с неустановленным лицом с ником *Razorbtc*, являющимся куратором магазина по продаже наркотиков *TimeCrime*. Сотрудниками правоохранительных органов выявлено наличие переписки между данными лицами, а также с помощью приложений *GoogleAuthenticator* и *TorBrowser*, используя логин и пароль *О. А. Ал-ва*, был осуществлен вход на сайт указанного онлайн-магазина, где были обнаружены переписка *Ал-ва* с другими лицами о сбыте наркотических средств и фотографии тайников-закладок с наркотиком.

Таким образом, в результате осмотров было установлено наличие в памяти телефона и ноутбука фотографических снимков мест нахождения тайников, в которых *О. А. Ал-в* оставлял пакетики с наркотическими средствами, и переписки с другими лицами о фактах сбыта наркотиков. Мобильный телефон и ноутбук были признаны вещественными доказательствами. Однако в ходе расследования не все цифровые следы были обнаружены и исследованы, в результате чего личность и местонахождение неустановленного лица с ником *Razorbtc* (соучастника *О. А. Ал-ва*) установлены не были, уголовное дело было выделено в отдельное производство¹.

В условиях современного развития технологий особое значение для обнаружения, изъятия и фиксации цифровых доказательств в целях эффективного расследования современных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, приобретает применение технологии искусственного интеллекта.

Одни из первых попыток законодательной регламентации технологии искусственного интеллекта и использования ее результатов были приняты в 2019 г. путем принятия Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.²

Колоссальную важность применения технологии искусственного интеллекта для всех сфер жизни общества подчеркнул Президент Российской Федерации Владимир Путин в ходе своего выступления на международной конференции «Путешествие

в мир искусственного интеллекта», состоявшейся 24 ноября 2022 г.³ Ранее на научном совете при Совете безопасности России эксперты пришли к аналогичному выводу о целесообразности внедрения современных информационных технологий, в том числе искусственного интеллекта, в деятельность правоохранительных органов⁴.

Анализ действующего законодательства и правоприменительной практики через призму уголовно-правовых наук позволяет сформулировать определение искусственного интеллекта. Под искусственным интеллектом предлагаем понимать комплекс технологических решений, включающий информационно-коммуникационную инфраструктуру и программное обеспечение, воспроизводящий когнитивные возможности мозга человека для решения конкретных задач по обработке большого массива данных и поиска оптимальных решений согласно заданному алгоритму.

Таким образом, приходим к выводу, что эффективное обнаружение и фиксация цифровых доказательств возможны путем интеграции технологий искусственного интеллекта в процесс производства следственных действий.

Обязанность лица, осуществляющего предварительное расследование, по обнаружению и фиксации цифровых доказательств прямо закрепляет п. 21 Пленума, который содержит положение о том, что необходимо установить, какие именно устройства и программы использовались при совершении преступных действий, поскольку доступ может осуществляться с различных устройств, технологически предназначенных для этого, с применением программ, имеющих разнообразные функции (браузеров, программ, предназначенных для обмена сообщениями — мессенджеров, специальных приложений социальных сетей, онлайн-игр, других программ и приложений).

Полагаем, что для этого необходимо во всех случаях прибегнуть к соответствующим техническим средствам. К средствам технико-криминалистического обеспечения, основанным на алгоритме искусственного интеллекта, которые можно использовать в ходе осмотра электронных носителей информации для обнаружения цифровых доказательств,

¹ Приговор Шпаковского районного суда Ставропольского края от 9 февраля 2022 г. № 1-467/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MLht2ESs1yrT/> (дата обращения: 29.12.2022).

² Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года: утв. Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.01.2023).

³ Путин призвал обеспечить массовое внедрение искусственного интеллекта во все отрасли // Российская газета: интернет-портал. URL: <https://rg.ru/2022/11/24/putin-prinial-uchastie-v-konferencii-po-iskusstvennomu-intellektu-glavnoe.html> (дата обращения: 10.01.2023).

⁴ Эксперты посоветовали силовикам РФ внедрять в работу искусственный интеллект // Интерфакс: офиц. сайт. URL: <https://www.interfax.ru/russia/797839> (дата обращения: 18.01.2023).

относится программное обеспечение для компьютерно-технического исследования устройств. Применять его следует специалистом, привлеченным для участия в производстве следственного действия.

Такие программы позволяют извлекать криминалистически значимую информацию из мобильных устройств, ноутбуков, персональных компьютеров и облачных сервисов. Искусственный интеллект позволяет делать аналитику извлечений: строить графы связей, осуществлять распознавание лиц и текста, определять различные виды угроз (оружие, наркотики и т. д.) и многое другое.

С положительной стороны зарекомендовало себя программное обеспечение для компьютерно-технического исследования устройств «Мобильный криминалист», UFED, Belkasoft evidence center и др.

Рассмотрим особенности обнаружения цифровых доказательств в ходе производства отдельных следственных действий на примере использования при осмотре электронного носителя информации — смартфона программного комплекса «Мобильный криминалист».

С точки зрения криминалистической тактики к проведению осмотра необходимо привлекать специалистов в сфере IT-технологий. Следовательно при этом важно до осуществления этого следственного

действия согласовать со специалистом порядок действий при осмотре и создать необходимые технические условия для его успешной работы.

В случае участия в осмотре владельца электронного носителя в протокол следственного действия заносятся следующие сведения: действующие аккаунты, логины и пароли, используемые для разблокировки телефона, а также для доступа к защищенным данным, позволяющим получить криминалистически значимую информацию для расследования дела (доступ к облачному хранилищу, электронной почте, социальным сетям и т. п.). В случае блокировки телефона с помощью отпечатка папиллярного узора пальца руки или идентификации с помощью функции «Face ID» владельцу предлагается разблокировать устройство и отменить блокировку в его настройках. Об указанных действиях делается отметка в протоколе.

При дальнейшем осмотре с применением алгоритма искусственного интеллекта программного обеспечения «Мобильный криминалист» фиксируется содержание носителя, при непосредственном участии специалиста отражаются все приложения, графы связей, звонки, геотеги, временные маркеры, в том числе содержащиеся на облачных сервисах, а также удаленные данные (рис. 2—4).

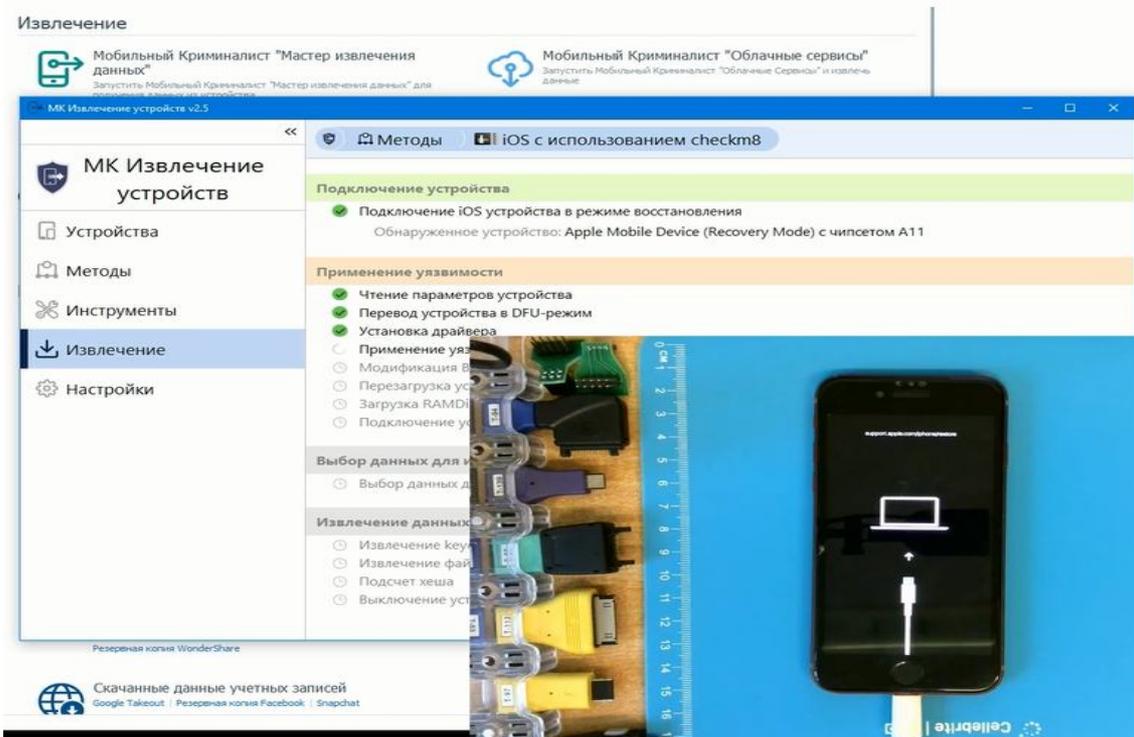

Рис. 2. Подключение устройства с использованием программного обеспечения «Мобильный криминалист»

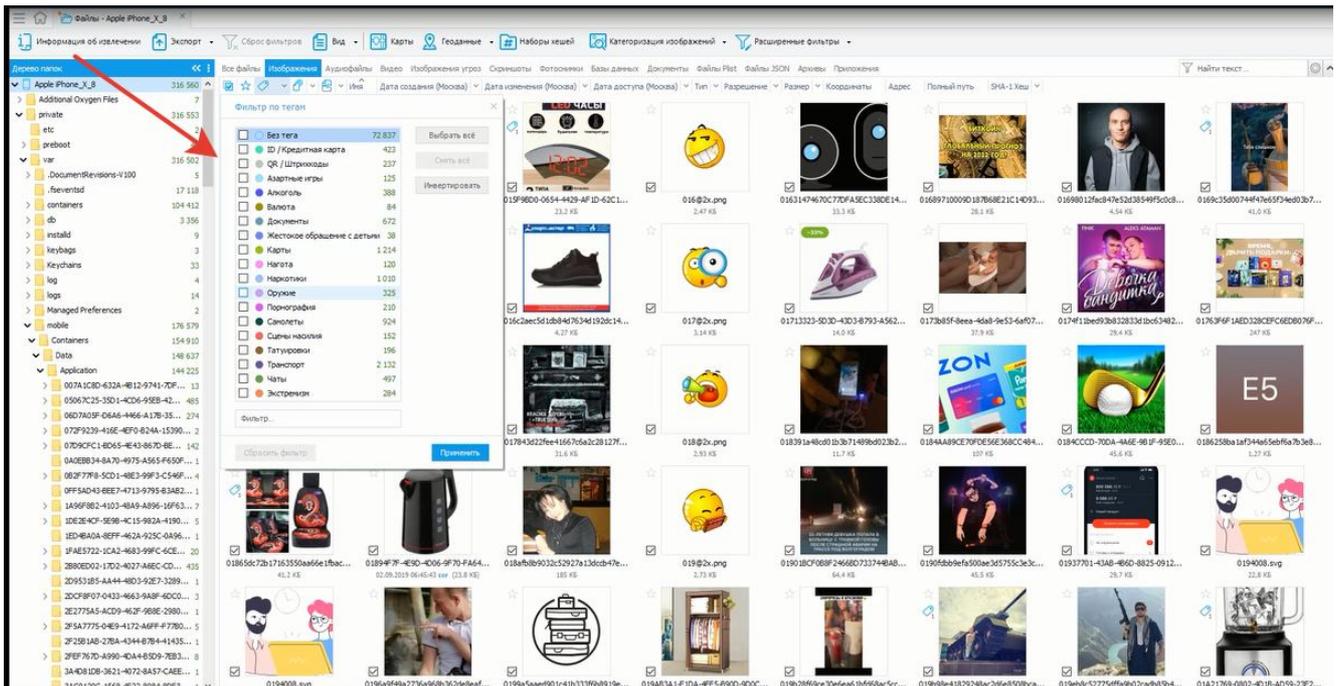

Рис. 3. Аналитика и извлечение данных с использованием алгоритма искусственного интеллекта программного обеспечения «Мобильный криминалист» (стрелкой указаны теги, позволяющие найти информацию по различным видам угроз)

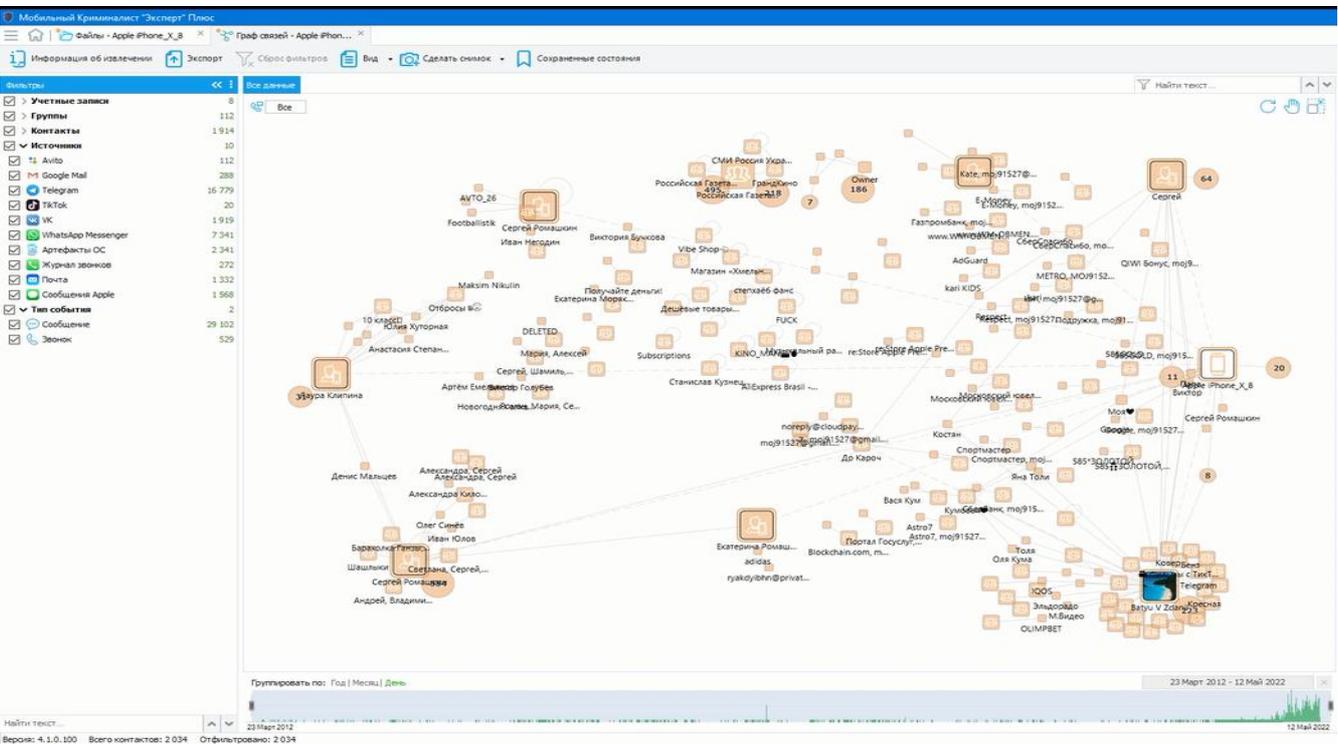

Рис. 4. Установление графов взаимосвязей с использованием алгоритма искусственного интеллекта программного обеспечения «Мобильный криминалист»

Рассматриваемая тактика будет эффективна для производства всех видов следственных действий, в ходе которых предполагается изъятие и осмотр любых видов мобильных телефонов, как смартфонов, так и фичерфонов. Таким образом, использование алгоритмов искусственного интеллекта уже сегодня позволяет эффективно обнаруживать, изымать и фиксировать цифровые доказательства, что является особенно актуальным для расследования IT-преступлений.

Перспективность технологии искусственного интеллекта и цифровых доказательств в расследовании видится нам в необходимости законодательной регламентации рассматриваемых понятий. В связи с этим предлагаем внести следующие изменения в нормативные правовые акты:

— в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ¹:

статью 2 дополнить пунктом: «4.1) искусственный интеллект — комплекс технологических решений, включающий информационно-коммуникационную инфраструктуру и программное обеспечение, воспроизводящий когнитивные возможности мозга

человека для решения конкретных задач по обработке большого массива данных и поиска оптимальных решений согласно заданному алгоритму;»;

— в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации:

статью 5 дополнить пунктом: «58.1) цифровые доказательства — любые сведения в электронном виде, устанавливающие наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, зафиксированные на носителях электронной информации либо хранящиеся или передаваемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий;»;

часть 2 статьи 74 дополнить пунктом: «4.1) цифровые доказательства;».

Вместе с тем перспективно и дальнейшее исследование проблем применения сквозных IT-технологий, привлечения специалистов в сфере IT-технологий к проведению следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий, а также в разработке частной криминалистической методики в целях эффективного расследования преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Климова Яна Александровна,

доцент кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
aya3008@yandex.ru

Klimova Yana Aleksandrovna,

associate professor
at the criminology department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
aya3008@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 09.01.2023; одобрена после рецензирования 23.01.2023; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 09.01.2023; approved after reviewing 23.01.2023; accepted for publication 31.01.2023.

* * *

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 343.985.7:343.7
doi: 10.25724/VAMVD.A080

**ПОДЛОЖНЫЙ ДОКУМЕНТ КАК СЛЕД В СТРУКТУРЕ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ
МОШЕННИЧЕСТВА**

Петр Михайлович Кошманов**, *Анна Владимировна Досова,
*Леонид Иванович Греков****, *Дарья Андреевна Глухова*******

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

* koshm77@mail.ru

** a_nado@bk.ru

*** leonid.grekov@list.ru

**** ya.kulikova212@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе анализа мнения авторитетных криминалистов делается вывод о функциональном предназначении криминалистической характеристики мошенничества как системы сведений, основанной на базе эмпирического материала, в которой отражены типичные криминалистически значимые признаки подготовки, совершения и сокрытия данной категории преступлений.

Доказывается, что структура криминалистической характеристики мошенничества по форме не должна коренным образом отличаться от криминалистической характеристики общеуголовных преступлений.

Обосновывается необходимость рассматривать подложный документ, использованный для совершения мошенничества, как материальный след рассматриваемой категории преступлений. На базе эмпирического материала делается вывод о том, что гносеологическая сущность понятия следа мошенничества, совершенного путем использования документов на бумажной основе и магнитных носителях информации, одна и та же — это изменение реальной среды, связанное с преступлением. Авторы приходят к выводу о необходимости производства экспертных исследований, которые будут направлены на выявление следов преступлений.

Ключевые слова: мошенничество, подложные документы, криминалистическая характеристика, следы преступления

Для цитирования: Кошманов П. М., Досова А. В., Греков Л. И., Глухова Д. А. Подложный документ как след в структуре криминалистической характеристики мошенничества // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 1 (64). С. 88—93. doi: 10.25724/VAMVD.A080

**FORGED DOCUMENT AS A TRACE IN THE STRUCTURE
OF THE FORENSIC CHARACTERISTICS OF FRAUD**

Petr Mikhailovich Koshmanov**, *Anna Vladimirovna Dosova, *Leonid Ivanovich Grekov****, *Darya Andreevna Glukhova*******

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia

* koshm77@mail.ru

** a_nado@bk.ru

*** leonid.grekov@list.ru

**** ya.kulikova212@yandex.ru

Abstract. Based on the analysis of the opinions of well-known criminologists, concludes about the functional purpose of the forensic characteristics of fraud as a system of information based on empiric material, which reflects typical forensically significant signs of preparation, commission and concealment of this category of crimes.

It is proved that the structure of the forensic characteristics of fraud in its form should not radically differ from the forensic characteristics of ordinary crimes. The need to consider a forged document used to commit fraud as a material trace of the category of crimes under consideration is substantiated. On the basis of empiric material, it is concluded that the epistemological essence of the concept of a trace of fraud committed by using paper documents and documents on magnetic media is the same — it is a change in the real environment associated with a crime.

Keywords: fraud, forged documents, forensic characteristics, traces of a crime

For citation: Koshmanov P. M., Dosova A. V., Grekov L. I., Glukhova D. A. Forged document as a trace in the structure of the forensic characteristics of fraud. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 88—93, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A080

Мошенничество и технологии его совершения весьма разнообразны, тем не менее они имеют общие типичные особенности, а вместе с тем и общие признаки. В частности, использование подложных документов является одной из форм, облегчающих осуществление обмана — основополагающего способа совершения мошенничества.

При раскрытии и расследовании обстоятельств совершения мошенничества, особенно на первоначальном этапе этого процесса, когда у следователя или дознавателя наблюдается острый дефицит информации о происшедшем событии, важное значение приобретают обобщенные сведения о наиболее типичных признаках ранее совершенных преступлений этой категории, содержащиеся в соответствующей криминалистической характеристике.

Следует заметить, что у криминалистов нет единого мнения о сущности понятия и функциональном предназначении криминалистической характеристики преступлений. Однако преобладает точка зрения, согласно которой эта криминалистическая категория представляет собой систему криминалистически значимых сведений описательно-статистического характера, связанных тем или иным образом с признаками вида, разновидностей и групп преступлений и позволяющих разработать на этой основе общие и частные методические рекомендации по раскрытию и расследованию соответствующей преступной деятельности [1, с. 44]. Но на этом, пожалуй, единство в понимании понятия криминалистической характеристики преступлений и заканчивается — справедливо констатирует А. В. Шмонин [2].

Признавая, что криминалистическая характеристика представляет собой информационный ресурс о преступлениях конкретных видов, ученые и практики существенно расходятся в вопросе относительно элементного состава этой криминалистической категории. Причем авторские интерпретации последней, по мнению Р. С. Белкина, часто

перегружены ненужными и несвойственными для нее элементами [3, с. 56—58].

Сравнение имеющихся определений понятия криминалистической характеристики свидетельствует о практически единодушном мнении ведущих отечественных криминалистов о том, что ее содержание должно быть ориентировано на элементы предмета доказывания, характерные для расследования конкретной категории преступлений. Иными словами, «перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, соответствующим образом интерпретированных применительно к особенностям конкретного вида преступлений, должен составлять ядро криминалистической характеристики» [4, с. 34].

Поскольку криминалистика изучает преступление с позиции оставляемых им (преступлением) следов, представляется правомерным суждение тех авторов, которые полагают, что разнообразие видов преступлений обуславливает особенности протекания преступного события, а следовательно, и особенности локализации следов, их различия и специфичность отражения в материальном окружении. Соответственно, перечень элементов и их содержание будут отличаться, причем иногда существенно.

Таким образом, совокупность вышеназванных элементов, по убедительному мнению многих криминалистов, не может рассматриваться в качестве единой и неизменной системы для всех видов преступлений, и поэтому применительно к отдельным видам преступлений она может варьировать — сокращаться или расширяться [5, с. 42].

Учитывая общепринятые представления об элементах криминалистической характеристики любого вида преступлений, содержание изученных нами работ по проблемам борьбы с мошенничеством, а также результаты проведенного исследования следственной и экспертной практики, мы пришли к выводу, что криминалистическую характеристику мошенничества, как и общеуголовных преступлений, следует рассматривать как

систему сведений, основанную на базе эмпирического материала, в которой отражены типичные криминалистически значимые признаки подготовки, совершения и сокрытия данной категории преступлений, позволяющие выдвигать методологически обоснованные версии о совершенном конкретном деянии и разрабатывать оптимальные пути его расследования.

Поэтому полагаем, что структура криминалистической характеристики мошенничества по форме не должна коренным образом отличаться от криминалистической характеристики общеуголовных преступлений, т. е. в ее состав должны входить следующие основополагающие сведения:

- о предмете преступного посягательства;
- об обстановке совершения мошенничества;
- о механизме преступной деятельности субъекта мошенничества;
- о типичных следах;
- о личности преступника.

В то же время считаем, что в структуру криминалистической характеристики мошенничества целесообразно включать иногда и другие элементы, имеющие значение для раскрытия этой категории преступлений. Основанием для включения в структуру криминалистической характеристики того или иного элемента может служить наличие корреляционной взаимосвязи между ним и другими элементами, выявление которой способно положительно повлиять на эффективность расследования в целом.

По нашему убеждению, сведения о следах совершения мошенничества в структуре криминалистической характеристики занимают центральное место, так как в них находит свое отражение функциональный аспект преступной деятельности субъекта деяния. В. Я. Колдин отмечает: «Следы преступления в широком смысле есть разнообразные изменения в обстановке в результате преступления и образуют ту информацию, которая может быть использована для установления объектов, связанных с расследуемым событием. В качестве таких следов могут использоваться отображения в сознании людей, материальные следы человека, отдельных предметов, следы животных, следы веществ, технологических процессов» [6, с. 131].

В отношении понятия «материальные следы» заслуживает особого внимания точка зрения известного криминалиста Д. А. Турчина, который под материальными следами понимает «отраженную в материальной обстановке уголовно-релятивную информацию об изменениях, произошедших в результате совершения преступления, и выраженную в сиг-

нально-знаковых образованиях, представляющих собой отдельные предметы, их отношения, свойства и материальные отображения, а также наличие или отсутствие структурных связей между ними» [7, с. 86].

Криминалисты справедливо отмечают, что преступник достигает своей цели через вещь, посредством или при участии вещи [8, с. 71]. В связи с этим отдельная вещь или группа вещей захватывается механизмом совершенного преступления в качестве: а) объекта посягательства (объект преступления); б) средства достижения цели (орудие); в) нейтрального объекта в механизме преступления, сопутствующего ему (одежда, личные принадлежности преступника). Сам факт нахождения вещи на месте преступления будет сигнализировать об изменении обстановки. В этом случае вещь характеризуется знаковостью, т. е. представляет собой разновидность материального следа события [8, с. 170]. И если подложный документ использовался для совершения мошенничества — одной из форм хищения чужого имущества, то с этой точки зрения данный объект выглядит как типичный материальный след рассматриваемой категории преступлений.

Анализируя особенности расследования преступлений против собственности, основу которых составляет хищение, С. П. Голубятников писал: «Любое хищение находит обязательное отражение в данных отчета и отчетности. Однако форма такого отражения — следы преступлений... достаточно специфична» [9, с. 78]. В основе своей это информация, нашедшая свое отражение в бумажных или электронных носителях в виде учетно-отчетных, распорядительных, правоустанавливающих, правоудостоверяющих и других документах.

Вышесказанное позволяет рассматривать материальные следы мошенничества, сопряженного с использованием подложных документов, как изменения в материальной среде, произошедшие в результате совершения такого рода события и выражающиеся, прежде всего, в виде следов подлога. Разумеется, материальные следы преступлений, связанных с изготовлением подложных документов на бумажной основе, имеют свою специфику и находят свое воплощение в применении нерегламентированных способов нанесения реквизитов или внесении частичных изменений в содержание подлинных документов (технологические следы), применении нерегламентированных материалов (субстанционные следы); отсутствии необходимых реквизитов либо несоответствии их размеров и места расположения

установленным требованиям (несоответствие формы поддельного документа образцу подлинного); отображении индивидуальных особенностей исполнителя документа (например, следы, отражающие особенности его почерка, образовательный и профессиональный уровень); несоответствии действительности временного периода исполнения документа в целом или его отдельных реквизитов; наличии в исследуемом документе остатков штрихов первоначального текста, измененного путем подчистки, частиц химических веществ, использованных для обесцвечивания штрихов, и главное, несоответствии действительности содержащихся в документах сведений [10, с. 16].

Отметим, что вышеперечисленные следы подлога отражают, по существу, преступные действия на стадии подготовки к мошенничеству. Следы же хищения, осуществляемого путем совершения непосредственно мошеннических действий, находят свое отражение, например, в правоустанавливающих документах на чужую квартиру или в получении незаконных денежных средств по линии социальной поддержки, оформляемых на базе подложных документов, и т. п.

Именно такого рода следы в виде незаконно полученных денежных средств, перечисленных из бюджета Амурской области главе фермерского хозяйства гр. А. в порядке компенсации ущерба, нанесенного его хозяйству паводком, были установлены в ходе расследования уголовного дела, возбужденного 30 октября 2020 г. СУ УМВД по Амурской области по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации. Следствием было установлено, что основанием для получения указанных выплат в сумме свыше 66 млн руб. послужили оформленные гр. А. документы с заведомо ложными (завышенными) сведениями о площади погибших посевов сельскохозяйственных культур¹.

Известно, что доля документов на бумажных носителях, находящихся сегодня в официальном документообороте и изготовленных путем применения компьютерных технологий, превышает 90 %. Такие же технологии используются и преступниками при изготовлении ими поддельных документов. В этом случае поддельный документ на машинном магнитном носителе информации несет в себе данные о способе подделки, использовавшихся программных средствах, времени и месте изготовления поддельного документа [11, с. 64].

Следы преступлений, совершенных с использованием средств компьютерной техники, весьма специфичны. Прежде всего они остаются на машинных носителях информации и отражают изменения в хранящейся в них информации (по сравнению с исходным состоянием). Речь идет о следах модификации информации (баз данных, программ, текстовых файлов, файлов-отчетов и протоколов работы, системного реестра, учетных записей пользователей сети Интернет и др.), находящейся на жестких дисках ЭВМ, лазерных и магнитооптических дисках, флеш-картах и пр. Кроме того, магнитные носители могут нести следы информационного обмена между участниками преступной группы.

Указанное свойство детерминирует материальную природу компьютерно-технических следов как результат преобразования компьютерной информации в форме уничтожения, копирования, блокирования или модификации, причинно связанного с событием преступления². Мошенничество, сопряженное с использованием документов на магнитных машинных носителях информации, характеризуется особой латентностью, поскольку материальные следы, как изменения в окружающей среде, вызванные этим событием, непосредственному восприятию не поддаются. Поэтому без производства судебных экспертиз практически невозможно установить соответствующие элементы объективной стороны такой категории преступлений. Впоследствии становится крайне необходимым производство экспертных исследований, направленных на выявление этих следов, расшифровку информации, носителями которой они являются.

Именно такого рода экспертиза была назначена и проведена при установлении отдельных обстоятельств хищения денежных средств в сумме 600 000 руб. с банковского счета ПАО «Сбербанк России», принадлежащего жителю г. Волгограда гр. В. И. Поленову³.

Объектами исследования служили сотовые телефоны, изъятые при обыске по месту жительства одного из подозреваемых в г. Казани. Эксперту необходимо было установить, имеются ли в памяти представленных на экспертизу сотовых телефонов сведения о переписке и просмотрах страниц в сети Интернет, о входящих / исходящих вызовах, СМС-переписке? Каково содержание этих сведений? Используя программно-аппаратный

¹ Заключение эксперта № 2 от 11 мая 2021 г. // Архив ЭКЦ УВД России по Амурской области.

² Заключение эксперта № 524 от 3 марта 2021 г. // Архив ЭКЦ ГУВД России по Волгоградской области. С. 79.

³ Там же.

комплекс UFED 4PC для исследования мобильных телефонов, а также специализированное программное обеспечение «Мобильный криминалист» версии «Эксперт», эксперту удалось получить ценную информацию, имеющую уголовно-правовое значение.

Анализ вышесказанного позволяет сделать вывод о том, что гносеологическая сущность понятия следа мошенничества, совершенного путем использования документов на бумажной основе и магнитных носителях информации, одна и та же — изменение реальной среды, связанное с преступлением. Сами документы при этом надлежит рассматривать как следы указанной категории преступлений, являющиеся носителями криминали-

стически значимой информации о преступной деятельности субъекта мошенничества, направленной на подготовку и осуществление преступления, сокрытие его последствий, а также о свойствах личности субъекта. Таким образом, в структуру криминалистической характеристики мошенничества, учитываемой при разработке методических рекомендаций по раскрытию и расследованию соответствующей преступной деятельности, должны непременно входить обобщенные сведения о видах документов, применяемых при совершении той или иной разновидности мошенничества, а также о технологиях их изготовления и процессе использования.

1. Яблоков Н. П. Расследование организованной преступной деятельности: практ. пособие. Москва: Юрист, 2002. 172 с.

2. Шмонин А. В. Методика расследования преступлений: учеб. пособие. Москва: Юстицинформ, 2006. 464 с.

3. Белкин Р. С., Быховский И. Е., Дулов А. В. Модное увлечение или новое слово в науке? (Еще раз о криминалистической характеристике преступления) // Социалистическая законность. 1987. № 9. С. 56—59.

4. Щерба С. П., Приданов С. А. Уголовно-правовая охрана предметов и документов, имеющих историческую, научную или культурную ценность: практич. пособие / под общ. ред. С. П. Щербы. Москва: ЮрИнфоР, 2000. 221 с.

5. Мартынов С. Н. Криминалистическая характеристика преступлений: проблемы структурированности // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2014. Т. 14, № 2. С. 39—45.

6. Колдин В. Я. Задачи, объекты и этапы судебной идентификации // Правоведение. 1967. № 3. С. 129—133.

7. Турчин Д. А. Теоретические основы учения о следах в криминалистике. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1983. 187 с.

8. Бразоль Б. Л. Очерки по следственной части. История. Практика. Петроград: Гос. тип., 1916. 215 с.

9. Голубятников С. П. Анализ хозяйственной деятельности при расследовании хищений социалистической собственности // Ленинский принцип неотвратимости наказания и задачи советской криминалистики: материалы науч. конф. (Свердловск, сентябрь 1970 г.). Свердловск: Изд-во Свердлов. юрид. ин-та, 1972. С. 77—82.

1. Yablokov N. P. Organized crime investigation. Practical guide. Moscow: Lawyer; 2002: 172. (In Russ.).

2. Shmonin A. V. Crime investigation methodology. Textbook. Moscow: Yustitsinform; 2006: 464. (In Russ.).

3. Belkin R. S., Bykhovsky I. E., Dulov A. V. Fashionable hobby or a new word in science? (Once again about the forensic characterization of the case). Socialist legality, 56—59, 1987. (In Russ.).

4. Shcherba S. P., Pridanov S. A. Criminal legal protection of objects and documents, outstanding historical, scientific or cultural infection. Practical allowance. General ed. by S. P. Shcherba. Moscow: JurInfoR; 2000: 221. (In Russ.).

5. Martynov S. N. Forensic characteristics of crimes: problems of structuring. Bulletin of SUSU. Series "Law", 39—45, 2014. (In Russ.).

6. Koldin V. Ya. Tasks, objects and stages of judicial identification. Jurisprudence, 129—133, 1967. (In Russ.).

7. Turchin D. A. Theoretical foundations of the doctrine of traces in criminalistics. Vladivostok: Publishing house of Far Eastern University, 1983: 187. (In Russ.).

8. Brazol B. L. Essays on the investigative part. History. Practice. Petrograd: State printing house; 1916: 215. (In Russ.).

9. Golubyatnikov S. P. Analysis of economic activity in the investigation of theft of socialist property. In: Lenin's principle of the inevitability of punishment and the tasks of Soviet criminalistics. Materials of the scientific conference, September 1970, Sverdlovsk, Russia. Sverdlovsk: Publishing house of Sverdlovsk juridical institute; 1972: 77—82. (In Russ.).

10. Задоров А. Г. Технико-криминалистическое обеспечение установления обстоятельств изготовления подложных официальных документов (теоретические и прикладные аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2018. 26 с.

11. Яковлев А. Н. Теоретические и методические основы экспертного исследования документов на машинных магнитных носителях информации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 436 с.

Кошманов Петр Михайлович,

начальник учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент; koshm77@mail.ru

Досова Анна Владимировна,

начальник кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук; a_nado@bk.ru

Греков Леонид Иванович,

профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат химических наук, доцент; leonid.grekov@list.ru

Глухова Дарья Андреевна,

преподаватель кафедры исследования документов учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России; ya.kulikova212@yandex.ru

10. Zadorov A. G. Technical and forensic support for establishing the circumstances of the production of forged official documents (theoretical and applied aspects). Abstract of the dissertation of the candidate of juridical sciences. Volgograd; 2018: 26. (In Russ.).

11. Yakovlev A. N. Theoretical and methodological foundations of the expert study of documents on machine magnetic media. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Saratov; 2000: 436. (In Russ.).

Koshmanov Petr Mikhailovich,

head of the educational and scientific complex of forensic activities of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences, docent; koshm77@mail.ru

Dosova Anna Vladimirovna,

head of the department of fundamentals of forensic activities of the educational and scientific complex of forensic activities of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences; a_nado@bk.ru

Grekov Leonid Ivanovich,

professor at the department of forensic technology of the educational and scientific complex of forensic activities of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of chemical sciences, docent; leonid.grekov@list.ru

Glukhova Darya Andreevna,

lecturer at the department of document research of the educational and scientific complex of forensic activities of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; ya.kulikova212@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 13.01.2023; одобрена после рецензирования 25.01.2023; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 13.01.2023; approved after reviewing 25.01.2023; accepted for publication 31.01.2023.

* * *

УДК 343.985.7:343.34
doi: 10.25724/VAMVD.A081

**СОВРЕМЕННЫЕ СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИТ-ТЕХНОЛОГИЙ
И ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ**

Ольга Александровна Решняк

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия
pushistiklis@mail.ru

Аннотация. Одной из основных причин совершения многих преступлений является корыстный умысел. Желание легкой и быстрой наживы приводит к тому, что предметом преступления, как правило, становятся денежные средства, которые похищаются злоумышленниками у граждан различными способами. В статье рассматриваются наиболее распространенные виды корыстных преступлений, которые совершаются в современных реалиях. Ввиду бурного развития информационно-телекоммуникационных технологий способы совершения данных преступлений вышли на новый уровень. В качестве средств совершения преступления злоумышленники используют технические устройства, дающие возможность выхода в информационное пространство. С учетом современных тенденций приводятся статистические данные, подтверждающие актуальность рассматриваемой темы. Подвергаются анализу существующие виды преступлений и способы их совершения в зависимости от современных возможностей. Представлены примеры из следственной практики. Кроме того, анализируются проблемы, с которыми приходится сталкиваться следственным органам при расследовании указанных преступлений, и предлагаются перспективные меры, направленные на повышение эффективности расследования.

Ключевые слова: ИТ-технологии, мошенничества, расследование преступлений, цифровая трансформация, информационно-телекоммуникационное пространство

Для цитирования: Решняк О. А. Современные способы совершения преступлений с использованием ИТ-технологий проблемы расследования // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 1 (64). С. 94—100. doi: 10.25724/VAMVD.A081

**MODERN WAYS OF COMMITTING CRIMES
WITH THE USE OF IT-TECHNOLOGIES
AND PROBLEMS OF INVESTIGATION**

Olga Alexandrovna Reshnyak

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia
pushistiklis@mail.ru

Abstract. One of the main reasons for committing many crimes is selfish intent. The desire for easy and quick "profit" leads to the fact that the subject of a crime, as a rule, is money, which is stolen from citizens by attackers in various ways. The article deals with the most common types of acquisitive crimes that are committed in modern realities. Due to the rapid development of information and telecommunication technologies, the methods of committing these crimes have reached a new level. As a means of committing a crime, malefactors use technical devices that enable them to enter the information space. Given current trends, statistical data are provided confirming the relevance of the topic under consideration. The existing types of crimes and methods of their commission, depending on modern capabilities are analysed. Examples are given from investigative practice. In addition, the problems that the investigating authorities have to face when investigating these crimes are analyzed and promising measures are proposed to improve the effectiveness of the investigation.

Keywords: IT-technologies, fraud, crime investigation, digital transformation, information and telecommunications space

For citation: Reshnyak O. A. Modern ways of committing crimes with the use of IT-technologies and problems of investigation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 94—100, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A081

Современные реалии заставляют абсолютно все слои общества подстраиваться под новые вызовы, которые диктуют нам обстоятельства XXI в. Мир в данный момент переживает период необратимой трансформации в цифровую форму. Все большие обороты набирает цифровизация различных сфер жизнедеятельности. Переход на полную автоматизацию различных производств, использование технологий дополненной реальности, основанных на больших данных, Интернете вещей и многом другом, ведущих к снижению роли человека, дает возможность осуществлять преступную деятельность недобросовестным лицам, ведущим антиобщественный образ жизни.

Из отчета главы МВД России о состоянии преступности за восемь месяцев 2022 г. следует, что число зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, существенно снизилось — на 6,9 %. Такое снижение наблюдалось с февраля текущего года¹. По оценкам экспертов, киберпреступления носят волновой характер и имеют временные колебания. Причинами снижения, как отмечает коммерческий директор компании «Код безопасности» Федор Дбар, могут являться мероприятия, связанные с проведением специальной военной операции на территории Украины. Частичные разрушения инфраструктуры сделали невозможной работу мошенников в киберпространстве, что способствовало снижению их активности². Кроме того, профилактические мероприятия, проводимые правоохранительными органами во всех средствах массовой информации, по информированию населения о действиях кибермошенников в Интернет-пространстве, о том, как себя вести, чтобы не быть обманутым мошенниками, в целом, возможно, дали положительный результат, ведущий к снижению количества мошеннических действий.

Если же рассматривать помесячную динамику киберпреступности, то она менее радужная. Так, в январе 2022 г. наблюдалось максимальное сниже-

ние количества кибермошенничеств: всего их было зарегистрировано 38,7 тыс. В феврале фиксируется существенный всплеск преступности данного вида (на +6 %) — 41 тыс. В марте было зафиксировано максимальное количество преступлений рассматриваемой категории — 44,5 тыс.³ В апреле их динамика пошла на спад и остановилась на отметке в 40 тыс. Далее наблюдался волнообразный период с незначительным приростом и откатами. Согласно статистическим данным Генеральной прокуратуры, в Российской Федерации каждое четвертое преступление совершается с использованием IT-технологий, при этом сюда входят как звонки под видом сотрудников банка гражданам, так и DDOS-атаки, совершаемые на порталы учреждений⁴.

Рассматривая способы совершения преступлений, совершаемых с использованием IT-технологий, стоит отметить, что виды данных преступлений могут быть самые разные: это и тайное хищение чужого имущества (кардинг), и хищение путем обмана (фишинг, вишинг), и распространение недостоверной информации (клевета, распространение материалов порнографического характера), и призывы к совершению террористических актов, и незаконный оборот наркотиков, оружия, и доведение до самоубийства («Синий кит», «Тихий дом», «Млечный путь»), и кибербуллинг, и вредоносное вмешательство в работу различных систем и многое другое.

Одной из актуальных проблем борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием IT-технологий, являются постоянно меняющиеся способы их совершения. На смену устаревшим и всем известным способам приходят новые, более изощренные, что непосредственным образом оказывает влияние на процесс их расследования. От способа совершения преступления зависит выбор средств его совершения, где и какие следы надлежит искать и в каком виде они могут быть образованы, а также личность преступника. Зная способ, следователь может построить его криминалистическую

¹ Из-за чего снижается уровень киберпреступности // Новые ведомости. 2022. URL: <https://nvdaily.ru/info/261870.html> (дата обращения: 09.09.2022).

² Там же.

³ Генеральная прокуратура: офиц. сайт. URL: <http://crime-stat.ru/analytics/> (дата обращения: 10.09.2022).

⁴ Там же.

модель, выдвинуть версии и составить план расследования.

Основной причиной совершения большинства преступлений является корыстный умысел. Цель преступников — легкая добыча денежных средств при минимальных трудозатратах и вложениях. В связи с этим более подробно разберем современные способы совершения преступлений, связанных с хищением денежных средств со счетов граждан, которые в настоящее время используются преступниками.

Согласно сведениям, сообщенным в Group-IB, появился новый сценарий обмана клиентов банков. Мошенники применяют новую уловку с верификацией номеров. Человеку поступает звонок якобы от службы безопасности банка. «Специалист» предлагает верифицировать телефонный номер в связи с тем, что злоумышленники обзывают граждан, в том числе используя подменные номера. Такую схему, по словам руководителя отдела исследования цифровых рисков Group-IB, апробируют мошенники в настоящее время. Если абонент согласен с предложением о верификации, его переключают на «бота», который просит ввести номер телефона, а потом отправленный в СМС-сообщении код. После этого происходит списание денежных средств со счетов клиента. В случае отказа несговорчивому клиенту поступают звонки с других подменных номеров с вопросом, почему он прекратил общение с сотрудником службы безопасности, или пишут в Telegram, используя в качестве «аватарки» логотип банка.

Как уточняет компания в сфере кибербезопасности, такая атака с использованием символики кредитных организаций в популярном мессенджере тоже является новинкой на «рынке мошенников»¹.

Еще одним способом социальной инженерии стали звонки якобы от службы безопасности банка, в которых абонентам сообщается о том, что с их личного кабинета несколько минут назад была подана заявка на оформление кредита; если клиент подавал такую заявку, ему предлагают это подтвердить через личный кабинет и совершить ряд манипуляций, после чего на клиента действительно оформляется кредит на максимально возможную сумму и денежные средства переводятся на сторонние счета. Если клиент отрицает подачу указанной заявки, то ему поясняют, что необходимо

обезопасить свой личный кабинет от несанкционированных доступов злоумышленников и оформить ряд документов (также онлайн, через личный кабинет). Если клиент соглашается, то в результате действий мошенников оказывается, что человек, сам того не понимая, оформил кредит и перевел его на сторонний счет.

Так, в октябре 2022 г. жительница г. Когалыма в Ханты-Мансийском автономном округе поверила аферистам, оформила несколько кредитов на сумму больше 1 500 000 рублей, и перечислила их на счет, указанный злоумышленниками. Мошенники не остановились и убедили женщину, что все ее сбережения также находятся под угрозой. В итоге северянка перевела аферистам почти 1 800 000 рублей личных сбережений на «безопасный» счет. Всего от действий аферистов женщина потеряла больше 3 000 000 рублей².

В качестве современного способа обмана граждан мошенники стали использовать фиктивные компенсации. Вопрос выплат всегда является актуальным, поэтому преступники от имени государственных органов предлагают оформить денежные компенсации. Мошенники создают сайты с использованием официальной символики государственных органов с обещанием выплаты крупной компенсации или оказанием помощи в получении социальных выплат. Гражданин заходит на сайт и заполняет форму для регистрации в системе. Для получения денежных выплат предлагается самостоятельно произвести оплату услуг специалиста, как бы помогающего в оформлении документов. Кроме того, обещается оперативное решение всех вопросов: стоит только оплатить — и вскоре гражданином будут получены все причитающиеся ему деньги. На самом деле гражданин лишится своих денег, но никакая помощь ему оказана не будет.

Следующий способ мошенничества — инвестиционные вложения. Мошенники создают имитацию блокчейн-платформы с бизнес-информацией о крупной криптовалютной бирже и размещают рекламу со ссылкой на данный сайт в различных социальных сетях (Instagram³, VK, TikTok, Telegram и др.). Азартные граждане, желающие быстро и значительно увеличить свои доходы без особых трудозатрат, переходят по данной ссылке, где

¹ Мошенники применяют новую уловку с верификацией номеров // Новости России и мира, последние события на сегодня: офиц. сайт. 2022. URL: <https://news.mail.ru/society/51667619/?frommail=1> (дата обращения: 09.06.2022).

² Жительница Когалыма отдала мошенникам все свои сбережения и взяла для них кредит // Комсомольская правда. 2022. URL: <https://www.ugra.kp.ru/online/news/4979976/> (дата обращения: 09.06.2022).

³ Здесь и далее — признанная экстремистской и запрещенная в Российской Федерации социальная сеть.

программа предлагает пройти регистрацию. Для этого необходимо внести определенную денежную сумму. Затем с потенциальной жертвой по указанному при регистрации номеру телефона связывается «представитель биржи» и сообщает, что он является инвестиционным аналитиком и будет оказывать помощь в проведении сделок. Он также поясняет, что если инвестор хочет сразу получить большой доход, то желательно осуществить вклад на крупную сумму. Далее для торгов на «бирже» необходимо купить акции или облигации какой-либо крупной компании (Лукойл, ВТБ, Тинькофф, Газпром, Сбербанк России и др.). Лжеинвестиционный аналитик, используя «профессиональные» термины, рассказывает о специальных предложениях, предусмотренных «исключительно» для новых клиентов. Заманчивым предложением здесь является выплата больших процентов от вклада. На самом деле вывести деньги с платформы впоследствии невозможно.

Яркими примерами таких мошенничеств явились случаи в Республике Марий Эл, где граждане перечислили мошенникам около двух миллионов рублей. Так, 60-летний житель Йошкар-Олы решил увеличить свои доходы с помощью акций одной из крупнейших российских компаний. Позвонившие ему лица предложили установить Skype, чтобы «опытный трейдер» мог руководить действиями новичка. Затем на номер его телефона мошенники отправили ссылку на сайт якобы крупной криптовалютной биржи для начала работы. Йошкаролинец не подозревал, что аферисты создали имитацию блокчейн-платформы, чтобы выманить средства у доверчивых «инвесторов», поэтому он согласился оформить кредит в полмиллиона рублей под залог своей автомашины «Тойота» и перечислил деньги на счет криптовалютной биржи, полагая, что вкладывает средства в торговлю криптовалютой. Под предлогом повышения доходности сделок аферисты предлагали вкладывать еще большие суммы. В результате обманутый инвестор понял, что попался на уловку мошенников. Причиненный ему ущерб составил 515 000 рублей.

По такой же схеме была обманута 64-летняя йошкаротинка, перечислившая злоумышленникам более 770 000 рублей. Рекламу дополнительного заработка пенсионерка увидела в социальной сети. Прошла по ссылке, оставила номер телефона. Дальнейшие события развивались по описанному выше сценарию.

Оглушительным фиаско окончились торги на мнимой бирже и для 80-летней волжанки. Пенсионерка поверила брокерам, обещавшим в разы

приумножить ее вложения. Бабушка отправила аферистам 540 000 рублей: эту сумму предоставил ей сын, чтобы престарелая мать выкупила свою долю в квартире. В итоге женщина осталась ни с чем — как и остальные жертвы псевдоинвестиционных проектов.

Драматично окончилась история 31-летней жительницы Медведево, которая перечисляла деньги мошенникам, несмотря на предостережения со стороны банка. Информацию о высоких доходах от инвестирования она увидела в сети Instagram. Женщина заполнила онлайн-анкету, и вскоре ей позвонила представительница компании. Клиентке предоставили логин и пароль для доступа к трейдинговому сайту, который по факту являлся поддельным. Для регистрации на инвестиционной платформе пришлось внести 30 000 рублей, которые жертва обмана взяла в кредит. Имея удаленный доступ к личному кабинету потерпевшей, злоумышленница убедил ее оформить еще один займ на 120 000 рублей, которые нужно было перечислить на карту мнимого трейдера. Подозрительную операцию заблокировали, и позвонившая клиентке работница банка пыталась убедить женщину, что та переводит деньги мошенникам. На протяжении трех дней жертва обмана игнорировала звонки от своего менеджера, но в итоге сдалась и поверила жуликам, выславшим ей «Договор инвестирования», гарантировавший получение и вывод денежных средств в качестве прибыли. Ушлые мошенники предоставили своей жертве дебетовую карту другого банка, с которой она перевела им более 100 000 рублей, после чего ее убедили оформить очередной кредит в размере 300 000 рублей. Но перечислить эти деньги потерпевшая не успела: на этот раз позвонивший ей банковский работник убедил женщину в том, что ее действиями руководят аферисты¹.

Кроме того, звонки могут осуществляться под видом финансовых консультантов банка. Мошенники предлагают оказать помощь в получении кредита на покупку машины или ипотеки на покупку квартиры, быстро, без бумажной волокиты, или исправить кредитную историю. Соответственно, за услуги необходимо заплатить определенную сумму. После оплаты никаких услуг не оказывается,

¹ Лохотрон под видом инвестиций: как 4 жителей Марий Эл перечислили мошенникам около 2 млн рублей // Марийская правда. Новости республики Марий Эл: офиц. сайт. 2022. URL: <https://www.marpravda.ru/news/assosiations/lokhotron-pod-vidom-investitsiy-kak-4-zhiteley-mariy-el-perechislili-moshennikam-okolo-2-mln-rubley/> (дата обращения: 09.06.2022).

и связаться по номеру телефона, с которого звонили, невозможно.

Следующим способом обмана является схема, в которой задействованы не только лжесотрудники банков, но и лжесотрудники правоохранительных органов (полиции, прокуратуры, следственного комитета, ФСБ и т. д.). Гражданину на мобильный телефон поступает звонок от «сотрудника» полиции, который поясняет, что работает в Главном управлении по экономической безопасности и противодействию коррупции. Он сообщает, что тот стал жертвой мошенников: «Центробанк» выявил компрометацию, например, более 120 000 клиентов банков, в том числе в отношении него. Якобы кто-то пытался снять с его основного счета в Центробанке деньги в сумме, например, 50 000 рублей. В ходе разговора лжесотрудник полиции выясняет информацию о том, каким банком пользуется гражданин, какая сумма денег у него имеется на карте. Если гражданин начинает сомневаться, что звонящий действительно является сотрудником полиции, тот просит будущую жертву зайти на официальный сайт МВД России, найти номер дежурной части ГУ по экономической безопасности и противодействию коррупции и сравнить входящий номер телефона с номером, указанным на официальном сайте (как правило, номера телефонов совпадают). Мошенники используют IP-телефонию, чтобы подставлять необходимые номера: ФСБ, прокуратуры, МВД, банков и т. д. Лжеполицейский сообщает о том, что необходимо осуществить защиту банковского счета гражданина и провести его «переактивацию», этим занимается служба безопасности Центробанка, после чего переводит звонок на псевдосотрудника Центробанка. Далее гражданину объясняют, что он должен подойти к ближайшему банкомату, снять все деньги с карты и положить на новый защищенный счет, при этом разговор по телефону все это время не прекращается, лжесотрудник Центробанка утверждает, что прерывать звонок нельзя, так как идет процесс «переактивации» счета, и у него открыта карточка клиента, пока линия активна, он сможет блокировать все мошеннические операции по счету¹.

Методы социальной инженерии остаются основным инструментом злоумышленников для хищения денег у граждан, о чем свидетельствуют представители Центробанка. Телефонное мошенничество при этом является одним из главных каналов

¹ Мошенники представляются сотрудниками полиции, Центробанка и ФСБ. URL: <https://journal.tinkoff.ru/hustle/fake-police-calls/> (дата обращения: 09.06.2022).

таких действий. По данным Банка России, им за пять месяцев этого года были инициированы блокировки 143,9 тыс. телефонных номеров, используемых злоумышленниками для кражи денег у граждан².

Новым способом мошенничества также стал обман пользователей через VPN-сервисы. В 2021 г. по инициативе Банка России были заблокированы 6 000 мошеннических сайтов. В 2022 г. регулятор начал ограничивать доступ к мошенническим страницам в соцсетях. Раньше преступники после блокировки своих ресурсов создавали новые сайты и раскручивали их. Сейчас они информируют пользователей, что сайт не загружается из-за технических трудностей, и рекомендуют им зайти с помощью VPN-сервисов (виртуальных частных сетей). В некоторых случаях мошенники просят жертву скачать конкретное приложение, устанавливающее VPN-соединение. В данных VPN могут быть встроены многие сервисы, выполняющие дополнительные функции. Например, они могут перехватывать контроль над устройством пользователя или банковскими приложениями и таким образом похищать платежные данные. Технология VPN позволяет получить доступ к сайтам, заблокированным на территории России, при этом не важно, по каким причинам был ограничен доступ к ресурсу. Помимо соцсетей, признанных экстремистскими организациями, и некоторых зарубежных СМИ, VPN-сервисы открывают доступ и к ресурсам мошенников³.

Главной проблемой для лиц, расследующих мошенничества указанных видов, является остающееся после совершения таких преступлений минимальное количество криминалистически значимой информации: преступники тщательно маскируют свою преступную деятельность. Они имеют современное техническое оснащение и соответствующие знания в области информационно-телекоммуникационных технологий. Используя различные средства шифрования, например приложения-«анонимайзеры», которые позволяют использовать любой вымышленный абонентский номер, они звонят будущим жертвам, не показывая таким образом свой реальный номер. У последних же, в свою очередь, на смартфоне высвечивается номер телефона

² Мошенники применяют новую уловку с верификацией номеров // Новости России и мира, последние события на сегодня: офиц. сайт. URL: ria.ru (дата обращения: 09.06.2022).

³ Что за способ обмана пользователей через VPN-сервисы придумали мошенники? // Аргументы и факты: офиц. сайт. 2022. URL: https://aif.ru/society/safety/chto_zha_sposob_obmana_polzovateley_cherez_vpn-servisy_pridumali_moshenniki (дата обращения: 09.06.2022).

банка. Кроме того, преступная деятельность осуществляется дистанционно, а поэтому лица, ее совершающие, могут находиться от своей жертвы на огромных расстояниях, в другом регионе или даже стране. В связи с этим у сотрудников правоохранительных органов возникают сложности с установлением точного места нахождения преступника.

Проблемы, связанные с идентификацией пользователей, управлением информационно-телекоммуникационной средой, в том числе предопределенные активным распространением средств сокрытия идентификационной информации пользователей сети Интернет, доминированием иностранных аппаратных и программных средств, элементной базы, нахождением IP-адресов, серверов и ресурсов вне юрисдикции Российской Федерации (например, серверы электронных почтовых ящиков @google.com, @yahoo.com, @aol.com находятся исключительно на территории Соединенных Штатов Америки), практически полностью исключают возможность получения сотрудниками отечественных правоохранительных органов криминалистически значимой информации [1].

В качестве решения обозначенных выше проблем при расследовании преступлений рассматриваемой категории мы предлагаем следующее:

1. Обеспечить взаимодействие следственных и оперативных подразделений МВД России с банками Российской Федерации в целях получения оперативной и полной информации о номерах счетов и данных владельцев. В настоящее время между правоохранительными органами и службами безопасности банков ведутся подобные работы, проводятся совместные конференции, круглые столы с приглашением представителей Сбербанка, Центробанка, где обсуждаются вопросы противодействия данным преступлениям. Но при этом не со всеми банками в настоящее время налажены тесные взаимоотношения. Кроме того, в рамках оказания быстрой и эффективной помощи сотрудникам правоохранительных органов со стороны банков следовало бы организовать взаимообмен информацией в электронном формате, который сократит время на получение информации и способствует принятию дальнейших оперативных решений.

2. Организовать взаимодействие с операционными офисами компаний сотовой связи для получения информации о пользователе абонентского номера, с которого осуществлялся звонок жертве

мошенничества, и месте его нахождения. Вместе с тем в рамках решения данной проблемы следует обратить внимание на сроки предоставления сведений. Чтобы получить информацию о месте нахождения абонента, необходимо судебное решение; для этого требуется официальный ответ из компании сотовой связи о данных абонента, предоставляемый в течение десяти суток. В результате таких действий сотрудниками правоохранительных органов тратится много времени, которое дает возможность преступникам уничтожить следы преступления и поменять местоположение. Для решения указанной проблемы считаем целесообразным внести изменения в ст. 63 Федерального закона «О связи» и дополнить ее пунктом, закрепляющим возможность получения сотрудниками правоохранительных органов в рамках проведения ОРМ сведений о местонахождении конкретного абонента без решения суда.

Кроме того, следовало бы наладить электронный обмен информацией между правоохранительными органами и компаниями сотовой связи, как и в случае взаимодействия с банками, для того, чтобы сократить время предоставления информации.

3. Создать единые базы данных обработки инцидентов «Дистанционное мошенничество», накапливающие информацию об уже совершенных преступлениях. В них будут поступать сведения как из банков, так и из компаний сотовой связи и правоохранительных органов с предоставлением доступа сотрудникам органов дознания и следствия для получения информации.

4. Создать фоноскопический учет лиц, совершающих указанные преступления.

5. Усовершенствовать частные криминалистические методики расследования указанной категории преступлений с учетом тенденций их совершения и актуальных наработок органов предварительного расследования.

6. Вносить представления в организации, затрудняющие или затягивающие получение значимой информации, привлекать общественность, средства массовой информации для предания огласке преступных деяний и получения хоть какой-то имеющей значение для дела информации.

Представляется, что предложенные меры будут способствовать повышению эффективности расследования преступлений рассматриваемой категории и повлекут положительные изменения в динамике преступности в России.

1. Давыдов В. О., Тишутина И. В. Об актуальных проблемах криминалистического обеспечения раскрытия и расследования мошенничеств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2 (14). С. 81—91.

Решняк Ольга Александровна,

доцент кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию в органах
внутренних дел,
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
pushistiklis@mail.ru

1. Davydov V. O., Tishutina I. V. On topical issues of forensic support for the disclosure and investigation of fraud committed using information and telecommunication technologies. Criminalistics: yesterday, today, tomorrow, 81—91, 2020. (In Russ.).

Reshnyak Olga Alexandrovna,

associate professor at the criminology department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation in law-enforcement
bodies of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
pushistiklis@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.12.2022; одобрена после рецензирования 26.12.2022; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 12.12.2022; approved after reviewing 26.12.2022; accepted for publication 31.01.2023.

* * *

УДК 343.102

doi: 10.25724/VAMVD.A082

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН
В РОЗЫСКЕ ЛИЦ, ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ МВД РОССИИ
ПО ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)****Александр Витальевич Артюхов*, Наталья Геннадьевна Корнаухова****

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

* alex.v.artuhov@yandex.ru

** nkornaukhova@mvd.ru

Аннотация. Среди задач, стоящих перед оперативными подразделениями органов внутренних дел Российской Федерации, к числу основных отнесена и такая, как розыск без вести пропавших лиц. Одним из резервов повышения эффективности этого особого направления оперативно-служебной деятельности является сотрудничество с общественными организациями и гражданами, оказывающими добровольное содействие полиции. В статье рассмотрены организационно-правовые аспекты взаимодействия сотрудников уголовного розыска с гражданами в ходе осуществления розыска лиц, пропавших без вести. Проанализированы статистические данные, раскрывающие число разыскиваемых (в том числе несовершеннолетних) лиц, как в целом в Южном федеральном округе, так и конкретно на территории Волгоградской области. Уделено внимание основным причинам исчезновения людей, проблемам осуществления розыска пропавших лиц, условиям, способствующим исчезновению лиц; определены основные направления деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в данной сфере. Рассмотрена проблема привлечения к розыскной и идентификационной деятельности различных волонтерских и иных общественных организаций, ее правовая основа. В статье приведены примеры и результаты работы волонтерского движения по розыску пропавших людей. Сделан акцент на деятельности поискового отряда «Лиза-Алерт», функционирующего в том числе на территории Волгоградской области.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, розыск, без вести пропавшее лицо, волонтеры, безвестное исчезновение, поисковые мероприятия, сотрудники уголовного розыска

Для цитирования: Артюхов А. В., Корнаухова Н. Г. Организационно-правовые основы участия граждан в розыске лиц, пропавших без вести (по материалам Главного управления МВД России по Волгоградской области) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 1 (64). С. 101—107. doi: 10.25724/VAMVD.A082

**ORGANIZATIONAL AND LEGAL BASIS
RELATED TO CITIZENS' PARTICIPATION
WHILE SEARCHING FOR MISSING PERSONS
(BASED ON THE MATERIALS OF THE MAIN DEPARTMENT
OF THE INTERIOR MINISTRY OF RUSSIA
IN THE VOLGOGRAD REGION)****Aleksandr Vitalyevich Artyukhov*, Natalya Gennadyevna Kornaukhova****

Vologograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia

* alex.v.artuhov@yandex.ru

** nkornaukhova@mvd.ru

Abstract. The main tasks of the operational units of the internal affairs agencies of the Russian Federation include the search for missing persons. One of the reserves for increasing the effectiveness of this special area of operational and service activities is cooperation with public organizations and citizens who help the police vo-

luntarily. The given article deals with organizational and legal aspects related to interaction of detectives with citizens while searching for missing persons. The authors analysed statistical data on the number of persons wanted (including minors), both in the Southern Federal District as a whole and specifically in the Volgograd region. Attention is given to the main causes of disappearances, the problems of searching for missing persons and the conditions conducive to the disappearance of persons; the main areas of activity of the internal affairs agencies of the Russian Federation in this area have been identified. The problem of involving various voluntary and other public organizations in the search and identification activities and its legal basis have been considered. The article gives examples and results of the volunteer movement to search for missing people. Emphasis is placed on the activities of the search party "LisaAlert", which also operates in the territory of the Volgograd region.

Keywords: detective activity, searching, a missing person, volunteers, obscure, searching measures, detectives

For citation: Artyukhov A. V., Kornaukhova N. G. Organizational and legal basis related to citizens' participation while searching for missing persons (based on the materials of the Main Department of the Interior Ministry of Russia in the Volgograd region). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 101—107, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A082

Одним из основных показателей состояния национальной безопасности России на сегодня является удовлетворенность граждан степенью защищенности, в частности, от преступных посягательств, своих личных и имущественных интересов, конституционных прав и свобод. Достичь этого невозможно без взаимной согласованной деятельности всех субъектов системы национальной безопасности, включающей в себя органы государственной власти и местного самоуправления, и тех методов и способов, которые осуществляются непосредственно ими. Подобным специализированным органом государственной власти, бесспорно, являются органы внутренних дел (далее — ОВД).

К числу основных субъектов, которые имеют право осуществлять оперативно-разыскную деятельность (далее — ОРД) в системе МВД России, относятся подразделения уголовного розыска, функционирующие на всех уровнях системы ОВД. В современных условиях деятельность сотрудников уголовного розыска должна представлять собой целостную систему организационных, профилактических и оперативно-разыскных мероприятий, направленных в первую очередь на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений.

Вместе с тем отметим, что положения Федерального закона Российской Федерации «Об оперативно-разыскной деятельности»¹, равно как и ведомственные нормативные правовые акты МВД России, к числу самостоятельных задач, решаемых сотрудниками уголовного розыска, относятся еще одну не менее значимую и весьма сложную работу — розыск скрывшихся преступников и лиц,

без вести пропавших, что также включает в себя идентификационную работу по установлению личности больных и детей, которые по состоянию здоровья или возрасту не могут сообщить сведения о себе, а также неопознанных трупов.

В настоящее время официальная статистика фиксирует в Российской Федерации в целом неблагоприятную ситуацию в сфере розыскной и идентификационной работы. По итогам 9 месяцев 2022 г. в Южном федеральном округе (далее — ЮФО) разыскивался 1 251 без вести пропавший человек, в Волгоградской области — 66, розыск прекращен в связи с установлением местонахождения лица, пропавшего без вести, в ЮФО — 415, в регионе — 54. К сожалению, из общего количества в ЮФО 8 человек стали жертвами преступления, в Волгоградской области — 1². В связи с этим не случайно ежегодно 30 августа отмечается Международный день пропавших без вести людей, а 25 мая учрежден Международный день памяти пропавших детей, созданный Европейской федерацией по розыску пропавших и оказавшихся жертвами сексуальной эксплуатации детей.

Подразделения уголовного розыска во взаимодействии с другими оперативными и неоперативными подразделениями органов внутренних дел и заинтересованных ведомств при пропажах несовершеннолетних детей должны учитывать огромный перечень причин, которые часто являются основаниями самовольного ухода, а именно: социально-демографические предпосылки, личностные особенности детей или школьная дезадаптация.

Причины исчезновения именно несовершеннолетних раскрываются в работах Е. А. Козловской и А. А. Закатова [1], которые не утратили своей

¹ Об оперативно-разыскной деятельности: федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.01.2023).

² Комплексный анализ оперативно-служебной деятельности ГУ МВД России по Волгоградской области за 2022 г. URL: <https://34.мвд.рф> (дата обращения: 20.12.2022).

актуальности и сегодня. Нельзя не согласиться с мнением ученых о том, что едиными мотивами самовольных уходов несовершеннолетних из дома, помимо обозначенных, являются неблагоприятная обстановка в семье, причинение систематических физических и психических страданий родителями подросткам и т. п.

Если говорить о возрасте пропавших, то, рассматривая указанные данные статистики, отметим, что из общего числа разыскиваемых в ЮФО 272 были несовершеннолетние (в Волгоградской области — 37), из них объявлено в розыск в отчетном периоде: ЮФО — 50, Волгоградская область — 10, из них с возбуждением уголовного дела: ЮФО — 105, регион — 27. Приведенные статистические показатели свидетельствуют об актуальности рассматриваемого направления работы.

Организация розыскной работы основана на положениях общей теории ОРД, включающей в себя такие элементы, как расстановка сил и средств, взаимодействие, информационно-аналитическое обеспечение, планирование, учет, контроль, работа с исполнителями, координация и регулирование [2, с. 14].

Не ставя задачи изучения в данной статье всех перечисленных элементов, рассмотрим актуальный вопрос взаимодействия сотрудников уголовного розыска с гражданами в рамках организации розыска лиц, пропавших без вести. Президент Российской Федерации В. В. Путин на Коллегии МВД России еще в 2017 г. обратил внимание на необходимость выстраивания партнерских отношений по профилактике преступности с волонтерскими объединениями, общественными организациями, гражданскими активистами¹. В то же время считаем необходимым отметить, что указанная проблема пока еще не нашла должного отражения в научных кругах.

Начнем с понятий «безвестно отсутствующий» и «без вести пропавший». В соответствии со ст. 42 Гражданского кодекса Российской Федерации: «Гражданин может быть по заявлению заинтересованных лиц признан судом безвестно отсутствующим, если в течение года в месте его жительства нет сведений о месте его пребывания».

Причины исчезновения людей обычно делят на две группы:

— не являющиеся следствием криминальных событий;

— являющиеся следствием криминального действия.

Проанализируем причины, которые явились следствием пропажи человека и не связаны с криминальными событиями. Таковыми являются: несчастный случай, естественная смерть, болезни, потеря ориентации на местности в связи с пожилым возрастом (деменция) или наличием психического заболевания (психоз, маразм, шизофрения и пр.), природные бедствия (ураган, цунами, наводнения). Многие из этих причин происходят из сознательного желания лица, признаваемого без вести пропавшим, скрыться (к примеру, из-за непонимания родственниками, непринятия отношений лица, уход от уплаты алиментов / налогов).

Для эффективного розыска таких лиц на первоначальном этапе необходимо:

— наличие четких и содержательных планов деятельности розыскных подразделений по тому или иному факту пропажи лица;

— использование имеющихся в арсенале ОВД оперативных, процессуальных, криминалистических методов и средств;

— быстрое реагирование дежурных частей и оперативных подразделений ОВД на сообщения о фактах пропажи лиц;

— комплексное проведение имеющихся в арсенале ОВД оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий;

— взаимодействие в процессе поисковых мероприятий с общественностью, неравнодушными гражданами, государственными и муниципальными органами;

— распространение посредством СМИ (радиоканалы, телевидение, печатные издания и т. п.) необходимых сведений, позволяющих в кратчайшие сроки обнаружить пропавшего.

В соответствии с нормативным правовым актом МВД России² полученное сообщение о безвестном исчезновении лица подлежит обязательному приему оперативными дежурными дежурных частей во всех территориальных органах МВД России, фиксируется в Книге учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях и разрешается в установленном порядке независимо от давности и места

² Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Расширенное заседание коллегии МВД России от 9 марта 2017 г. URL: <http://kremlin.ru/> (дата обращения: 22.12.2022).

исчезновения, наличия или отсутствия сведений о его месте жительства или пребывания, полных анкетных данных и фотографии, сведений об имевшихся ранее случаях его исчезновения.

Помимо этого, для проверки обстоятельств безвестного исчезновения лица, обнаружения следов преступления, выявления иных обстоятельств, имеющих значение для установления причин исчезновения, оперативный дежурный дежурной части территориального органа МВД России незамедлительно выясняет в ходе приема сообщения обстоятельства исчезновения, в том числе с учетом требований, указанных в п. 10 Инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц¹.

Несмотря на то что в нормативных правовых актах отсутствует четкое определение понятия «без вести пропавшее лицо», на наш взгляд, следует руководствоваться предлагаемой нами дефиницией — это лицо, пропавшее внезапно, без видимых на то причин, местонахождение и судьба которого остаются неизвестными, а также пропавшего в связи с военными действиями или при обстоятельствах, угрожающих смертью или дающих основание полагать, что его гибель наступила от определенного несчастного случая.

О возможном совершении преступления в отношении пропавшего могут свидетельствовать обстоятельства, закрепленные в п. 10 указанной выше Инструкции, которые необходимо учитывать сотрудникам уголовного розыска, следователям Следственного комитета Российской Федерации и др. на всех этапах поисковых мероприятий, направленных на установление местонахождения пропавшего. Данный список не является исчерпывающим.

Не ставя задачи рассмотрения приведенного перечня признаков, свидетельствующих о криминальном событии, обратим внимание на то, что о совершении преступления в отношении без вести пропавшего лица могут свидетельствовать и иные обстоятельства с учетом местных особенностей (оперативной обстановки, традиций, обычаев).

В целом учет логических связей и совокупности обстоятельств будет способствовать выдвижению обоснованных версий безвестного исчезновения

лица и вывода о наличии признаков преступления. Если имеются достаточные данные о том, что безвестное исчезновение связано с совершением в отношении него преступления, отнесенного к подследственности следователя Следственного комитета Российской Федерации, он незамедлительно возбуждает уголовное дело, в рамках которого осуществляется весь комплекс следственных действий, направленный на достижение одной цели — установления местонахождения пропавшего.

Розыск без вести пропавших тесно связан с таким направлением деятельности правоохранительных органов, как установление личности граждан по неопознанным трупам. Это связано с тем, что изначально данная информация регистрируется в ОВД по заявлению о безвестном исчезновении граждан, многие из которых становятся жертвами преступлений.

Рассматривая проблему привлечения к розыскной и идентификационной деятельности различных волонтерских и иных общественных организаций, отметим, что она осуществляется на добровольной и безвозмездной основе. Правовой основой этой деятельности являются положения Федерального закона «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ², которые к числу одной из обязанностей этого самостоятельного федерального органа исполнительной власти относят именно розыск лиц, пропавших без вести, несовершеннолетних, самовольно ушедших из семей или специализированных учреждений и т. д. (ст. 12).

Вместе с тем к числу принципов деятельности полиции отнесена необходимость взаимодействия не только с другими правоохранительными, государственными и муниципальными органами, но и общественными объединениями, организациями и гражданами (ст. 10). Федеральным законом «Об участии граждан в охране общественного порядка» от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ³ предусмотрен такой вид сотрудничества граждан с полицией, а также с другими правоохранительными органами, органами государственной власти и местного самоуправления, как их участие в поиске лиц, пропавших без вести. ОВД обязаны давать гражданам рекомендации по вопросам формирования организованных групп, определения маршрута и места предполагаемого поиска и т. п. (ч. 2 ст. 9).

¹ Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц: приказ МВД России, Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Следственного комитета Российской Федерации от 16 января 2015 г. № 38/14/5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О полиции: федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 21 дек. 2021 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об участии граждан в охране общественного порядка: федер. закон от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Граждане, принимающие участие в поисковых мероприятиях без вести пропавших лиц, имеют право получать от сотрудников полиции, а также иных уполномоченных субъектов общедоступную информацию о разыскиваемых, месте их предполагаемого поиска и т. п. В свою очередь, органам и должностным лицам, осуществляющим розыск, целесообразно доводить до сведения граждан, участвующих в поиске пропавших лиц, информацию о разыскиваемом лице, его приметах, местах вероятного появления, инициаторе розыска и т. п. посредством официальных интернет-сайтов государственных учреждений, программ теле- и (или) радиовещания, печатных средств массовой информации и т. д. (п. 2 ч. 3 ст. 9).

На территории Российской Федерации за последние годы во взаимодействии с правоохранительными органами, в том числе с подразделениями уголовного розыска, было организовано значительное число спасательно-поисковых групп.

Самой известной волонтерской организацией по розыску пропавших признан поисковый отряд «ЛизаАлерт» (ПСО «ЛизаАлерт», <https://lizaalert.org/>). Отряд был создан осенью 2010 г., название свое получил в честь 5-летней Лизы Фомкиной, которую искали добровольцы¹.

В 2010 г. в Тюмени пропала 11-летняя Анна Анисимова. Последний раз ее видели 12 октября 2010 г., когда в обычное время девочка пошла в школу, но до нее так и не дошла. В поисках Анны обследовали лесные массивы, заброшенные дома, стройки, чердаки, подвалы, канализационные люки. Однако тело девочки обнаружить так и не удалось. Было возбуждено уголовное дело по ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации, до настоящих дней дело не было раскрыто. Поиски продолжаются².

Эти две ужасные истории стали переломным моментом в поисках без вести пропавших лиц. Истории Лизы Фомкиной и Анны Анисимовой послужили началом создания волонтерского движения в России.

В настоящее время отряд осуществляет деятельность по розыску в 47 регионах России, включая Волгоградскую область. Так, на территории области отряд состоит из 1 регионального председателя, 7 руководителей направлений, 105 постоянно действующих добровольцев и около 15 тысяч человек, периодически принимающих активное участие при необходимости по заявке ГУ МВД России по Волгоградской области в поиске пропавших

лиц³. Например, за 2022 г. общее количество заявок, поступивших в поисковый отряд «ЛизаАлерт» Волгоградской области в первую очередь из подразделений уголовного розыска по фактам безвестного исчезновения людей, составило 47, найдено живыми — 15 человек, найдено погибшими — 2 человека, в настоящее время продолжается поиск — 7 человек⁴. Эти цифры говорят о результативности деятельности поисковой организации.

Высокие показатели розыска без вести пропавших были достигнуты не только благодаря своевременному привлечению к розыскной и идентификационной деятельности представителей волонтерских объединений. Положительные результаты приносит постоянная и планомерная работа по обучению новых членов отряда, проводимая не только федеральным куратором ПСО «ЛизаАлерт» в рамках онлайн-занятий — лекций по темам «Школа безопасности ЛизаАлерт» и «Новичок», но и выступления перед членами поисковых отрядов сотрудников розыскных подразделений регионального Главка. В организацию входят также обученные специалисты, имеющие специальное оборудование: координаторы, следопыты, специалисты, работающие с вездеходами, кинологи.

В качестве положительного примера совместной и четко организованной работы волонтеров и правоохранительных органов можно привести следующий. С конца июля по 4 августа 2022 г. в Волгоградской области искали без вести исчезнувшую девочку. И нашли. Как отмечают очевидцы, «испуганную, замерзшую, голодную, но главное — живую». Света Сорочинская ранним летним утром отправилась на прогулку в лес и в назначенное время домой не вернулась. Поисковыми мероприятиями занимались более 250 человек. К полицейским, казакам и добровольцам присоединились криминалисты Следственного управления Следственного комитета России по Волгоградской области⁵.

Большое внимание при организации розыска пропавших лиц и выстраиванию розыскных версий необходимо уделять их социальной характеристике. В федеральном розыске без вести пропавших лиц числятся не только лица, персональные данные которых известны, но и лица без определенного места жительства, ведущие антиобщественный образ жизни и т. п. Среди них есть так называемые

³ URL: https://vk.com/la_volgograd (дата обращения: 05.01.2023).

⁴ URL: <https://50.мвд.рф/памятки-и-рекомендации-справочная-информация/волонтерские-поисковые-организации-> (дата обращения: 05.01.2023).

⁵ URL: <https://v1.ru/text/gorod/2019/08/04/66185347/?shareRecordImage=6aefe4952e9e387a964c61359ab00572> (дата обращения: 03.01.2023).

¹ URL: <https://youtu.be/OGctHq9Olyo> (дата обращения: 05.01.2023).

² URL: <https://45.ru/text/gorod/2021/10/16/70197302/> (дата обращения: 05.01.2023).

мые благополучные «потеряшки», и мотивы их пропажи неизвестны. До сих пор нет никакой информации, например, о волгоградском ученом Сергее Савченко, который, как обычно, утром отправился на работу и исчез¹.

Считаем важным рассмотреть вопрос, связанный с поиском лиц, которые в силу определенных причин не желают возвращаться домой. Так, 28 января 2022 г. в отдел МВД России по Котовскому району Волгоградской области поступило заявление о том, что гражданка А. К. Умари на протяжении недели не появляется по месту своего жительства и не выходит на связь, а у пропавшей без вести остался малолетний ребенок. На основании этого заявления было начато розыскное производство и организованы поисковые мероприятия. Через двое суток сотрудники уголовного розыска установили, что девушка добровольно покинула место своего жительства и аргументировала свой уход следующим образом: «Я не хочу поддерживать связь со своими родственниками, так как встретила свою любовь, которую мои родители не принимают». Гражданка также попросила не сообщать адрес своего пребывания, новый номер сотового телефона и написала отказ от ребенка².

Анализ деятельности уполномоченных органов по розыску лиц, пропавших без вести, позволил обозначить актуальные проблемы, которые в настоящее время препятствуют ее эффективности. К числу таких проблем следует отнести:

1. Длительность проверки сообщения или заявления о безвестном исчезновении либо принятие такового вовсе.

В связи с этим для повышения эффективности организации и проведения розыска без вести пропавших следует исходить из того, что такое лицо стало жертвой преступления (убийства или похищения), поскольку первоначальные оперативно-розыскные мероприятия свидетельствуют об отсутствии сведений о местоположении и местонахождении лица. Соответственно, первоначальные действия сотрудников подразделений уголовного розыска и иных правоохранительных органов должны быть направлены на раскрытие преступлений, а все последующие оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия необходимо выстраивать до тех пор, пока не будет доказано обратное: что без вести пропавшее лицо является живым.

2. Несвоевременное принятие решения следователем Следственного комитета Российской Федерации о возбуждении уголовного дела по факту

безвестного исчезновения или вовсе отказ в возбуждении уголовного дела.

Данная проблема ведет к утрате значительного количества доказательств, которые помогли бы идентифицировать труп и определить местонахождение без вести пропавшего лица.

3. Несвоевременное заведение соответствующего дела оперативного учета сотрудниками розыскных подразделений и, как следствие, непроведение таких оперативно-розыскных мероприятий, как «Наведение справок», направленное на получение оперативно значимой информации о разыскиваемых лицах, содержащейся в различных ведомственных и вневедомственных учетах; «Сбор образцов для сравнительного исследования», в ходе которого изымаются образцы, которые можно в будущем использовать в процессе идентификации без вести пропавшего в случае обнаружения неопознанного трупа; «Прослушивание телефонных переговоров» и «Снятие информации с технических каналов связи», способствующие фиксации преступных действий подозреваемых в совершении преступлений (убийство и похищение) в отношении лиц, без вести пропавших, а также установлению местоположения разыскиваемых и др.

Для определения основных профилактических мер необходимо выделить условия, способствующие исчезновению лиц. К ним относятся следующие:

— наличие у лица проблем с памятью в связи с психическими заболеваниями или престарелым возрастом;

— социальное одиночество лица;

— наличие различных социальных фобий у лица (например, социопатия, социофобия);

— злоупотребление спиртными напитками или одурманивающими веществами, при употреблении которых лицо теряет ориентацию на местности;

— возникновение у лица мыслей, связанных с суицидом (к примеру, предательство близкого человека) [3];

— плохое обращение со стороны родственников, одноклассников, друзей, в связи с чем лицо ощущает себя лишним и самовольно покидает место жительства в поисках «лучшего места», «лучших людей», которые примут все его увлечения, особенности;

— количество населения в рассматриваемом населенном пункте. Данный критерий подразумевает следующее: если лицо пропало в крупном населенном пункте (города-миллионники, мегаполисы), то ему легко «раствориться» среди большого числа людей. Однако негативное влияние может оказывать и малая плотность населения, ведь при таких условиях будет существенно снижаться эффективность поиска — в связи с недостатком людского ресурса для осуществления поисковых мероприятий.

¹ URL: <https://v1.ru/text/gorod/2017/04/13/51025461/> (дата обращения: 03.03.2023).

² URL: <https://v1.ru/text/gorod/2022/01/13/51025361/> (дата обращения: 10.01.2023).

В заключение, аккумулируя изложенное выше, еще раз подчеркнем, что установление местонахождения пропавшего человека во многом определяется организацией этого процесса. Вместе с тем практика такой работы однозначно свидетельствует о том, что, несмотря на практически повсеместное применение различных ресурсов (технических устройств, собак, задействованных людей и их подготовленности), ключевым моментом, определяющим успех поисковых мероприятий, по-прежнему является согласованность применяемых сил, средств и методов. Это лишь под-

черкивает необходимость координации действий всех субъектов поисковой работы, как имеющих прямое отношение к правоохранительным органам, так и оказывающих им добровольное содействие, включая различные общественные организации и отдельных граждан. Основным координатором при этом должны выступать именно сотрудники уголовного розыска, закрепленные за линией работы по установлению местонахождения лиц, без вести пропавших. Именно от этого первоначально зависит жизнь и здоровье исчезнувшего или попавшего в сложную ситуацию человека.

1. Козловская Е. В. Педагогические аспекты индивидуальной профилактики побегов из дома и бродяжничества несовершеннолетних (на материалах органов внутренних дел): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Москва: Академия МВД СССР, 1983. С. 19; Закатов А. А. Розыскная деятельность. Волгоград: Волгоградская высшая школа милиции МВД СССР, 1988. С. 16.

2. Лекарь А. Г. Предотвращение преступлений органами охраны общественного порядка (исследование правовых, организационных и тактических основ деятельности органов охраны общественного порядка по предотвращению преступлений): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва: ВНИИ МВД СССР, 1967. 35 с.

3. Ковалев Н. Д., Яковец Е. Н. Коллизии норм оперативно-разыскного права и способы их разрешения в процессе правотворчества // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 2 (46). С. 46—52.

Артюхов Александр Витальевич,
доцент кафедры
оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
alex.v.artuhov@yandex.ru

Корнаухова Наталья Геннадьевна,
заместитель начальника кафедры
оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
nkornaukhova@mvd.ru

1. Kozlovskaya Ye. V. Pedagogical aspects of individual prevention of runaways from home and vagrancy of minors (based on the materials of the Internal Affairs Bodies). Abstract of the dissertation of the candidate of pedagogical sciences. Moscow: Academy of the Ministry of the Internal Affairs of the USSR; 1983: 19. (In Russ.); Zakatov A. A. Detective activity. Volgograd: Volgograd Higher Police School of the Ministry of the Internal Affairs of the USSR; 1988: 16. (In Russ.).

2. Lekar A. G. Prevention of crimes by the public order safety bodies (research of the legal, organizational and tactical foundations of the activity of public order safety bodies to prevent crimes). Abstract of the dissertation of the doctor of juridical sciences. Moscow: All-Union Research Institute of the Ministry of the Internal Affairs of the USSR; 1967: 35. (In Russ.).

3. Kovalyev N. D., Yakovets Ye. N. Collisions of the norms of the detective-investigative law and ways to solve them while lawmaking. Scientific works of the Academy of Management of the Interior Ministry of Russia, 46—52, 2018. (In Russ.).

Artyukhov Aleksandr Vitalyevich,
associate professor at the department
of the detective activity
and special technic equipment
of Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia;
alex.v.artuhov@yandex.ru

Kornaukhova Natalya Gennadyevna,
deputy head of department
of the detective activity
and special technic equipment
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
nkornaukhova@mvd.ru

Статья поступила в редакцию 18.01.2023; одобрена после рецензирования 30.01.2023; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 18.01.2023; approved after reviewing 30.01.2023; accepted for publication 31.01.2023.

* * *

УДК 343.102
doi: 10.25724/VAMVD.A083

**ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ
ОТДЕЛЬНЫХ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ
ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ И РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ,
СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ**

Николай Дмитриевич Захаров

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия
ratinho@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются место и роль оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел в системе мер по борьбе с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенными с использованием сети Интернет, обосновывается ее значимость. Переходя от анализа теоретических аспектов такой деятельности к ее практической составляющей, автор выделяет конкретные оперативно-разыскные мероприятия, проведение которых позволит успешно выполнять задачи, стоящие перед органами внутренних дел в изучаемой сфере. Принимая во внимание требования законодательства, в соответствии с которыми сведения об организации и тактике проведения оперативно-разыскных мероприятий составляют государственную тайну, рассматриваются лишь особенности проведения отдельных оперативно-разыскных мероприятий исключительно с учетом их гласного характера.

На основе анализа теоретического и эмпирического материала выделяются особенности проведения оперативно-разыскных мероприятий при документировании преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет, а также тактические приемы, применяемые при их проведении. Результатом такой работы является получение достоверных фактических данных, являющихся после выполнения необходимых процессуальных действий доказательствами по уголовному делу.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскные мероприятия, половая неприкосновенность несовершеннолетних, развратные действия, порнография, сеть Интернет

Для цитирования: Захаров Н. Д. Особенности проведения отдельных оперативно-разыскных мероприятий при выявлении и раскрытии преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 1 (64). С. 108—115. doi: 10.25724/VAMVD.A083

**SPECIFICS OF MAKING
SOME DETECTIVE AND SEARCH ACTIVITY
WHILE DETECTING AND SOLVING CRIMES
AGAINST SEXUAL INVIOLABILITY OF MINORS
TO BE COMMITTED USING THE INTERNET**

Nikolay Dmitriyevich Zakharov

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, ratinho@bk.ru

Abstract. The article deals with the issues related to the place and role of detective and search activity of the internal affairs bodies in the system of measures to fight crime crimes against sexual integrity of minors to be committed using the Internet network and their significance. Having analyzed the theoretical aspects of such activity as well

as its practical component, the author of the article points out specific detective and search actions and their implementation will allow fulfilling successfully the tasks facing the internal affairs bodies in the given sphere. Taking into account the requirements of the legislation, according to which, information about the organization and tactics of conducting detective and search actions constitutes a state secret the author of the article deals with only the specifics of making some detective and search actions as well as he considers their public nature.

Based on the analysis of theoretical and empirical material, the author of the given article highlights the specifics of making detective and search actions when recording the crimes against the sexual integrity of minors to be committed using the Internet as well as tactics to be used while their implementing. The result of such work is obtaining reliable real data which are said to be evidence in a criminal case after performing necessary procedural measures.

Keywords: detective and search activity, detective and search actions, sexual inviolability of minors, sexual abuse, pornography, the Internet

For citation: Zakharov N. D. Specifics of making some detective and search activity while detecting and solving crimes against sexual inviolability of minors to be committed using the Internet. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 108—115, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A083

Борьба с преступностью в отношении несовершеннолетних в сети Интернет набирает актуальность в последнее десятилетие, учитывая уровень проникновения информационных технологий во все слои российского общества. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, в 2017 г. только 79,8 % населения России в возрасте от 15 до 74 лет ежедневно использовали сеть Интернет, в 2019 — 85,6 %, сегодня эта цифра составляет практически 100 %¹.

В связи с этим, согласно официальным статистическим данным МВД России², несмотря на общее снижение количества зарегистрированных преступлений за аналогичный период прошлого года на 1,9 %, особую тревогу вызывает увеличение количественных показателей в структуре преступности в отношении половой неприкосновенности несовершеннолетних, в том числе корыстно-насильственных преступлений, преступлений в сфере незаконного оборота порнографических материалов с участием несовершеннолетних.

Учитывая, что борьба с преступностью в отношении несовершеннолетних является одним из важнейших направлений деятельности органов внутренних дел, представляется, что их защита от преступных посягательств может успешно реализовываться в том числе путем осуществления оперативно-

разыскной деятельности уполномоченными субъектами³.

Не ставя под сомнение тот факт, что улучшение криминогенной обстановки по изучаемому направлению в значительной мере зависит от урегулированности общественных отношений, складывающихся при использовании информационного пространства (сетей связи), в настоящей статье нами ставится задача раскрыть особенности проведения отдельных оперативно-разыскных мероприятий (ОРМ) при выявлении и документировании преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет⁴, т. е. наглядно показать эффективный инструментарий, позволяющий обеспечить реализацию принципа неотвратимости ответственности.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности»⁵ (ФЗ «Об ОРД») «оперативно-разыскная деятельность — вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов... в пределах их полномочий посредством проведения ОРМ в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражд-

¹ Федеральная служба государственной статистики. Российский статистический ежегодник. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (дата обращения: 01.12.2022).

² Официальный сайт МВД России. Статистика и аналитика. Состояние преступности за январь — декабрь 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022 гг. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 01.12.2022).

³ Колокольцев заявил о прогрессе в защите несовершеннолетних в сети Интернет. URL: https://news.rambler.ru/other/44972626/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 02.12.2022).

⁴ В настоящем исследовании под преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенными с использованием сети Интернет, понимаются преступления, предусмотренные ст. 132, 133, 135, 242, 242.1, 242.2 УК РФ.

⁵ Об оперативно-разыскной деятельности: федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

данина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств».

К задачам ОРД ст. 2 ФЗ «Об ОРД» среди прочих относит выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших. Таким образом, единственно возможным, законодательно закрепленным способом выполнения вышеуказанной задачи является проведение ОРМ. В этом контексте мы солидарны с мнением Н. В. Павличенко и А. И. Тамбовцева, отмечающих важность изучения сущностных, организационно-правовых, психологических, технических и иных деятельностных аспектов осуществления ОРМ [1].

Отметим, что в большинстве изученных нами архивных уголовных дел, возбужденных по признакам преступлений, совершенных в отношении половой неприкосновенности несовершеннолетних с использованием сети Интернет, результаты оперативно-разыскной деятельности служили поводом и основанием для их возбуждения либо были использованы для выявления и установления лиц, их совершающих или совершивших, а также выступали как «инструмент» фиксации факта преступной деятельности и служили весомыми доказательствами вины конкретных лиц [2]. Данный факт также свидетельствует о необходимости исследования организационно-тактических основ проведения отдельных ОРМ как одного из важнейших источников получения информации, которая может быть использована в качестве доказательства по уголовному делу.

Переходя от рассмотрения общих теоретико-правовых аспектов оперативно-разыскной деятельности в борьбе с преступностью, посягающей на половую неприкосновенность несовершеннолетних в сети Интернет, непосредственно к особенностям проведения отдельных ОРМ, отметим, что часто возникают ситуации, при которых одно и то же ОРМ состоит из нескольких этапов: одни проводятся гласно, другие негласно. В данном контексте мы полностью разделяем мнение Н. П. Водько, отмечающего, что в оперативно-разыском процессе не всегда можно четко провести разделительную линию между гласными, зашифрованными и негласными мероприятиями, поскольку в динамике они дополняются и перерастают одно в другое и органически сочетаются на оперативно-тактическом и организационном уровнях деятельности [3, с. 21].

Представляется, что негласное проведение ОРМ, в первую очередь, предполагает как оперативно-тактическую, так и организационную необходимость оперативного подразделения оставить в тайне от объектов оперативной заинтересованности, а также от иных лиц сам факт проведения мероприятия, его цели, задачи, ход, содержание и результаты. Вместе с тем необходимость проведения исключительно негласно отдельных ОРМ диктуется и нормативными правовыми актами, в том числе ведомственными, что не может быть предметом нашего изучения в настоящей открытой работе.

В вопросе же гласного проведения ОРМ мы солидарны с общепринятым в теории оперативно-разыскной деятельности представлением о том, что оно предполагает выполнение оперативными сотрудниками действий, при которых не скрываются ни факт проведения ОРМ, ни его субъекты, ни истинные цели мероприятия. Осуществление гласных ОРМ предполагает официальные контакты должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, с физическими лицами и представителями юридических лиц [4, с. 447].

Таким образом, в настоящем исследовании мы рассмотрим особенности осуществления отдельных ОРМ при выявлении и документировании преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет, не через призму формально определенных требований, а через специфику их проведения и получаемых результатов, источников оперативно значимой информации в контексте установления обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Как справедливо отмечает авторский коллектив учебного издания «Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел», поскольку документирование обеспечивает процесс расследования, а предмет документирования схож с обстоятельствами, подлежащими доказыванию, в процессе документирования устанавливаются и закрепляются следующие фактические данные:

- о событии преступления (время, место, способ и другие обстоятельства);
- причастности проверяемого к подготовке или совершению преступления и мотивах преступления;
- обстоятельствах, отягчающих или смягчающих ответственность проверяемого, а также об обстоятельствах, характеризующих его личность;
- характере и размере ущерба, причиненного преступлением;

— местонахождении орудий преступления, похищенных или нажитых преступным путем ценностей;
— об обстоятельствах, способствовавших совершению преступления [5, с. 206].

В ходе документирования преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет, оперативным сотрудникам необходимо детально зафиксировать каждый из элементов состава преступления, учитывая их уголовно-правовые особенности, а также сложившуюся судебную практику.

Применительно к документированию развратных действий путем переписки в различных социальных сетях и ресурсах необходима, в первую очередь, фиксация умысла на совершение преступления путем установления факта осведомленности злоумышленника о возрасте несовершеннолетнего; факта введения злоумышленником в заблуждение несовершеннолетнего о своем возрасте, поле, месте жительства; факта использования технических средств по анонимизации в сети Интернет, неоднократности действий. Объективная сторона преступления может быть задокументирована путем установления факта ведения переписки на «сексуально обусловленные» темы, принуждения несовершеннолетнего к фотографированию собственных обнаженных половых органов, распространению порнографических материалов.

Проблема доказывания умысла является ключевой и при документировании незаконного оборота порнографических материалов в сети Интернет. Если в случаях, когда злоумышленник распространяет порнографию в ходе общения в социальных сетях посредством личной переписки либо использует несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов, умысел доказывается наличием комплекса целенаправленных действий, отраженных в ходе самой переписки, то вопрос документирования умысла при распространении порнографических материалов посредством файлообменных сетей остается открытым для правоприменителей и сегодня. Так, в соответствии с позицией суда, нашедшей отражение в кассационном определении¹, то обстоятельство, что лицом загрузились на персональный компьютер порнографические видеозаписи, которые содержались в программе, позволяющей другим пользова-

телям скачивать эти файлы, само по себе не может свидетельствовать об умысле на распространение порнографии, поскольку на момент приобретения (скачивания, копирования) им данных файлов они уже были распространены в сети Интернет в свободном доступе.

Помимо фиксации умысла основополагающим для документирования незаконного оборота порнографии является проведение комплексного исследования, отвечающего на вопрос об отнесении материалов (предметов) к порнографическим и определении возраста лиц, на них изображенных.

К особенностям документирования рассматриваемых преступлений, по нашему мнению, нужно также отнести необходимость установления всех эпизодов преступной деятельности в отношении неограниченного числа потерпевших, которая объясняется трансграничностью сети Интернет; всех имеющихся контактов, в том числе среди «списка друзей» в социальных сетях разрабатываемого лица, которые могут заниматься аналогичной противоправной деятельностью; необходимость установления всех посещаемых разрабатываемым лицом интернет-ресурсов «сексуальной тематики».

Помимо особенностей документирования рассматриваемых преступлений, в результате проведенного исследования нами установлены типичные ошибки (нарушения), допускаемые оперативными сотрудниками при выполнении указанной деятельности:

- неверная квалификация деяния;
- неверное определение места совершения преступлений (в данном случае местом является фактическое местонахождение лица в момент ведения переписки с несовершеннолетним, направления ему сообщений или изображений);
- несоблюдение условий для проведения ОРМ;
- несвоевременное проведение ОРМ;
- не соответствующее требованиям нормативных правовых актов документирование результатов проведения ОРМ;
- нарушения нормативно регламентированной процедуры предоставления результатов оперативно-разыскной деятельности в органы дознания, следствия, суд;
- технические ошибки в оформлении соответствующих документов.

Рассмотрим основные направления документирования преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет, учитывая вышеописанные ошибки, а также способы, позволяющие их избежать.

¹ Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 77-621/2020 от 10 июня 2020 г. по кассационной жалобе осужденного З. А. Е. по п. «г» ч. 2 ст. 242.1 УК РФ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Анализ практики расследования названных преступлений и рассмотрения соответствующих уголовных дел в суде, возбуждение которых предвзялось проведением ОРМ, позволил выделить наиболее эффективные из них:

- наведение справок;
- наблюдение;
- сбор образцов для сравнительного исследования;
- исследование предметов и документов;
- проверочная закупка;
- прослушивание телефонных переговоров;
- снятие информации с технических каналов связи;
- получение компьютерной информации.

Наведение справок является первоочередным ОРМ, которое проводится в процессе документирования рассматриваемых преступлений, по нашему мнению, основанному в том числе на проанализированных уголовных делах. Оно обладает широчайшим инструментарием источников получения информации как о лицах и материальных объектах, так и о сетевых информационных системах и образующихся в процессе их функционирования электронных следах [6].

Основными направлениями документирования при проведении ОРМ «Наведение справок» при этом являются:

1. Установление технической информации (регистрационных данных) о пользователе, создавшем и администрирующем страницу в социальной сети.
2. Установление владельцев сайтов, ресурсов, доменных имен (включая способы оплаты за эти услуги).
3. Установление сведений по электронному почтовому ящику и облачным хранилищам данных.
4. Установление сведений о владельцах электронного кошелька электронной платежной системы.
5. Установление принадлежности IP-адреса.
6. Установление принадлежности абонентского номера телефона.
7. Получение сведений об установочных данных лиц.
8. Получение сведений на общедоступных ресурсах в сети Интернет.

Наблюдение. В контексте документирования преступлений, совершаемых с использованием сети Интернет, данное ОРМ приобретает более широкий смысл. В данном случае наблюдение заключается не только в визуальном, но и электронном слежении. В ходе проведения электронного слежения возможна фиксация различных фактов, событий, действий, имеющих значение

для решения задач оперативно-разыскной деятельности.

ОРМ «Наблюдение» проводится в целях документального закрепления каких-либо сведений, размещенных в сети Интернет: содержимое страницы в социальной сети, интернет-сайта и др. Отметим, что при документировании развратных действий в социальных сетях широкий массив значимой информации содержится на страницах пользователей. Речь идет не только о материалах, которые размещают пользователи на своих страницах, но и об определении круга общения пользователя, его образа жизни, увлечений, рода занятий, географии перемещений, семейного положения и состава семьи.

Отметим, что, помимо электронного способа наблюдения, рассматриваемое ОРМ также может проводиться и в классическом его понимании, в целях визуального контроля за проверяемым лицом, помещениями, сооружениями, участками местности.

Сбор образцов для сравнительного исследования. Проведение данного ОРМ связано с обнаружением и изъятием из сети Интернет электронных объектов (файлов в виде фотоизображений, видео- и аудиозаписей), являющихся носителями информации, для последующего исследования в целях решения задач оперативно-разыскной деятельности.

В ходе ОРМ — для выявления и документирования фактов распространения порнографических материалов — указывается место проведения мероприятия (конкретный адрес страницы, ресурса в сети Интернет, наименование файлообменной сети), последовательно описываются все совершаемые действия, что целесообразно подтверждать скриншотами (фотографии содержимого экрана компьютера). Необходимо обращать особое внимание на отражение в протоколе конкретных сетевых псевдонимов пользователя, используемых IP-адресов, логинов. В результате ОРМ на предварительно подготовленный носитель информации (компакт-диск, USB, флеш-накопитель) записываются загруженные в ходе ОРМ файлы.

Для фиксации умысла на распространение порнографии необходимо провести несколько загрузок в разные промежутки. Это может фиксироваться как одним продолжающимся ОРМ, так и несколькими разными протоколами. В случае распространения порнографии в социальных сетях следует установить факт, является ли страница пользователя и файлы, расположенные на ней, «открытыми», т. е. доступными для неограниченного круга

пользователей. В дальнейшем полученный в результате ОРМ носитель информации направляется для проведения исследования.

Указанное ОРМ также может проводиться в случаях изъятия добровольно предоставляемой переписки пользователей в сети Интернет в целях последующего направления на психолингвистическое исследование.

Исследование предметов и документов. В контексте рассматриваемых нами преступлений выделим два основных вида исследования:

— при проведении проверок по фактам незаконного оборота порнографии осуществляется литературоведческое, сексологическое, искусствоведческо-психологическое, сексолого-психолого-искусствоведческое исследование либо указывается на комплексный характер исследования без акцента на сфере специальных исследований. Результатом является мотивированное заключение специалиста об относимости представленных объектов к материалам порнографического характера (в том числе с участием несовершеннолетних лиц);

— при проведении проверок по фактам совершения развратных действий в сети Интернет — психолингвистическое исследование. В распоряжение специалиста предоставляются имеющиеся фрагменты переписки пользователей. Результатом является мотивированное заключение специалиста о наличии / отсутствии в представленном тексте: обсуждения темы сексуальных отношений; вербальных (речевых) и невербальных (фотоизображений) средств, указывающих на возраст пользователя; побуждения к действиям сексуальной направленности; действий, опасных для морального, психического и физического здоровья. В заключении также может быть указана смысловая направленность переписки, коммуникативные роли участников и ее инициатор.

Проверочная закупка. Указанное ОРМ успешно проводится в случаях, когда необходимо задокументировать факт незаконного оборота порнографии посредством ее продажи. С развитием сети Интернет значительно возросло количество корыстных способов распространения порнографических материалов, при этом не имеет значения тактика проведения данного ОРМ: непосредственный визуальный контроль за мероприятием либо же закупка в сети Интернет.

Изучение судебно-следственной практики последних лет свидетельствует об участившихся фактах продажи порнографических материалов с участием несовершеннолетних посредством ведения пере-

писки в различных мессенджерах, таких как Telegram и WhatsApp. В результате ОРМ «Проверочная закупка» фиксируется договоренность о передаче ранее сгенерированной злоумышленником ссылки на облачное хранилище файлов за денежное вознаграждение, переводимое на интернет-кошелек. Подобные хранилища создаются с целью загрузки на них файлов с порнографией, а для доступа к хранилищу может быть установлен пароль, который сообщается «покупателю» после проведения оплаты.

Процесс отправки денежных средств фиксируется подтверждающими денежный перевод документами, скриншотами переписки. В последующем личность преступника устанавливается, в том числе с помощью ОРМ «Наведение справок», о вариативности проведения которого нами указано выше.

Прослушивание телефонных переговоров. В некоторых случаях ведение общения с малолетними в социальных сетях является лишь подготовительным этапом в деятельности преступника, направленной на совершение «контактных» половых преступлений. В этом контексте проведение указанного ОРМ становится неотъемлемой частью документирования такой преступной деятельности. Прослушивание телефонных переговоров может успешно проводиться в целях документирования преступной деятельности лиц, распространяющих порнографию, установления их преступных связей, а также выявления дополнительных эпизодов преступной деятельности лиц, осуществляющих развратные действия.

Снятие информации с технических каналов связи и получение компьютерной информации. Согласно ст. 6 ФЗ «Об ОРД» оперативно-разыскные мероприятия, связанные со снятием информации с технических каналов связи, получением компьютерной информации, проводятся с использованием оперативно-технических сил и средств органов Федеральной службы безопасности, органов внутренних дел в порядке, определяемом межведомственными нормативными актами или соглашениями между органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность. Следовательно, рассмотрение организационно-тактических основ проведения данного ОРМ не представляется возможным в рамках настоящего открытого исследования. Однако применение такого ОРМ существенно расширяет круг средств при документировании вышеуказанных преступлений, поскольку подобные уголовно-правовые деяния совершаются с использованием сети Интернет.

Отметим, что в апреле 2021 г. решением Правительства Российской Федерации был одобрен разработанный по инициативе МВД России проект федерального закона о внесении изменений в ФЗ «Об ОРД». Проект направлен на совершенствование деятельности по выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых с использованием ИТ-технологий путем введения нового ОРМ — «Исследование компьютерной информации»¹. Представляется, что в случае закрепления практически реализуемого алгоритма организации и тактики проведения данного ОРМ с учетом ведомственной специфики указанное ОРМ может способствовать успешному решению задач оперативно-разыскной деятельности на современном этапе.

Таким образом, знание оперативным сотрудником своеобразия следовой картины преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных с использованием ИТ-технологий, позволяет корректировать приемы и методы

проведения конкретных оперативно-разыскных мероприятий для достижения целей оперативно-разыскной деятельности.

В заключение подчеркнем, что анализ имеющегося арсенала оперативно-разыскных возможностей по выявлению и документированию изучаемых преступлений свидетельствует о том, что в настоящее время при осуществлении оперативно-разыскной деятельности в сети Интернет с различным успехом может быть использована большая часть из перечисленных в законе оперативно-разыскных мероприятий.

Вместе с тем изучение отработанных на практике оперативными сотрудниками оперативно-разыскных алгоритмов выявления и документирования половых преступлений в сети Интернет ставит новые организационно-тактические задачи, требующие своего методического и правового обеспечения.

1. Павличенко Н. В., Тамбовцев А. И. Детерминанты современных метаморфоз оперативно-разыскных мероприятий // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 3 (55). С. 38—50.

2. Захаров Н. Д. Деятельность оперативных подразделений ОВД по выявлению и раскрытию преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2022. 238 с.

3. Водько Н. П. Федеральный закон «Об оперативно-разыскной деятельности» в системе Российского законодательства: проблемы и решения: монография. Москва: ИД Шумиловой И. И., 2007. 130 с.

4. Горяинов К. К., Кваша Ю. Ф., Сурков К. В. Об оперативно-разыскной деятельности: федер. закон. Комментарий / под ред. П. Г. Пономарева. Москва: Новый юрист, 1997. 570 с.

5. Оперативно-разыскная деятельность органов внутренних дел. Общая часть: электрон. учеб. изд. Омск: Омск. акад. МВД России, 2020. 206 с.

6. Вехов В. Б., Смагоринский Б. П., Ковалев С. А. Электронные следы в системе криминалистики // Судебная экспертиза. 2016. № 2 (46). С. 10—19.

1. Pavlichenko N. V., Tambovtsev A. I. Determinants of modern metamorphoses of detective and search activity. Works of the Academy of Management of the Interior Ministry of Russia, 38—50, 2020. (In Russ.).

2. Zakharov N. D. Activities of operational units of the Internal Affairs Department to identify and solve crimes against the sexual inviolability of minors committed with the use of the Internet. Dissertation of the candidate of juridical of sciences. Volgograd; 2022: 238. (In Russ.).

3. Vodko N. P. Federal law "On Detective and Search Activity" in the system of Russian legislation: problems and solutions. Monograph. Moscow: Publishing House of Shumilova I. I.; 2007: 130. (In Russ.).

4. Goryainov K. K., Kvasha Yu. F., Surkov K. V. On Detective and Search Activity. Federal law. Commentary. Ed. P. G. Ponomareva. Moscow: Novyj Jurist; 1997: 570. (In Russ.).

5. Detective and search activity of the Internal Affairs Bodies. General part: Electronic educational edition. Omsk: Omsk Academy of the Interior Ministry of Russia; 2020. 206. (In Russ.).

6. Vekhov V. B., Smagorinsky B. P., Kovalyev S. A. Electronic traces in the forensic system. Forensic examination, 10—19, 2016. (In Russ.).

¹ МВД России предлагает дополнить перечень оперативно-разыскных мероприятий «исследованием компьютерной информации». https://xn--b1aew.xn-p1ai/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/Glavnoe_upravlenie_jekonomicheskoi_bezop/Publikacii_i_vistuplenija/item/24427520/ (дата обращения: 01.07.2022).

Захаров Николай Дмитриевич,
преподаватель кафедры
оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
ratinho@bk.ru

Zakharov Nikolay Dmitriyevich,
lecturer at the department
of the detective activity
and special technic equipment
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
ratinho@bk.ru

Статья поступила в редакцию 27.12.2022; одобрена после рецензирования 09.01.2023; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 27.12.2022; approved after reviewing 09.01.2023; accepted for publication 31.01.2023.

* * *

УДК 343.102

doi: 10.25724/VAMVD.A089

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ ОПЕРАЦИЙ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Святослав Игоревич Иванов

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, Симферополь, Россия
sviatoslavigor@gmail.com

Аннотация. Современные реалии диктуют необходимость поиска и внедрения новых адекватных и эффективных способов решения проблем, связанных с противодействием преступности, одним из которых могут выступать оперативно-разыскные операции органов внутренних дел, способные повысить результативность данного направления деятельности. Основываясь на анализе научной литературы и практическом опыте, автор определяет оперативно-разыскную операцию как наиболее эффективную форму противодействия преступности с широким применением оперативных комбинаций и оперативной игры. На основе рассмотрения особенностей оперативно-разыскной операции выделены главные признаки, обоснована необходимость ее применения как высшей организационной формы ведения оперативно-разыскной деятельности ввиду универсальности и возможности способствовать решению всех поставленных задач. Кроме того, оперативно-разыскные операции рассмотрены в контексте всестороннего научного исследования, в связи с чем обозначены объект и предмет, а также цель и задачи исследования. Проведенный в статье анализ позволил обосновать актуальность обозначенной темы и своевременность ее изучения.

Ключевые слова: операция, оперативно-разыскная операция, оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскное мероприятие, обеспечение национальной безопасности, объект исследования, предмет исследования

Для цитирования: Иванов С. И. Концептуальные основы оперативно-разыскных операций органов внутренних дел как предмет научного исследования // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 1 (64). С. 116—122. doi: 10.25724/VAMVD.A089

**CONCEPTUAL BASES
OF OPERATIVE-INVESTIGATIVE OPERATIONS
OF INTERNAL AFFAIRS BODIES
AS A SUBJECT OF SCIENTIFIC RESEARCH**

Sviatoslav Igorevich Ivanov

Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Simferopol, Russia
sviatoslavigor@gmail.com

Abstract. Modern realities dictate the need to search and introduce new adequate and effective ways of solving problems related to combating crime, one of which can be operative-investigative operations of internal affairs bodies that can increase the effectiveness of this direction of activity. Based on the analysis of scientific literature and practical experience, the author defines operative-investigative operation as the most effective form of combating crime with extensive use of operational combinations and operational game. On the basis of consideration of features of operative-investigative operation basic signs are allocated; necessity of its application as the higher organizational form of conducting of operative-investigative activity, in view of universality and possibility to promote the decision of all tasks in view is proved. Besides, operative-investigative operations are considered in the context of the comprehensive scientific research, in this connection the object and subject, and also the purpose and problems

of research are designated. The analysis carried out in the article allowed to substantiate the relevance of the designated topic and the timeliness of its study.

Keywords: operation, operative-investigative operation, operative-investigative activity, operative-investigative action, ensuring national security, object of research, subject of research

For citation: Ivanov S. I. Conceptual bases of operative-investigative operations of internal affairs bodies as a subject of scientific research. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 116—122, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A089

Сложившаяся в России и мире политическая обстановка, проведение специальной военной операции на территории Украины, враждебные действия иностранных государств и их специальных служб, нацеленные на активизацию деструктивных процессов внутри нашего государства наряду с сопутствующими этому процессами в экономике, не могут не вызывать беспокойства и необходимости поиска эффективных путей решения возникающих проблем, в том числе в сфере правоохранительной деятельности.

Обеспокоенность также усиливает постоянно растущая нагрузка на сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел (далее — ОВД) при существовании некомплекта и перспективах его дальнейшего роста, недостаточность материального обеспечения в условиях экономических санкций и рост отдельных видов преступлений. Такие процессы требуют от руководства МВД России поиска и внедрения новых адекватных и эффективных способов решения проблем, связанных с противодействием преступности. В связи с этим целесообразно рассмотреть вопрос научного исследования концептуальных основ оперативно-разыскных операций (далее — ОРО) ОВД, что позволит в последующем использовать полученные результаты в практической деятельности оперативных подразделений.

Прежде всего отметим, что операция, как организационная форма, имеет широкое распространение в различных сферах человеческой деятельности и доказала свою эффективность в достижении поставленных целей и решении задач в военном искусстве, разведке и контрразведке.

В деятельности ОВД операция так же хорошо известна и чаще всего проводится в виде специальных и оперативно-профилактических операций.

В криминалистике и следственной практике используются признание и применяются тактические операции, нацеленные на обеспечение результативного расследования уголовных дел и решение возникающих в ходе этого задач.

Вместе с тем ОРО как отдельный вид правоохранительной операции мы относим к числу основных комплексных форм осуществления оператив-

ными подразделениями ОВД своей оперативной функции. Она представляет собой особую систему оперативно-разыскных мероприятий (далее — ОРМ) и иных действий, направленных на решение задач оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД), осуществляемых в соответствии с единым замыслом, на основе единого плана и согласованных по цели, времени, месту (объектам) и способам действий [1, с. 112].

Анализ сфер деятельности, в которых обосновано применение операций, говорит о том, что все они, прежде всего, характеризуются как связанные с ведением противоборства и использующие для этого согласованные действия группы лиц. Данный факт свидетельствует о неразрывной связи операции с военной, специальной и оперативно-разыскной тактикой. Это наглядно демонстрирует история ОРД в России [2]. Вышесказанное также подтверждает важность и необходимость решения вопроса об организации и построении деятельности участников операции, что в итоге обосновывает объективность отнесения ОРО к особой организационно-тактической форме ОРД. Вместе с тем организационное построение в такой операции выражается в материальном мире, а тактика — в нематериальном, интеллектуальном (по крайней мере та часть тактики, которая исследует вопросы мыслительной деятельности оперативных сотрудников, т. е. оценки оперативной ситуации, принятия решений на проведение ОРМ и т. п.).

В контексте вышесказанного необходимо также отметить, что в теории и практике деятельности зарубежных правоохранительных органов получило распространение использование несколько иных терминов: агентурная операция, тайная операция, полицейская операция [3]. С первых лет XXI в. в борьбе с организованной преступностью все чаще применяются новые методы расследования тяжких преступлений и установления подозреваемых, направленные на сбор информации таким образом, чтобы не вызвать подозрений у объекта расследований [4, с. 51]. В США эта форма борьбы с организованной преступностью и терроризмом получила общее название «операция».

В России различные подразделения ОВД в своей повседневной оперативно-служебной деятельности достаточно широко применяют те или иные виды операций: специальные, оперативно-профилактические и оперативно-разыскные. Однако последний вид операций в силу специфики, обусловленной необходимостью обеспечения в большинстве случаев принципа конспирации, не в полной мере исследован даже на общетеоретическом уровне.

Между тем очевидно, что именно ОВД являются основным субъектом, обеспечивающим законные права и интересы как государства, так и его граждан, для которых организованная преступность, экстремизм и терроризм [5] представляют угрозу. Именно ОВД располагают системой оперативных подразделений, наделенных правом применять весь арсенал как гласных, так и негласных сил, средств и методов ОРД. Такие силы и средства ОРД являются одновременно силами и средствами ОРО, что позволяет оперативным подразделениям решать весь спектр задач, стоящих перед ними. Для этого необходима правильная организация повседневной деятельности, постоянное отслеживание поступающей информации о внешней среде и состоянии системы управления. Совокупность этих сведений в теории ОРД принято называть оперативной обстановкой, а их сбор, оценку, отслеживание — оперативным обслуживанием.

Показательно и то, что термин «оперативно-разыскная операция», хотя и не нашел должного закрепления в различных нормативных правовых актах, регламентирующих ОРД ОВД МВД России, встречается в научной литературе. В том или ином контексте термин «операция» также часто используется в профессиональном общении сотрудников оперативных подразделений, как правило, в случаях, связанных с организацией и проведением отдельных ОРМ, комплексов ОРМ, оперативных комбинаций. И все же считаем, что оперативная комбинация применяется исключительно в тактических целях для обеспечения тех или иных ОРМ. Когда для целей ОРМ требуется несколько последовательных оперативных комбинаций, объединенных единым замыслом, — это уже оперативная игра, проводимая в ходе операции, что и должно именоваться ОРО.

Впервые тему тактических операций затронул А. В. Дулов [6], а тему оперативно-разыскных операций — В. И. Михайлов [7], при этом мнение А. В. Дулова было поддержано И. Ф. Герасимовым, И. М. Комаровым, А. С. Фоминой, В. И. Шикановым и другими. В результате термин «тактическая операция» или «криминалистическая операция»

прочно вошел в обиход. Термин же «оперативно-разыскная» или «операция в ОРД» поддержан А. А. Бабушкиным, Н. А. Губановой, В. С. Гурьевым, Ю. В. Дубко, А. А. Масловым, М. Б. Саакяном, Е. Г. Самовичевым, А. М. Хлусом и некоторыми другими, однако общепринятым его назвать еще нельзя.

Среди ученых, в работах которых исследуются вопросы управления специальными операциями, имеющими определенные аналогии с ОРО, следует назвать А. А. Бородича, М. А. Громова, Ю. В. Дубко, А. А. Жижко, А. Ф. Майдыкова, В. В. Манышева, Н. В. Румянцева, В. И. Севрюкова, Н. С. Троицкого, А. М. Чеченова и др. Поскольку ведение ОРО почти всегда связано с широким использованием помощи лиц, оказывающих конфиденциальное содействие оперативным подразделениям, и иными методами работы, специфичными только для ОРД, необходимо также обратить внимание на труды Л. М. Аваева, А. И. Алексеева, С. А. Буткевича, С. И. Давыдова, Е. С. Дубоносова, М. М. Матвеева, В. В. Половки, Г. К. Синилова, В. П. Хомколова, А. Е. Чечетина, А. В. Шахматова и других авторов, посвященные этим вопросам.

Вышеизложенное свидетельствует об актуальности теоретического исследования уже самих ОРО, проводимых сотрудниками именно оперативных подразделений ОВД. Это обусловлено, с одной стороны, недостаточностью научного рассмотрения указанной проблематики, а с другой — потребностями практики в силу ряда факторов, требующих повышения эффективности обеспечения национальной безопасности России.

Своеобразие характера возможных угроз безопасности нашей страны сегодня, среди прочего, состоит в том, что в условиях специальной военной операции деятельность ОВД на новых территориях России — Донецкой и Луганской народных республиках, Запорожской и Херсонской областях — фактически осуществляется в особых условиях, что часто требует проведения частных специальных операций силами ОВД. Для успешного исхода этих операций крайне необходимо соответствующее оперативно-разыскное обеспечение (информационное, аналитическое и т. п.). Наиболее эффективное оперативно-разыскное обеспечение специальных операций представляет собой именно ОРО, проводимая с целью решения поставленной задачи оперативно-разыскными силами, средствами и методами, что позволяет завершать специальные операции без существенных потерь или в условиях, наиболее выгодных для ОВД. Последнее обстоятельство обуслови-

вадет своевременность и актуальность исследования различных граней оперативно-разыскных операций в ОРД ОВД. Соответственно, объектом такого исследования должны стать общественные отношения, возникающие в процессе организации и ведения таких операций, проводимых сотрудниками оперативных подразделений ОВД. Предметом — концептуальные основы, позволяющие четко раскрыть правовые, организационно-управленческие, организационно-тактические закономерности использования сил, средств, методов ОРД в процессе планирования и осуществления ОРО сотрудниками оперативных подразделений ОВД, а также последующего использования полученных результатов.

Исходя из сказанного считаем, что общей целью такого исследования должно стать комплексное изучение вопросов обеспечения национальной безопасности России посредством организации функционирования системы источников информации о лицах и фактах, представляющих оперативный интерес для ОВД, получения и обработки сведений, характеризующих оперативную обстановку на территории обслуживания. Это в итоге сможет в значительной мере способствовать повышению эффективности в первую очередь своевременного выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений террористического характера и экстремистской направленности, а также иных тяжких и особо тяжких преступлений.

Для достижения поставленной цели необходимо в процессе проводимого исследования различных аспектов ОРО в ОРД ОВД решить следующие частные задачи:

1) изучить теоретико-правовые, гносеологические, методологические аспекты ОРО ОВД, их понятие и сущность в системе национальной безопасности России;

2) провести историко-правовой анализ становления и развития оперативно-разыскной политики в России;

3) раскрыть организационные основы ОРО ОВД;

4) определить тактический базис ОРО ОВД;

5) сформулировать на этой основе допустимые направления совершенствования правового, кадрового, материально-технического, информационного и иного обеспечения ОРО ОВД, равно как и наиболее эффективные критерии их оценки в зависимости от вариантов использования полученных результатов.

В то же время важно понимание следующего факта, что посредством проведения операции всегда должно достигаться решение как законода-

тельно определенных общих задач ОРД, так и вытекающих из них частных. Соответственно, к числу таковых применительно к сфере ответственности ОВД в первую очередь необходимо относить:

— выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений;

— выявление и установление лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших преступления;

— розыск преступников и лиц, без вести пропавших;

— подбор и привлечение отдельных лиц к содействию оперативным подразделениям ОВД на добровольной основе, в том числе конфиденциально, по контракту, долговременно и возмездно;

— преодоление противодействия со стороны преступников в раскрытии преступления;

— добывание и проверка оперативно значимой информации;

— документирование преступных действий проверяемых и разрабатываемых лиц;

— создание и подтверждение легенды;

— обеспечение благоприятных условий для решения всех названных выше и иных задач ОРД, в том числе другими субъектами этой деятельности в России.

Определяя цели и задачи исследования ОРО в ОРД ОВД, необходимо также отметить наличие объективно существующей ассоциативной связи в сознании как теоретиков, так и практиков этой особой формы оперативной работы с организацией и тактикой в целом ОРД.

Обратим внимание на тот факт, что среди оперативных подразделений наибольшее признание ОРО получила у сотрудников оперативных подразделений, ведущих деятельность по схеме «от лица — к преступлению». В первую очередь, по общему правилу, это сотрудники подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции, по контролю за оборотом наркотиков, по противодействию экстремизму. Несколько иное понимание и признание ОРО получила у сотрудников иных оперативных подразделений ОВД, работающих преимущественно по тактической схеме «от преступления — к лицу», хотя и для них применение ОРО является эффективным.

Кроме того, чаще существование такой организационно-тактической формы, как ОРО, признают сотрудники оперативных подразделений регионального и федерального уровней. Данное положение вещей указывает на то, что ОРО наиболее востребованы для выявления и документирования латентных преступлений; избличения лиц, их под-

готовящих и совершающих; борьбы с организованными группами и преступными сообществами; а также подобные операции проводятся с использованием властных административных полномочий их руководителя.

Кроме того, указанный факт позволяет утверждать, что противоборствующей оперативному подразделению в случае необходимости проведения именно ОРО стороной практически всегда является лицо или группа лиц с набором особых характеристик. К числу таких характеристик в первую очередь необходимо относить:

— знание указанными лицами методов конспирации и владение навыками социальной мимики;

— осведомленность и наличие опыта в подготовке, совершении и сокрытии преступлений;

— осведомленность и наличие опыта в осуществлении противодействия работе оперативных подразделений;

— профессионализм преступных действий; использование средств, добытых преступным путем, для обеспечения собственной безопасности;

— сплоченность, согласованность, скоординированность и мотивированность действий членов организованных групп и преступных сообществ;

— информированность о силах, средствах и методах оперативной работы;

— способность организовывать и проводить контрразведывательные мероприятия и выявлять конфиденентов оперативных подразделений в криминальной среде;

— умение вести контрагентурную работу;

— высокую материальную обеспеченность, в том числе оружием и специальной техникой;

— широкое использование возможностей адвокатской помощи и защиты;

— оказание преступного воздействия на участников уголовного процесса;

— задействие коррупционных связей в органах власти, правоохранительных органах и судах;

— использование информационно-телекоммуникационных сетей, криптовалюты в целях совершения дистанционных преступлений и легализации доходов, полученных преступным путем;

— возможность влияния на общественное мнение посредством коммерческих средств массовой информации, социальных сетей и т. д.

Приведенные выше характеристики преступника в значительной степени совпадают с поисковыми признаками агента иностранных спецслужб, что, в свою очередь, еще раз подтверждает обоснованность и эффективность использования опыта

отечественных контрразведывательных операций в деятельности оперативных подразделений ОВД на современном этапе.

В то же время исследование доступных материалов практики проведения ОРО ОВД свидетельствует об отсутствии должного нормативно-правового регулирования этого направления деятельности оперативных подразделений ОВД.

Во-первых, в силу необходимости обеспечения принципа конспирации, что в том числе обусловлено защитой сведений, составляющих государственную тайну, с одной стороны, а также (в ряде случаев) субъективного мнения оперативных сотрудников, следователей и судей — с другой, достаточно сложно по материалам уголовных дел объективно определить реальное число результатов проведенных ОРО. Проблематично при этом сделать такой подсчет как на конкретной территории, так и за определенный временной период.

Во-вторых, как следствие, субъективность таких оценок затрудняет выявление типичных ошибок при подготовке и ведении операций, принятие мер, направленных на устранение препятствующих успеху обстоятельств и совершенствование правоприменительной практики при использовании этой организационно-тактической формы ОРД.

О неоднозначном понимании терминов «оперативная игра», «оперативная комбинация», «сложное оперативно-разыскное мероприятие» и смешивании этих понятий с понятием ОРО свидетельствует следующий типичный пример. При организации дополнительного профессионального обучения сотрудников уголовного розыска и на его завершающем этапе дважды проводилось анкетирование, содержащее практически повторяющиеся вопросы. Основное внимание уделялось пониманию и усвоению обучаемыми принципов операций (общим организационным и оперативно-тактическим), но полученные результаты вышли за рамки этих целей. Так, при первоначальном опросе 40 % опрошенных заявили, что за время службы участвовали в операциях, и все 100 % указали принцип конспирации обязательным, но только 22 и 29 % соответственно заявили об обязательности принципов взаимодействия и внезапности. Перед окончанием обучения, в ходе которого до обучаемых доводилось понятие операции, уже 76 % сослались на личное участие в операциях, а 96 и 92 % соответственно указали на взаимодействие и внезапность как на обязательные [8, с. 119].

В качестве первоначальной меры, направленной на устранение этого недостатка, считаем необходимым дополнить соответствующие ведомств-

венные нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы организации и тактики ОРД, самостоятельным разделом, в котором закрепить общую формулировку понятия ОРО как высшей организационно-тактической формы этого особого вида деятельности. Целесообразно также в таком разделе указать основные признаки ОРО, обязательные для ее отграничения от иных организационно-тактических форм ОРД.

К основным признакам ОРО считаем целесообразным отнести следующие:

1) некое минимальное количество участников (оперативных подразделений, конфидентов, оперативных сотрудников, других подразделений либо сотрудников полиции, чьи действия не могут быть поименованы как ОРМ, но проводятся в интересах ОРО);

2) наличие общего субъекта управления (штатного или временного);

3) организация и ведение всех действий на основе единых замысла и плана;

4) согласование этих действий по цели, времени, месту (объектам) и способам;

5) концентрация сил и средств оперативных подразделений;

6) маневр силами и средствами в пространстве и путем временного изменения функциональных обязанностей;

7) напряженный режим работы;

8) непрерывность мер и действий;

9) конспиративность, зашифрованная или замаскированная форма осуществления, наличие легенды;

10) доминирование ОРМ над иными мерами и действиями;

11) ограниченная связь ОРМ и иных действий со следственными и судебными действиями.

В то же время, осознавая многогранность ОРО ОВД, а также специфику данной темы в силу необходимости обеспечения защиты сведений, составляющих государственную тайну, считаем, что рассмотренные нами в настоящей статье вопросы позволили наглядно отразить актуальность обозначенной проблемы и своевременность ее исследования. Вместе с тем наше видение отдельных общих теоретико-правовых вопросов ОРО, проводимых сотрудниками оперативных подразделений ОВД, де-факто способно стать фундаментом изучения их концептуальных основ, а полученные результаты могут быть востребованы как в теории, так и в практике ОРД ОВД, позволят более качественно анализировать ход планирования, ведения и использования результатов ОРО; выявлять и исправлять ошибки в организации, проведении ОРО и реализации их результатов; обучать сотрудников и руководителей оперативных подразделений ОВД основам ОРО.

1. Иванов С. И. Оперативно-розыскная операция: понятие и основные особенности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 4. С. 109—113.

2. Павличенко Н. В., Катков С. В. Историко-правовые аспекты становления и развития розыскной деятельности в дореволюционной России // Вопросы истории. 2021. № 8-2. С. 251—259.

3. Осипенко А. Л. Сбор информации и полицейские операции по противодействию организованной преступности в киберпространстве: зарубежный опыт // Общество и право. 2021. № 1 (75). С. 47—55.

4. Шарихин А. Е. Переход на новую парадигму оперативно-розыскной деятельности как необходимое условие повышения эффективности в борьбе с организованной преступностью // Мониторинг правоприменения. 2019. № 2. С. 47—51.

5. Буткевич С. А. Терроризм и экстремизм в Российской Федерации: реальные и потенциальные угрозы // Евразийский юридический журнал. 2016. № 4 (95). С. 285—287.

6. Дулов А. В. О разработке тактических операций при расследовании преступлений //

1. Ivanov S. I. Operative-search operation: concept and main features. Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 109—113, 2018. (In Russ.).

2. Pavlichenko N. V., Katkov S. V. Historical and legal aspects of the formation and development of search activity in pre-revolutionary Russia. Issues of history, 251—259, 2021. (In Russ.).

3. Osipenko A. L. Collection of information and police operations to counter organized crime in cyberspace: foreign experience. Society and law, 47—55, 2021. (In Russ.).

4. Sharikhin A. E. Transition to a new paradigm of operational-search activity as a necessary condition for increasing efficiency in the fight against organized crime. Law enforcement monitoring, 47—51, 2019. (In Russ.).

5. Butkevich S. A. Terrorism and extremism in the Russian Federation: real and potential threats. Eurasian legal journal, 285—287, 2016. (In Russ.).

6. Dulov A. V. On the development of tactical operations in the investigation of crimes. In: 50 years of the Soviet prosecutor's office and problems

50 лет советской прокуратуры и проблемы совершенствования предварительного следствия. Москва, 1973. С. 23—26.

7. Михайлов В. И. Контролируемая поставка как оперативно-розыскная операция: учеб.-практ. пособие. Москва, 1998. 92 с.

8. Иванов С. И. Принципы осуществления оперативно-розыскных операций // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2020. № 4. С. 118—124.

Иванов Святослав Игоревич

начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент; sviatoslavigor@gmail.com

of improving the preliminary investigation. Moscow; 1973: 23—26. (In Russ.).

7. Mikhailov V. I. Controlled delivery as an operational-search operation. Study guide. Moscow; 1998: 92. (In Russ.).

8. Ivanov S. I. Principles for the implementation of operational-search operations. Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 118—124, 2020. (In Russ.).

Ivanov Sviatoslav Igorevich,

head of operational investigation and special equipment department of the Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences, docent; sviatoslavigor@gmail.com

Статья поступила в редакцию 20.01.2023; одобрена после рецензирования 30.01.2023; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 20.01.2023; approved after reviewing 30.01.2023; accepted for publication 31.01.2023.

* * *

УДК 343.35(09)
doi: 10.25724/VAMVD.A085

**ЗАЩИТА ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ЛИЦ,
ВЫПОЛНЯЮЩИХ ПОЛИЦЕЙСКИЕ ФУНКЦИИ,
ОТ ДИСКРЕДИТАЦИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ:
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Мария Евгеньевна Дубова

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия
shaleeva0005@rambler.ru

Аннотация. В рамках настоящей статьи автор предпринял попытку исследовать сущность и способ функционирования механизмов защиты чести и достоинства лиц, выполняющих полицейские функции в дореволюционной России. Рассмотрены ранние этапы развития органов внутренних дел, изучены основные памятники российского законодательства, прямо и косвенно затрагивающие вопросы противодействия дискредитации стражей правопорядка. На основе сравнительного исследования различных точек зрения авторов, занимающихся проблемами возникновения и эволюции органов полиции в России, выделены ключевые этапы становления и развития механизмов защиты чести и достоинства сотрудников органов, выполняющих полицейские функции.

Представлены авторские суждения относительно исторической обусловленности противодействия дискредитации органов внутренних дел. Установлено, что на всех этапах развития российской государственности правовой и социальной защите авторитета и имиджа правоохранителей уделялось пристальное внимание законодателя. Выяснено, что за время своего существования российское государство использовало широкий арсенал самых многообразных механизмов противодействия дискредитации органов внутренних дел, особое место среди которых отводилось средствам уголовно-правового характера.

Ключевые слова: исторический анализ, дискредитация ОВД, дореволюционная Россия, полиция, честь и достоинство, имидж, защита, преступность, средства противодействия дискредитации

Для цитирования: Дубова М. Е. Защита чести и достоинства лиц, выполняющих полицейские функции, от дискредитации в дореволюционной России: уголовно-правовой аспект // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 1 (64). С. 123—129. doi: 10.25724/VAMVD.A085

**PROTECTION OF THE HONOR AND DIGNITY OF PERSONS
PERFORMING POLICE FUNCTIONS FROM DISCREDITING
IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA: CRIMINAL-LEGAL ASPECT**

María Evgenievna Dubova

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia
shaleeva0005@rambler.ru

Abstract. Within the framework of this article, the author has attempted to consider the essence and mode of functioning of mechanisms for protecting the honor and dignity of persons performing police functions in pre-revolutionary Russia. The early stages of the development of internal affairs bodies are considered, the main monuments of Russian legislation, directly and indirectly affecting the issues of countering the discrediting of law enforcement officers, are studied. Based on a comparative study of various points of view of the authors who develop the problems of the emergence and evolution of police bodies in Russia, the key stages of the formation and development of mechanisms for protecting the honor and dignity of employees of bodies performing police functions are highlighted.

The author's judgments on the historical conditionality of countering the discrediting of internal affairs bodies are presented. It is established that at all stages of the development of the Russian statehood, the legislator paid

close attention to the legal and social protection of the authority and image of law enforcement officers. It has been found out that during its existence, the Russian state has used a wide arsenal of the most diverse mechanisms to counteract the discrediting of internal affairs bodies, a special place among which was given to criminal law means.

Keywords: historical analysis, discrediting the ATS, pre-revolutionary Russia, police, honor and dignity, image, protection, crime, means of countering discrediting

For citation: Dubova M. E. Protection of the honor and dignity of persons performing police functions from discrediting in pre-revolutionary Russia: criminal-legal aspect. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 123—129, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A085

За свою многовековую историю органы внутренних дел Российской Федерации (далее — ОВД РФ) прошли различные этапы реформирования. Государством предпринимались многочисленные попытки совершенствования и оптимизации деятельности полиции, направленные на минимизацию уровня преступности, повышение степени доверия населения, налаживание плодотворного сотрудничества сотрудников ОВД РФ с обществом.

Несмотря на многие факторы во внутренней и внешней политике, в экономике и социальной сфере, по замечаниям ряда авторов, авторитет и имидж сотрудника ОВД в досоветской, советской России и в начале XXI в. был намного выше, чем на современном этапе [1, с. 125]. Примечательно, что многие научно-исследовательские федеральные и ведомственные организации, предоставляющие статистическую отчетность об уровне доверия граждан к полиции, в последние годы заявляют об улучшении отношения населения к правоохранительным органам и их деятельности¹. Вместе с тем не можем не согласиться с существующей в настоящий момент точкой зрения, что фактически авторитет ОВД находится на неудовлетворительно низком уровне. Данная негативная тенденция, безусловно, беспокоит и самих сотрудников ОВД: по результатам анкетирования, полученным Д. А. Шпилевым, С. А. Алексеевым и Е. Е. Шлягиной, практические сотрудники считают, что они не пользуются большим уважением в обществе и не находятся под достаточной правовой защитой [2, с. 294—296].

Указанное подтверждают многочисленные репортажи, видеосюжеты и публикации компрометирующего характера, выставяющие сотрудников полиции в невыгодном свете. Они регулярно публикуются в социальных сетях, на каналах видеохостингов, в электронных и печатных изданиях прессы, становясь предметом активных дискуссий между поль-

зователями в комментариях². Дискредитация ОВД стала целым направлением деятельности оппозиционно настроенных к силовому блоку государства источников средств массовой информации, публичных личностей (блогеров, активистов, представителей шоу-бизнеса, политиков), т. е. лидеров общественного мнения, формирующих точку зрения большинства.

По мнению многих исследователей, изучение закономерностей и тенденций развития того или иного правового явления предполагает анализ его исторической эволюции, характерных черт и свойств в отдельные промежутки исторического развития государства и общества [3, с. 44]. Для того чтобы выявить основные направления противодействия тому или иному негативному социально-правовому явлению (в нашем случае — дискредитации ОВД), необходимо проследить его исторические корни, определить момент его зарождения, развития, периоды наиболее яркого проявления и обусловившие это причины. В связи с этим считаем целесообразным изучить исторический аспект борьбы с дискредитацией российской полиции, рассмотреть эволюцию механизма защиты чести, достоинства и деловой репутации лиц, выполняющих функции ОВД, с момента возникновения правоохранительных органов до наших дней.

Система противодействия дискредитации ОВД начинает складываться со времени создания Петром I в начале XVIII в. специального органа — полиции, однако считаем необходимым начать ее изучение с более раннего периода.

Единой позиции относительно периодизации истории ОВД пока не существует. Вместе с тем преобладающее число историков [4, с. 12] соглашается с классификацией по признаку наличия или отсутствия ОВД как регулярно действующих органов власти, выделяя при этом два основных периода:

¹ См., например: Российский полицейский — 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskii-policeiskii-2021> (дата обращения: 14.07.2022); Оценка деятельности полиции в Российской Федерации в 2021 г. URL: <https://мвд.рф/publicopinion> (дата обращения: 10.08.2022).

² См., например: В Ингушетии полицейские избили гражданина и расстреляли его автомобиль. URL: <https://regnum.ru/news/society/3532146.html> (дата обращения: 14.06.2022).

1) IX—XVII вв. (ОВД функционируют как нерегулярные, неспециализированные властные структуры);

2) XVIII в. — настоящее время (создание российской полиции, действующей на регулярной основе, с собственной компетенцией) [4].

В Древнерусском государстве княжеская власть стала постепенно отделяться от власти старейшин родов и общин, опираясь на силы великокняжеской дружины, по сути выполнявшей полицейские функции: контроль за подчинением всех старейшин и князей Киеву, сбор дани, охрана суверенитета государства.

В связи с активным развитием государственности, укреплением власти великого князя, появлением первого источника писаного права — Русской Правды период XI—XII вв. стал особенным и одним из важнейших этапов в становлении и развитии правоохранительной сферы — органов и должностных лиц, обеспечивающих правопорядок.

Русская Правда в качестве таковых указывает княжских мужей, на которых возлагались функции по борьбе с пожарами, сбору дани. Как отмечает В. О. Ключевский, особое внимание Русская Правда уделила защите чести и достоинства людей, «постоянно имеющих при себе наготове меч» — представителей служилого и военного сословия [5]. Их особый статус регламентировался нормами Русской Правды: согласно ст. 1 Пространной редакции посягательство на честь, жизнь и здоровье княжьего мужа каралось самой высокой вирой — 80 гривен в случае причинения смерти, что в два раза выше штрафа за посягательства на представителей других классов древнерусского общества¹.

Кроме того, первые годы существования Древнерусского государства характеризуются зарождением уголовного законодательства, в том числе регламентирующего ответственность за посягательства против чести и достоинства свободных людей. Как отмечает М. Н. Тихомиров, оскорбляющими честь «обидами» (уголовными правонарушениями) по Русской Правде являлись следующие действия виновных: удар палкой, жердью, ладонью, чашей, рогом или тылом оружия, удар мечом, не вынув его из ножен, или рукоятью меча, вырывание усов или бороды [6, с. 77]. В статье 31 Устава князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных [7] оскорблением признавалось повреждение бороды или волос на голове, за которое

судом в пользу потерпевшего назначался штраф. Аналогичное преступление против чести людей служилых указывалось в статьях Псковской и Новгородской судебных грамот — «вырывание усов и бороды» [8].

По мнению Д. В. Омельченко, специальная норма, предусматривающая уголовную ответственность за оскорбление представителя власти, впервые упоминается в Двинской уставной грамоте 1397 г., ст. 2 которой предусматривает следующую формулировку: «...аще кто излает боярина...» [9]. Примечательно, что бояре в рассматриваемый период развития Российского государства непосредственно выполняли многие правоохранительные функции, полномочия представителей власти.

С течением времени, развитием государственности и централизацией власти механизм защиты чести и достоинства служилого дворянства и государственных служащих значительно укрепляется. Так, Судебник Ивана IV Грозного дифференцирует уголовную ответственность за посягательства на честь и достоинство представителей разных сословий. Самая высокая плата назначалась за бесчестие бояр, находящихся на кормлении (т. е. должностных лиц, выполняющих фискальные, судебные, административные функции) [10].

В нормах Судебника 1589 г. (ст. 55—58) предусматривались наказания за бесчестие (оскорбление словом или действием) целовальников, сотских, пятидесятских, т. е. госслужащих, исполняющих полицейские функции на местах [11].

Значительное развитие системы уголовно-правовых мер защиты чести и достоинства правоохранителей происходит в XVII в. ввиду принятия Соборного уложения 1649 г. Данный правовой источник различал наказания за посягательства на честь и достоинство представителей разных сословий в зависимости от занимаемых ими должностей. Под оскорблением понималось бесчестие, подразумевающее ругательство непригожими словами (ст. 90 гл. X), либо бесчестие, нанесенное в иных формах. Кроме оскорблений словом или делом, бесчестье могло быть нанесено путем клеветы. Например, ст. 12 гл. VII предусматривает следующую формулировку: «...А будет кто на бояр и на воевод в посулах учнет бити челом государю ложно, затеяв напрасно, а сыщется про то допряма, и тем за боярское и за воеводское бесчестие и за ложное их челобитье чинити жестокое же наказание, что государь укажет».

Общая норма, предусматривающая ответственность за посягательство на достоинство лиц, выполняющих полицейские полномочия, закреплена

¹ Русская Правда (пространная редакция): [в пер.]. URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/russkaya-pravda-prostrannaya/russkaya-pravda-prostrannaya.htm> (дата обращения: 18.08.2022).

ст. 93 гл. X Соборного уложения: «Аще кто, какого бы чину ни был, учинит бесчестье стольнику, или стряпчему, или дворянам московским, или дьякам, или жильцам, или дворянам, или детям боярским городовым, или иноземцам, или дворовым людям, или подьячим, или иным всяких чинов людям, которые государево денежное жалованье получают, а по суду или по сыску сыщется о том доподлинно, и им на тех людях, кто их обесчестит, править бесчестье же» [12, с. 145]. Примечательно, что санкции за оскорбление различных должностных лиц, помимо штрафов, стали предусматривать телесные наказания и даже тюремное заключение.

Следующий этап развития механизма защиты чести и достоинства стражей порядка — имперский (монархический), охватывающий временной промежуток с XVIII до начала XX в., связан с формированием специализированного и самостоятельного ведомства, именуемого полицией.

Указ Петра I от 25 мая 1718 г. стал правовой основой деятельности полицейских органов, функционирующих на регулярной основе с точно обозначенной компетенцией: охрана правопорядка, обеспечение общественного спокойствия, надзор за соблюдением правил торговли, строительства, санитарной безопасности, пресечение фактов бродяжничества и нищенства, борьба с пожарами и пр.

Особое внимание было обращено на нравственные качества полицейского, на его место в обществе. Так, в Регламенте Главного магистрата от 1721 г. указывалось, что «...полиция — есть душа гражданства и всех добрых порядков...» [13, с. 195]. Особый статус полицейского обусловил необходимость нормативного закрепления основных мер защиты его чести и достоинства, деловой репутации всего ведомства.

Как отмечает М. Е. Матросова, на протяжении всего XVIII в. формировались основы уголовно-правового противодействия посягательствам против чести, под которыми понимались «наветные и поносные слова» («матерная брань», «смердящие и особливо злобственные слова» [14, с. 48]), а также даны нормативные трактовки «клеветы» и «оскорбления». Артикул Воинский от 1715 г. упоминал два вида клеветы: письменную (в форме анонимного доноса) и устную. Виновный привлекался к ответственности за преступления, в которых заведомо ложно обвинял потерпевшего: «...Челобитчик имеет челобитье свое право доносить и остерегать себя, чтоб ничего не прибавлять, чего доказать не может, что подлинно учинено, а ежели неправое челобитье учинит, то и он наказан будет, равно как и други...» [15, с. 357].

Манифест Екатерины II «О поединках» от 1787 г. раскрыл объективную сторону «оскорбления (обиды)»: «...Буде кто кого вредит в праве или по совести, как-то: порочит, поклепит, пренебрежет, уничтожит или задерет» [16, с. 139]. Примечательно, что законодатель значительно ужесточает наказания за преступления против чести служилого дворянства, чиновников, жандармов и полицейских. Устав «О наказаниях, налагаемых мировыми судьями» 1864 г. [17] в главе второй, определяющей наказания за проступки против порядка управления, предусматривает п. 31, дифференцирующий санкции в зависимости от формы оскорбления полицейских или иных стражей во время несения службы. Так, за словесную обиду виновный мог быть подвергнут аресту до одного месяца или денежному взысканию до 100 рублей; в случае оскорбления действием арест мог быть продлен на срок до трех месяцев. Кроме того, Уставом была отдельно предусмотрена гл. 11, регламентирующая уголовную ответственность за оскорбление чести. В частности, ст. 130 и 135 указали возможные формы «простого» оскорбления: на словах; на письме; обида действием. Статьи 131 и 135 определили «квалифицированное» оскорбление (обиду), указав признак заведомости (с заранее обдуманном намерением), место (публичное, многолюдное), а также возможных потерпевших (лицо, имеющее право на особое уважение; женщина). Отдельно была указана санкция за клевету на словах или на письме (ст. 137 Устава), которая предусматривала арест до двух месяцев; если же было оклеветано «лицо, имеющее право на особое уважение», виновный мог быть подвергнут аресту до трех месяцев.

Последним источником уголовного права досоветской России стало Уголовное уложение от 22 марта 1903 г. (далее — Уложение) [18]. Особый интерес представляет гл. 6 Уложения, посвященная проступкам, связанным с неповиновением власти. В частности, ст. 139 установила ответственность за «ослушание законного распоряжения или требования служащего...», предусмотрев в качестве наказания штраф до 50 рублей. Статья 142 установила санкцию в виде тюремного заключения за оказание сопротивления с применением насилия (угрозой его применения) или оружия к служащему с целью воспрепятствования его законной деятельности. В соответствии со ст. 154 преступлением, караемым тюремным заключением, признается оказание неуважения к власти путем совершения явно неприличного поступка в правительственном или общественном месте во время исполнения

должностными лицами служебных обязанностей; письменное или устное (распространенное, произнесенное, выставленное или прочтенное публично) оскорбление. Если оказание неуважения к власти сопровождалось насилием в отношении кого-либо из членов государственных органов, виновный мог быть заключен в исправительный дом. Кроме того, Уложение содержало гл. 7, посвященную посягательствам против правосудия, в том числе ст. 156—161 устанавливали ответственность за заведомо ложный донос, дачу заведомо ложных показаний, иные формы лжесвидетельства [18].

Достаточно подробно глава 26 Уложения регламентировала особенности привлечения к уголовной ответственности за оскорбление, которому посвящены ст. 530—542. Исследуя указанные нормы, можем выделить основные составы преступлений, связанных с оскорблением любого лица, в том числе представителя власти: 1) умышленное нанесение личной обиды обхождением или отзывом, позорящими потерпевшего; 2) «опозорение» путем разглашения информации, позорящей потерпевшего (в том числе в его отсутствие); 3) распространение или публичное выставление произведений, писем, изображений в печати повременных изданий; 4) разглашение заведомо ложного обстоятельства, подрывающего доверие к лицу (организации) или осуществляемой им служебной деятельности; то же деяние, совершенное путем разглашения в периодической печати; то же деяние, совершенное с целью причинения имущественного ущерба потерпевшему.

Особого внимания заслуживает нюанс, состоящий в наложении имущественной ответственности на редакторов и издателей печатных регулярных изданий (аналог современных СМИ), в которых были опубликованы порочащие сведения. Размер подобного денежного взыскания зависел от количества выпущенных в продажу экземпляров изданий, в которых содержалась оскорбительная информация.

Оскорбление считалось совершенным с отягчающими обстоятельствами, если потерпевший был: 1) родственником виновного по восходящей линии (отцом, матерью); 2) священнослужителем; 3) военным; 4) должностным лицом, исполняющим служебные обязанности, или оскорбленным в связи с занимаемым служебным положением.

Примечательно, что ст. 536 Уложения предусматривала возможные условия освобождения от наказания за нанесенное оскорбление (если оскорбления были взаимными, если оскорбленный отомстил

виновному равным образом), однако исключение составляли случаи оскорбления полицейских, иных стражей и служителей при исполнении служебных обязанностей: тогда виновный от наказания не освобождался. Данное обстоятельство подтверждает наш тезис о том, что даже в дореволюционной России честь и достоинство сотрудников полицейского ведомства находились под особой государственной защитой, а посягательства на них карались особенно жестко [18].

Следует отметить, что у преступного мира дореволюционной России и впоследствии у «воров в законе» советского периода существовал принцип: не убивать представителей власти, не причинять вред их здоровью и в целом с ними не взаимодействовать. Последствием посягательства на жизнь, честь и достоинство правоохранителя становилось не только уголовное преследование, но и наказание от криминальных авторитетов и организованных преступных группировок, вплоть до убийства [19].

Подводя итоги проведенного исследования, сформулируем наиболее важные выводы. С момента образования русского государства особое внимание уделялось механизмам защиты лиц, выполняющих полицейские функции, от посягательств на их честь, достоинство, деловую репутацию. Еще в нормах Русской Правды, Двинской уставной грамоты, Псковской и Новгородской судных грамот, Судебника Ивана IV Грозного и иных памятников российского права предусматривались строгие санкции за посягательства на представителей власти. На всех этапах развития российской государственности правовой и социальной защите авторитета и имиджа правоохранителей уделялось пристальное внимание законодателя. Это подтверждается наличием значительного количества памятников отечественного права, закрепляющих 1) тезисы об особой роли стражей правопорядка в обществе; 2) ответственность за посягательства на лиц, относящихся к числу правоохранителей.

За время своего существования российское государство использовало широкий арсенал самых многообразных средств противодействия дискредитации органов внутренних дел, а также механизмов защиты чести и достоинства их сотрудников. Уголовное законодательство России различных периодов предусматривало наиболее жесткое средство противодействия посягательствам на честь и достоинство стражей порядка — криминализацию и пенализацию деяний, связанных с дискредитацией представителя власти. Например, в Двинской уставной грамоте 1397 г. впервые была введена уголовная ответственность за оскорбление

представителя служилого сословия. Статья 93 Соборного Уложения 1649 г. предусматривала уголовное наказание в виде тюремного заключения за «бесчинье» служащих, в том числе за клевету, а Уголовное уложение 1903 г. криминализовало неповиновение представителю власти.

Нельзя не отметить и момент зарождения в начале XX в. механизмов ограничения СМИ при освещении служебной деятельности сотрудников правоохранительных органов. Важнейшим его средством стало установление уголовно-правового запрета на публикацию недостоверных и неverified данных, порочащих честь и достоинство стражей порядка, а также возможность наложения на редакторов имущественной ответственности при несоблюдении этого требования (впервые предусматривалось Уголовным уложением 1903 г.).

В заключение приведем цитату Л. Питера: «История вынуждена повторяться, потому что

ее никто не слушает». Изучение исторического опыта противодействия посягательствам на честь и достоинство сотрудников ОВД, дискредитирующим ведомство и умаляющим его авторитет, позволяет выявить эффективные и, наоборот, неэффективные методы и меры, предпринимаемые в этом направлении. Как мы можем заметить, законодатель издавна использовал уголовно-правовые средства противодействия дискредитации лиц, выполняющих полицейские функции. Уяснение исторического опыта противодействия дискредитации ОВД дает возможности для разработки и дальнейшей реализации комплекса действенных и результативных мер уголовно-правового характера, которые смогут в наиболее короткие сроки способствовать достижению достойного уровня авторитета современной российской полиции.

1. Власов М. М. Актуальные проблемы защиты сотрудников ОВД РФ от дискредитации // Научный портал МВД России. 2019. № 4 (48). С. 125—128.

2. Алексеев С. А., Шпилев Д. А., Шлягина Е. Н. Социальное самочувствие полицейских: гендерные и поселенческие особенности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология». 2020. Т. 20, № 3. С. 291—298.

3. Теунаев А. С.-У., Дубова М. Е. Новый взгляд на качественно-количественные показатели подростковой преступности в России // Юридические исследования. 2021. № 2. С. 44—63.

4. Соборнов П. Е. История органов внутренних дел: учебник. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 305 с.

5. Ключевский В. О. Русская история: полный курс лекций. В 3 т. Т. 1. Москва: АСТ; Минск: Харвест, 2002. 592 с.

6. Тихомиров М. Н. Пособие по изучению Русской Правды. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1953. 192 с.

7. История государственно-конфессиональных отношений в России (X — начало XXI века): хрестоматия: в 2 ч. / сост. Ю. П. Зуев. Ч. I: X — начало XX века. Москва: Изд-во РАГС: Медиа-Пром, 2010. 392 с.

8. Омельченко С. С. Оскорбление и клевета в уголовном праве России XI—XVII вв. // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 1. С. 240—245.

9. Омельченко Д. В. Уголовно-правовая характеристика оскорбления представителя власти: историко-правовой и сравнительно-правовой

1. Vlasov M. M. Actual problems of protection of employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation from discrediting. Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 125—128, 2019. (In Russ.).

2. Alekseev S. A., Shpilev D. A., Shlyagina E. N. Social well-being of police officers: gender and settlement features. News of Saratov University. A new series. Series "Sociology. Political science", 291—298, 2020. (In Russ.).

3. Teunaev A. S.-U., Dubova M. E. A new look at qualitative and quantitative indicators of juvenile delinquency in Russia. Legal studies, 44—63, 2021. (In Russ.).

4. Sobornov P. E. History of internal affairs bodies. Textbook. Moscow; Berlin: Direct-Media; 2020: 305. (In Russ.).

5. Klyuchevsky V. O. Russian History: a complete course of lectures. In 3 vols. Vol. 1. Ed. by V. O. Klyuchevsky. Moscow: AST; Minsk: Harvest; 2002: 592. (In Russ.).

6. Tikhomirov M. N. Handbook for the study of Russian Truth. Moscow: Moscow University Press; 1953: 192. (In Russ.).

7. The history of state-confessional relations in Russia (X — the beginning of the XXI century). Textbook. In 2 parts. Comp. Yu. P. Zuev. Part I: X — the beginning of the XX century. Moscow: Publishing House of RAGS; MediaProm; 2010: 392. (In Russ.).

8. Omelchenko S. S. Insult and slander in the criminal law of Russia XI—XVII centuries. Actual problems of Russian law, 240—245, 2008. (In Russ.).

9. Omelchenko D. V. Criminal-legal characteristics of insulting a representative of power: historical-

аспекты // Молодой ученый. 2018. № 19 (205). С. 305—312.

10. Российское законодательство X—XX вв. В 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А. Д. Горский. Москва: Юрид. лит., 1985. 519 с.

11. Смыкалин А. С. Судебник царя Федора Иоанновича 1589 г. // Право и политика: история и современность: материалы Междунар. науч. конф. (сентябрь 2005 г.). Омск: Изд-во Ом. акад. МВД России, 2006. С. 261—268.

12. Кутьина Г. А. Отечественное законодательство XI—XX вв.: пособие для семинаров. Часть I (XI—XIX вв.) / под ред. проф. О. И. Чистякова. Москва: Юрист, 2006. 462 с.

13. Реформы Петра I. Сборник документов / сост. В. И. Лебедев. Москва: Гос. соц.-экон. изд-во, 1937. 379 с.

14. Матросова М. Е. Защита чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1997. 211 с.

15. Российское законодательство X—XX вв. В 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков. Москва: Юрид. лит., 1986. 511 с.

16. Законодательство императрицы Екатерины II, 1783—1796 гг. / МГУ им. М. В. Ломоносова; сост. и авт. вступ. ст. В. А. Томсинов. Москва: Зерцало, 2011. 231 с.

17. Россия. Законы и постановления. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Санкт-Петербург: Общественная польза, 1867. 45 с.

18. Новое уголовное уложение, Выс. утвержденное 22 марта 1903 года. Санкт-Петербург: Изд. В. П. Анисимова, 1903. 250 с.

19. Александров Ю. К. Очерки криминальной субкультуры. Москва: Права человека, 2002. 148 с.

legal and comparative-legal aspects. Young scientist, 305—312, 2018. (In Russ.).

10. Russian legislation of the X—XX centuries. In 9 vols. Vol. 2. Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian central state. Ed. by A. D. Gorsky. Moscow: Legal Literature; 1985: 519. (In Russ.).

11. Smykalin A. S. The Court Book of Tsar Fyodor Ioannovich 1589. In: Law and politics: history and modernity. Materials of the International scientific conference. September 2005. Omsk: Publishing House of Omsk academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2006: 261—268. (In Russ.).

12. Kutina G. A. Domestic legislation of the XI—XX centuries. A manual for seminars. Part I (XI—XIX centuries). Ed. by prof. O. I. Chistyakov. Moscow: Jurist; 2006: 462. (In Russ.).

13. Peter I's reforms. Collection of documents. Comp. V. I. Lebedev. Moscow: State Socio-economic publishing house; 1937: 379. (In Russ.).

14. Matrosova M. E. Protection of honor and dignity of employees of internal affairs bodies: criminal law and criminological aspects. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 1997: 211. (In Russ.).

15. Russian legislation of the X—XX centuries. In 9 vols. Vol. 4. Legislation of the period of formation of absolutism. Ed. by A. G. Mankov. Moscow: Legal Literature; 1986: 511. (In Russ.).

16. Legislation of Empress Catherine II, 1783—1796. Lomonosov Moscow State University; comp. and auth. introduction by V. A. Tomsinov. Moscow: Zertsalo; 2011: 231. (In Russ.).

17. Russia. Laws and regulations. The Statute on Punishments imposed by Justices of the Peace. Saint Petersburg: Public benefit; 1867: 45. (In Russ.).

18. The new Criminal Code, approved on 22 March 1903. Saint Petersburg: Publishing house of V. P. Anisimov; 1903: 250. (In Russ.).

19. Alexandrov Yu. K. Essays on criminal subculture. Moscow: Human Rights; 2002: 148. (In Russ.).

Дубова Мария Евгеньевна,

адъюнкт адъюнктуры
Нижегородской академии МВД России;
shaleeva0005@rambler.ru

Dubova Maria Evgenievna,

associate adjunct
of the Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
shaleeva0005@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 01.12.2022; одобрена после рецензирования 13.12.2022; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 01.12.2022; approved after reviewing 13.12.2022; accepted for publication 31.01.2023.

* * *

УДК 343.982.33(574)
doi 10.25724/VAMVD.A086

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ,
РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕЙ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ
ОПЕРАТИВНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИМИ
ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ МВД РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

Азамат Бекетович Кокушев

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия,
azamatkokusev@gmail.com

Аннотация. Эффективность сбора, обработки, систематизации, хранения и использования криминалистически значимой информации в целях предупреждения, раскрытия и расследования преступлений во многом зависит от ее детальной регламентации законодательной и нормативно-правовой базой, поскольку ключевым принципом криминалистической регистрации является законность ее осуществления. Основываясь на данном принципе, автор в настоящей статье рассматривает основные законодательные и нормативные правовые акты, регламентирующие ведение криминалистических учетов и использование информационных систем оперативно-криминалистическими подразделениями МВД Республики Казахстан, а также устанавливает основные причины, оказывающие негативное влияние на общий уровень информационного обеспечения правоохранительных органов МВД Республики Казахстан. По результатам проведенного анализа сформировано предложение по дополнению ведомственной нормативной базы открытым приказом, положения которого регламентируют права и обязанности всех субъектов, вовлеченных в учетно-регистрационную деятельность оперативно-криминалистических подразделений МВД Республики Казахстан, особенности обращения с криминалистической информацией, находящейся в соответствующих учетах и информационных системах, а также принципы и правила осуществления криминалистической регистрации указанными подразделениями.

Ключевые слова: криминалистические учеты, информационная система, оперативно-криминалистические подразделения, учетно-регистрационная деятельность, информационное обеспечение, нормативно-правовая база

Для цитирования: Кокушев А. Б. Основные направления совершенствования нормативно-правовой базы, регламентирующей использование информационных систем оперативно-криминалистическими подразделениями МВД Республики Казахстан // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 1 (64). С. 130—135. doi: 10.25724/VAMVD.A086

**MAJOR DIRECTIONS FOR IMPROVING THE LEGAL
AND REGULATORY FRAMEWORK GOVERNING THE USE
OF INFORMATION SYSTEMS BY OPERATIONAL
AND FORENSIC UNITS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN**

Azamat Beketovich Kokushev

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, azamatkokusev@gmail.com

Abstract. The effectiveness of collection, processing, systematization, storage and use of forensically significant information aimed at preventing, detecting and investigating crimes largely depends on its detailed regulation by the legislative and regulatory framework, since the key principle of forensic registration is the legality of its implementation. Based on this principle, the article discusses the main legislative and regulatory legal acts governing the conduct of criminal records and the use of information systems by operational and forensic units of the

Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, as well as the main reasons that have a negative impact on the overall level of information support of law enforcement authorities of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan. After considering the results of the analysis, a proposal was formed to supplement the departmental regulatory framework with an open order, which provisions regulate the rights and obligations of all entities involved in the accounting and registration activities of the operational and forensic units of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of the Republic of Kazakhstan, the specifics of handling forensic information located in the relevant records and information systems, as well as the principles and rules for the implementation of forensic registration by these units.

Keywords: criminal records, information system, operational and forensic units, accounting and registration activities, information support, legal and regulatory framework

For citation: Kokushev A. B. Major directions for improving the legal and regulatory framework governing the use of information systems by operational and forensic units of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 130—135, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A086

Информационное обеспечение правоохранительных органов является одним из ключевых факторов, обуславливающих эффективность и результативность предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. Не является исключением и деятельность Министерства внутренних дел Республики Казахстан (далее — МВД РК), в основные функции которого включены организация и ведение информационных систем в целях информационного обеспечения борьбы с преступностью и охраны общественного порядка¹. Обращаясь к официальной статистике применения органами внутренних дел РК автоматизированных информационных систем, используемых для ведения информационно-справочных, розыскных и криминалистических учетов, отметим, что средний показатель раскрытых с их помощью преступлений, совершенных в период с 2018 по 2022 г., составляет 25 %², что свидетельствует о высокой эффективности применяемых МВД РК аппаратно-программных комплексов для работы с криминалистически значимой информацией, а также о верной правовой, организационной и управленческой политике РК в отношении функционирующих в правоохранительных органах информационных систем.

Наряду с этим результаты анкетирования сотрудников оперативно-криминалистических подразделений (далее — ОКП) МВД РК свидетельствуют о наличии ряда проблем правового характера, связанных с функционированием информационных систем и ведением криминалистических учетов.

Так, подавляющее большинство сотрудников ОКП МВД РК отмечает целесообразность изменения структурных уровней и принципов ведения отдельных учетов путем внесения коррективов в действующую ведомственную нормативно-правовую базу, регламентирующую учетно-регистрационную деятельность. Кроме того, только 33 % из опрошенных респондентов указали на наличие в их подразделениях трасологических информационных систем, что, по нашему мнению, обусловлено низким уровнем нормативного регулирования данного направления деятельности ОКП МВД РК.

В то же время недостаточный уровень законодательного и нормативного регулирования учетно-регистрационной деятельности отмечают многие ученые-криминалисты. В частности, при изучении вопросов осуществления криминалистической регистрации в РК А. В. Брылевский указывает на наличие противоречий и коллизий, обусловленных наличием большого количества законодательных и ведомственных нормативных правовых актов, регламентирующих отдельные аспекты ведения криминалистических учетов и функционирования информационных систем [1, с. 175]. Однако, несмотря на обширную законодательную и нормативно-правовую базу, регламентирующую учетно-регистрационную деятельность в РК, М. Б. Аймаганбетова обращает внимание на слабое регулирование процесса движения регистрируемой криминалистически значимой информации³.

Полагаем, что наличие указанных проблем, возникающих в ходе собирания, хранения и использования правоохранительными органами РК криминалистически значимой информации, требует более

¹ Вопросы Министерства внутренних дел Республики Казахстан: постановление Правительства Республики Казахстан от 22 июня 2005 г. № 607. URL: <https://www.prg.kz> (дата обращения: 27.12.2022).

² Правовая статистика Республики Казахстан (Форма отчета № 1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях»). URL: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics> (дата обращения: 03.01.2023).

³ Аймаганбетова М. Б. Правовые основы криминалистической регистрации // Электронная библиотека БГУ. URL: <https://elbib.bsu.by/handle/123456789/233547?ysclid=lc3794np2e65333756> (дата обращения: 03.01.2023).

детального анализа законодательной и нормативно-правовой базы, регламентирующей ведение криминалистических учетов и функционирование информационных систем в ОКП МВД РК, в целях точечного выявления существующих проблем и разработки мер, направленных на их преодоление.

Основополагающим правовым актом, регламентирующим сбор и хранение информации правоохранительными органами, является Конституция РК¹, положения которой напрямую не затрагивают вопросов осуществления учетно-регистрационной деятельности в МВД РК, однако обуславливают необходимость соблюдения прав и свобод человека при осуществлении криминалистической регистрации (ст. 12, ст. 18) и гарантируют возможность ограничения доступа к отдельному перечню сведений (ст. 20).

Следует также отметить положения закона РК от 30 декабря 2016 г. № 40-VI ЗРК «О дактилоскопической и геномной регистрации»², регламентирующие особенности функционирования баз данных. В частности, данным законодательным актом на ОКП МВД РК возлагается обязанность по ведению информационных систем, содержащих генетическую информацию. Кроме того, в рассматриваемом законе регламентированы форма и содержание основных сопроводительных документов, необходимых для сбора, хранения и использования дактилоскопической и геномной информации, что, несомненно, оказывает положительное влияние на данное направление деятельности.

Следующими нормативными документами, регламентирующими общие вопросы осуществления учетно-регистрационной деятельности в ОКП МВД РК, являются Закон РК «Об органах внутренних дел Республики Казахстан» от 23 апреля 2014 г. № 199-V ЗРК³ и постановление Правительства РК «Вопросы Министерства внутренних дел РК» от 22 июня 2005 г. № 607⁴. Данными документами устанавливается возможность сбора, постановки на криминалистические учеты и последующего

использования органами внутренних дел биометрической информации о подозреваемых, обвиняемых и иных лицах, что обуславливает законность ведения в ОКП МВД РК информационных систем, содержащих персональные данные. Вместе с тем положениями указанных документов установлено требование по соблюдению правил информационной безопасности при обращении с криминалистическими учетами и информационными системами, при этом особенности их реализации не раскрыты.

Непосредственный интерес для нашего исследования представляет постановление Правительства РК «Об утверждении Правил формирования Государственной пулегильзотеки» от 24 июня 2019 г. № 429⁵. Положения данного документа раскрывают как правила и порядок ведения Государственной пулегильзотеки, порядок контрольного отстрела огнестрельного оружия, так и особенности проведения проверок по криминалистической пулегильзотеке (далее — КПГТ) ОКП МВД РК, в том числе посредством автоматизированных баллистических информационных систем. Между тем в ходе сопоставления положений данного постановления и правил ведения КПГТ в ОКП МВД РК установлено отсутствие ведомственной регламентации постановки и проверки отдельных категорий объектов (гильз, отстрелянных из газового оружия, газового оружия с возможностью стрельбы патронами травматического действия), что, по нашему мнению, вносит определенную неясность в особенности ведения КПГТ в ОКП МВД РК.

Следующим элементом правовой базы, регламентирующей учетно-регистрационную деятельность в ОКП МВД РК, является приказ Министра внутренних дел РК «Об утверждении Правил создания, использования и совершенствования ведомственных и оперативных учетов» от 8 сентября 2014 г. № 577⁶. Положения данного документа регламентируют общие вопросы осуществления учетно-регистрационной деятельности в МВД РК. Однако в ходе анализа рассматриваемого приказа выявлен ряд неточностей и пробелов, а именно: отсутствует четкое разделение между информационной системой и базой данных (подп. 1 п. 2 и подп. 8 п. 9), неясно функциональное отношение между оперативными

¹ Конституция Республики Казахстан: принята на Республиканском референдуме 30 августа 1995 г. URL: <https://www.prg.kz> (дата обращения: 03.01.2023).

² О дактилоскопической и геномной регистрации: закон Республики Казахстан от 30 декабря 2016 г. № 40-VI ЗРК. URL: <https://www.prg.kz> (дата обращения: 03.01.2023).

³ Об органах внутренних дел Республики Казахстан: закон РК от 23 апреля 2014 г. № 199-V ЗРК. URL: <https://www.prg.kz> (дата обращения: 03.01.2023).

⁴ Вопросы Министерства внутренних дел Республики Казахстан: постановление Правительства Республики Казахстан от 22 июня 2005 г. № 607. URL: <https://www.prg.kz> (дата обращения: 03.01.2023).

⁵ Об утверждении Правил формирования Государственной пулегильзотеки: постановление Правительства Республики Казахстан от 24 июня 2019 г. № 429. URL: <https://www.prg.kz> (дата обращения: 04.01.2023).

⁶ Об утверждении Правил создания, использования и совершенствования ведомственных и оперативных учетов: приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 8 сентября 2014 г. № 577. URL: <https://www.prg.kz> (дата обращения: 04.01.2023).

и криминалистическими учетами МВД РК. Кроме того, данным приказом регламентировано только два структурных уровня ведения оперативных учетов: центральный и региональный, что не в полной мере соответствует всем особенностям осуществления учетно-регистрационной деятельности в МВД РК.

На основании проведенного анализа законодательных и ведомственных нормативных правовых актов МВД РК, регламентирующих вопросы организации, формирования, ведения и использования информационных систем и криминалистических учетов, функционирующих в ОКП МВД РК, нами выделены следующие проблемы, оказывающие негативное влияние на эффективность и оперативность их применения в ходе осуществления информационного обеспечения правоохранительных органов в РК:

— широкий перечень законодательных актов и нормативных документов, положения которых регламентируют частные вопросы ведения криминалистических учетов ОКП МВД РК посредством информационных систем;

— отсутствие четко определенного понятийно-терминологического аппарата;

— наличие противоречащих друг другу положений, коллизий, а также диспозиций, обуславливающих возможность двусмысленной трактовки особенностей осуществления учетно-регистрационной деятельности в МВД РК;

— недостаточное регламентирование правил и требований к функционированию и использованию криминалистических информационных систем;

— отсутствие комплексного регулирования вопросов и особенностей формирования, ведения и использования отдельных криминалистических учетов ОКП МВД РК.

Наличие данных проблем, по нашему мнению, обуславливает целесообразность разработки открытого нормативного правового акта, положения которого регламентируют только вопросы формирования, пополнения, ведения и использования криминалистических учетов и информационных систем ОКП МВД РК. Целостное и системное нормативное представление особенностей осуществления учетно-регистрационной деятельности в ОКП РК, на наш взгляд, позволит существенно повысить эффективность процесса собирания и хранения в ОКП МВД РК криминалистически значимой информации, а также ее использование правоохранительными органами в ходе противодействия преступности.

Учитывая комплексный характер предлагаемого ведомственного нормативного правового акта, считаем наиболее рациональной следующую структуру:

1. Общие положения.

2. Требования по защите информации.

3. Права и обязанности субъектов, ответственных за формирование, ведение и использование криминалистических учетов и информационных систем.

4. Порядок формирования и использования криминалистических учетов и информационных систем.

5. Порядок обработки запросов и предоставления сведений, полученных посредством информационно-телекоммуникационных сетей.

6. Правила ведения отдельных криминалистических учетов, в том числе с применением информационных технологий.

7. Приложения.

Рассмотрим содержание каждого раздела предлагаемого нормативного правового акта.

Раздел «Общие положения» нужно представить в следующем виде:

— понятийный аппарат, используемый при осуществлении учетно-регистрационной деятельности в ОКП МВД РК, в том числе с применением информационных систем;

— структурное представление криминалистических учетов и информационных систем ОКП МВД РК, а также особенности построения связей между учетами ОКП МВД РК и интегрированными банками данных криминалистической информации, функционирующих в РК;

— следы, предметы, вещества, выступающие объектами криминалистической регистрации в ОКП МВД РК;

— формы и способы ведения криминалистических учетов, в том числе особенности формирования натуральных криминалистических коллекций;

— общие основания постановки и снятия объектов с криминалистического учета, сроки их хранения и нахождения в архиве;

— общие принципы ведения криминалистических учетов посредством информационных систем. Требования и характеристики, предъявляемые к информационным системам ОКП МВД РК.

В *требованиях по защите информации* целесообразно отразить следующие положения:

— принципы обращения с информацией, находящейся в криминалистических учетах и информационных системах;

— особенности хранения криминалистически значимой информации в электронном виде;

— требования к помещению, в котором хранится массив криминалистически значимой информации (картотеки, журналы, натурная коллекция и т. д.) либо размещен аппаратно-программный комплекс, предназначенный для обеспечения функционирования информационной системы;

— общие правила работы с информационными системами, раскрывающие возможность установки иного программного обеспечения на рабочее место, подключения к сетевым каналам связи, а также удаленного доступа и интеграции информационной системы с иными банками данных МВД РК;

— ответственность за нарушение установленных правил и требований, в том числе за неправомерную передачу криминалистически значимой информации либо прав доступа к информационной системе третьим лицам.

В разделе *«Права и обязанности субъектов, ответственных за формирование, ведение и использование криминалистических учетов и информационных систем»*, необходимо отобразить полномочия и зону ответственности:

— руководителей и сотрудников органов следствия, дознания, оперативных подразделений, административной, миграционной полиции и уголовно-исполнительной системы, регламентирующих вопросы постановки объектов на криминалистические учеты, использования и реализации результатов, полученных в ходе проведения соответствующих проверок по учетам;

— руководителей ОКП МВД РК, раскрывающих в том числе особенности организации инициативных криминалистических учетов и информационных фондов, а также способы и формы взаимодействия с иными подразделениями, в чьи функции входит сбор и накопление криминалистически значимой информации;

— сотрудников ОКП, ответственных за ведение криминалистических учетов. В данном блоке целесообразно отразить не только права и обязанности рядовых сотрудников ОКП, в чьи функции входит организация функционирования определенного криминалистического учета и информационной системы, но и предъявляемые к ним требования: наличие права на самостоятельное производство экспертиз, свидетельства о прохождении обучения по работе с конкретной информационной системой и иных документов.

В следующем разделе *«Порядок формирования и использования криминалистических учетов и информационных систем»* будет уместным отразить весь процесс течения криминалистически значимой информации в рамках ведения учетов

ОКП МВД РК от момента обнаружения (выявления) следов до факта использования результатов учетно-регистрационной деятельности подразделениями МВД РК, осуществляющими предупреждение, раскрытие и расследование преступлений и административных правонарушений. Вместе с тем считаем, что включение в данный раздел положений, регламентирующих особенности документооборота в ходе осуществления функционирования криминалистических учетов и информационных систем, способствует оптимизации процессов накопления и использования криминалистически значимой информации [2, с. 69], а также окажет позитивное влияние на деятельность ОКП МВД РК в целом.

В положениях раздела *«Порядок обработки запросов и предоставления сведений, полученных посредством информационно-телекоммуникационных сетей»*, на наш взгляд, следует закрепить особенности реализации процессов передачи криминалистически значимой информации посредством защищенных ведомственных каналов связи и / или Единой транспортной среды государственных органов РК. Кроме того, учитывая высокую интенсивность цифровизации правоохранительных органов РК, необходимо регламентировать вопросы внедрения и применения беспроводных защищенных каналов связи (Wi-Fi, LTE, 5G, спутниковые каналы связи), поскольку их использование позволит существенно повысить оперативность предоставления информации, полученной в рамках ведения криминалистических учетов и функционирования информационных систем.

Правила ведения отдельных криминалистических учетов, в том числе с применением информационных технологий, следует представить в виде упорядоченного, систематизированного и формализованного описания предназначения объектов и форм ведения конкретного учета, сроков хранения информации, оснований постановки и снятия объектов с учета, наличие / отсутствие архива, структурные уровни и особенности функционирования информационных систем при ведении определенных криминалистических учетов. В то же время предлагаемая шаблонность в ходе регламентирования правил и порядка ведения конкретного криминалистического учета и информационной системы способствует простоте понимания всех особенностей осуществления учетно-регистрационной деятельности в ОКП МВД РК.

В заключительном разделе *«Приложения»* следует разместить образцы сопроводительных и отчетных документов, а также требования к формату и форме электронных документов, передаваемых

через информационно-телекоммуникационные сети, а именно: написание имени, кодировку, расширение, обязательные реквизиты и т. п.

В целом предлагаемое содержание открытого нормативного правового акта, регламентирующего вопросы ведения криминалистических учетов и функционирования информационных систем, основано на конституционных и законодательных принципах накопления, хранения и использования правоохранительными органами РК криминалистически значимой информации, а также учитыва-

ет основные подходы к осуществлению учетно-регистрационной деятельности в ОКП МВД РК. Наряду с этим внедрение данного нормативного документа в практическую деятельность МВД РК способствует пониманию рядовыми сотрудниками ОКП и иных подразделений принципов и особенностей формирования, ведения и использования криминалистических учетов ОКП МВД РК, что напрямую окажет положительное влияние на общий уровень информационного обеспечения правоохранительных органов.

1. Брылевский А. В. Научные, правовые и организационные основы криминалистического учета о регистрации (по материалам Республики Казахстан): дис. ... канд. юрид. наук. Костанай, 2005. 243 с.

2. Дронова О. Б., Сидоренко Д. Н. Функциональная модель экспертно-криминалистической деятельности, реализуемая в системе МВД России // Судебная экспертиза. 2021. № 2 (66). С. 67—76.

Кокушев Азамат Бекетович,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России;
azamatkokusev@gmail.com

1. Brylevsky A. V. Scientific, legal and organizational foundations of the forensic doctrine of registration (based on the materials of the Republic of Kazakhstan). Dissertation of the candidate of juridical sciences. Kostanay; 2005: 243. (In Russ.).

2. Dronova O. B., Sidorenko D. N. Functional model of forensic activity implemented in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Forensic examination, 67—76, 2021. (In Russ.).

Kokushev Azamat Beketovich,
associate adjunct
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia;
azamatkokusev@gmail.com

Статья поступила в редакцию 20.12.2022; одобрена после рецензирования 28.12.2022; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 20.12.2022; approved after reviewing 28.12.2022; accepted for publication 31.01.2023.

* * *

УДК 343.9

doi: 10.25724/VAMVD.A087

**ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ
ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ ВИНОДЕЛЬЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ**

Алина Владимировна Кубицки

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

kuba.alin@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу государственной политики Республики Молдова в сфере противодействия незаконному обороту винодельческой продукции, которая занимает особое место в жизни молдавского населения, является частью национальной культурной традиции, стратегическим продуктом государства и пользуется повышенным спросом среди местных и иностранных потребителей. В связи с этим неизбежно возникают многочисленные нарушения со стороны недобросовестных производителей, виноторговцев и экономических агентов, которые стремятся к реализации потребителям товара, созданного с нарушением технических, технологических и правовых требований. Таким образом, возможность приобретения потребителями недоброкачественной винодельческой продукции полностью не исключается, а меры, принимаемые органами уголовного преследования Республики Молдова для противодействия данному виду нарушений, не приводят к кардинальным изменениям в структуре незаконного оборота данной продукции, как реализуемой на внутреннем рынке, так и экспортируемой за рубеж. Относительно невысокий уровень выявления и раскрываемости преступлений рассматриваемой категории свидетельствует о необходимости изменения подходов к организации процессов противодействия на уровне государственной политики, деятельности профильных министерств и национальных агентств. В числе основных организационно-профилактических мер стратегического характера выделяются: модернизация законодательства, усиливающего ответственность за незаконный оборот винодельческой продукции; создание дорожной карты развития рынка винодельческой продукции, реализация которой позволит расширить торговые связи на международном уровне, с одновременным внедрением механизмов четкой прослеживаемости производства и оборота рассматриваемых объектов. Автор предлагает в качестве перспективного направления информационного обеспечения всех участников противодействия незаконному обороту рассматриваемой продукции внедрение централизованной информационно-справочной системы «Национальная база данных винодельческой продукции Республики Молдова», которая потенциально пригодна для поддержания контролируемого оборота винодельческой продукции и организации деятельности по предупреждению и пресечению незаконного товарооборота.

Ключевые слова: винодельческая продукция, фальсификация, информационно-справочная система, потребители, производители, защитные средства, экспертизы

Для цитирования: Кубицки А. В. Перспективные направления повышения эффективности противодействия незаконному обороту винодельческой продукции // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1 (64). С. 136—144. doi: 10.25724/VAMVD.A087

**PROMISING TRENDS TO INCREASE EFFICIENCY
OF COUNTERACTION TO ILLEGAL TRAFFICKING WINE PRODUCTS**

Alina Vladimirovna Kubitsky

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia

kuba.alin@mail.ru

Abstract. The given article deals with the analysis of the state policy of the Republic of Moldova in the sphere of counteracting illegal trafficking wine products, which occupies a special place in the life of the Moldovan population, is said to be a part of the national cultural tradition and a strategic product of the state and are in high demand among the local and foreign consumers. In this regard, numerous violations inevitably appear on the part of un-

scrupulous producers, wine merchants and economic agents who try to sell wine products which violate technical, technological and legal requirements to consumers. Thus, the possibility of getting poor-quality wine products by the consumers is not completely excluded. At the same time the measures taken by the criminal prosecution authorities of the Republic of Moldova to counter this type of violation do not lead to fundamental changes in the structure of illegal trafficking wine products sold both on the domestic market and exported abroad. The relatively low level of detecting and solving mentioned crimes points out the necessity to change approaches to organize counteraction processes at the level of the state policy, the activities of the relevant ministries and national agencies. Among the main organizational and preventive measures of a strategic nature, the author of the article identifies the following ones: the modernization of the legislation that strengthens responsibility for the illegal trafficking wine products, the creation of a roadmap for the development of the wine market, the implementation of which will expand trade relations at the international level and apply simultaneously the mechanisms for clear traceability of the production and turnover of the considered objects. The author of the given article proposes as a promising trend of information support for all participants in countering the illegal trafficking wine products the introduction of a centralized information and reference system – "National database of the wine products of the Republic of Moldova", which is potentially suitable for maintaining controlled circulation of wine products and organizing activities to prevent and suppress illegal trade.

Keywords: wine products, falsification, information and reference system, consumers, producers, protective equipment, expertise

For citation: Kubitsky A. V. Promising trends to increase efficiency of counteraction to illegal trafficking wine products. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 136—144, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A087

Доход от оборота винодельческой продукции является значимым элементом государственного бюджета Республики Молдова (далее — РМ), составляющим 9 % внутреннего валового продукта (ВВП). РМ при этом является страной с самой высокой плотностью виноградников в мире и входит в список десяти ведущих стран — производителей и экспортеров вина. Благодаря значительному экспорту в более чем 60 стран мира молдавские вина составляют 2 % от мирового объема экспортируемых вин, которые распределяются по всем рыночным группам. По статистике, каждый четвертый житель села работает в винодельческом хозяйстве, всего в отрасли занято более 150 тысяч человек. Таким образом, очевидна важность винодельческого сектора для экономического и социального развития страны. В связи с этим возникает необходимость в государственной консолидированной политике, которая будет способствовать поддержанию сбалансированного и устойчивого развития законного конкурентоспособного рынка. Винодельческая продукция, будучи важным стратегическим продуктом внутреннего и внешнего оборота, приносит стабильный высокий доход крупным производителям и дистрибьютерам, что неизбежно привлекает внимание криминальных элементов. Количество преступлений в сфере незаконного оборота алкогольной продукции за период с 2017 по 2021 г. в РМ в целом составляли в 2017 г. — 113; 2018 г. — 97; 2019 г. — 105; 2020 г. — 110; 2021 г. —

95 преступлений¹. Между тем, согласно данным Министерства здравоохранения РМ, в 2019 г. было зарегистрировано 119, в 2020 г. — 121, а в 2021 г. — 125 случаев острого отравления алкоголем², что позволяет констатировать отсутствие эффективной работы правоохранительных органов в рассматриваемой сфере. Отметим также, что законодательство, регламентирующее легитимность нахождения винодельческой продукции в товарообороте, за последнее десятилетие несколько раз претерпело существенные изменения. В результате принятия последних поправок рассматриваемая продукция была отнесена к категории пищевой³. Таким образом, продажа, реклама, способы доставки потребителю и другие элементы, сопровождающие реализацию винодельческой продукции (вина), в настоящий момент не имеют территориальных, временных и иных ограничений, что увеличивает латентность незаконного товарооборота.

Отсутствие на внутреннем рынке РМ надежных механизмов прослеживаемости (контроля)

¹ Отчетные данные Генерального инспектората полиции Республики Молдова. URL: <https://politia.md/> (дата обращения: 03.01.2023).

² Raport cu privire la implementarea Programului național privind controlul alcoolului pe anii 2012—2020. URL: <https://ms.gov.md/wp-content/uploads/2021/08/Raport-PN-Alcool-perioada-2020.pdf> (дата обращения: 03.01.2023).

³ О винограде и вине: закон № 57 от 10 марта 2006 г. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=131005&lang=ru# (дата обращения: 03.01.2023).

производства и оборота данного вида продукции оказывает негативное влияние на внешние торговые отношения страны, снижая репутационные показатели имиджа производителей, претендующих на конкурентоспособность на международном рынке. Безусловно, определенное влияние на объемы незаконного товарооборота оказывает и структура потребления. Согласно статистическим данным OIV¹ за 2021 г. структура потребления вина в РМ варьирует наравне с уровнем его потребления во Франции и Италии, достигая отметки 25—30 %, в то время как, к примеру, в России данный показатель относительно стабилен на протяжении пяти лет с 2017 по 2021 г. и составляет 10 %, а в Канаде он ниже — 5 %².

Данные статистики указывают на высокий показатель потребления винодельческой продукции, что в совокупности с отсутствием государственного контроля оборота неизбежно способствует появлению таких видов нарушений, как ассортиментная фальсификация (подмена одного вида продукции другим) с использованием известных марочных брендов, а также качественная фальсификация (маскировка винной жидкости путем добавления спирта, красителей или других компонентов, применение неразрешенных консервантов или введение добавок, не предусмотренных рецептурой, разбавление винодельческих напитков водой, соком или более дешевыми виноматериалами в целях увеличения объема). Все эти способы вызывают изменение свойств винодельческой продукции, значительно снижая ее качественные характеристики, а в случаях применения недоброкачественного сырья, запрещенных консервантов, несоблюдения санитарных требований причиняют вред жизни и здоровью потребителя.

Таким образом, проблема противодействия незаконному обороту винодельческой продукции должна выходить на государственный уровень и предусматривает формирование единой и четкой государственной позиции относительно предмета правового регулирования, пересмотра национальных государственных стандартов и их согласованность с международными нормативно-техническими документами. Необходима также разработка и при-

нятие комплексных организационно-правовых, социальных, информационных, правоохранительных и профилактических мер для повышения противодействия незаконному обороту указанной продукции, предусматривающих вовлечение в данный процесс не только системы правоохранительных органов, но и иных государственных надзорных органов для выработки и внедрения эффективных механизмов, позволяющих выявить теневой рынок производства и сбыта ненадлежащей продукции. Решение проблем выявления и противодействия нарушениям на винодельческом рынке, относящимся к числу приоритетных задач государства, должно поддерживаться на уровне государственной политики, направленной:

— на совершенствование законодательной базы, разработку и внедрение различных программ в целях поддержания самого прибыльного экономического сектора, представляющего национальный интерес;

— повышение эффективности контроля качества и создание механизмов принятия мер социальной ответственности к производителям винодельческой продукции;

— создание условий повышения спроса как на внутреннем, так и на внешнем рынке, что порождает обязательство по сохранению имиджа торговых национальных брендов и формированию здоровой конкуренции;

— обеспечение безопасности винодельческой продукции и охраны здоровья населения, защита окружающей среды и экономических интересов государства и общества в секторе виноградарства и виноделия;

— создание стимулов для проявления общественных инициатив, направленных на укрепление здоровья населения, и механизмов их поддержки государством с ориентацией на формирование ценностей здорового образа жизни;

— противодействие нелегальному производству и обороту алкогольной продукции, в том числе путем повышения эффективности регулирования винодельческого рынка, профилактики и информирования потребителей о негативных последствиях злоупотребления некачественной винодельческой продукцией, а также установление порядка учета и контроля в области производства, оборота данной продукции посредством внедрения Единой государственной автоматизированной информационной системы (ЕГАИС) и создания современных информационно-справочных фондов.

Таким образом, следует констатировать насущную необходимость выработки четкой государственной

¹ Organisation Internationale de la vigne et du vin (Международная организация виноградарства и виноделия) — межправительственная организация, которая занимается техническими и научными аспектами виноградарства и виноделия.

² Состояние Виноградарско-Винодельческой отрасли в мире в 2021 году. URL: https://www.oiv.int/sites/default/files/documents/RU_Note_April%202022.pdf (дата обращения 03.01.2023).

политики в области регулирования винодельческого товарооборота, предусматривающей реализацию комплекса организационно-правовых, социальных, информационных, правоохранных и профилактических мер, на различных уровнях.

К числу мер *организационно-правового* характера можно отнести создание Комитета по выработке национальной политики в сфере виноделия, в который должны войти как представители законодательной и исполнительной власти, так и винодельческой отрасли. В настоящее время правительство Республики Молдова руководствуется Планом действий правительства на 2020—2023 г.¹, в рамках которого разработана и утверждена Стратегия развития винодельческого сектора «Вино Молдавии — 2030» (далее — Стратегия). Изучение положений Стратегии позволяет констатировать нацеленность на решение задач, связанных с понятийным аппаратом, а также вопросов определения правового статуса домашнего вина «vin țărănesc», в частности, пересмотр названий категорий продукции и категорий качества (к примеру, понятий «divin» и «divin IGP»). Вместе с тем вопросы контроля производства и оборота остались вне поля зрения данной Стратегии, что позволяет сделать вывод о необходимости изменения вектора национальной политики с акцентом на контроль качества и прослеживаемость стадий оборота винодельческой продукции молдавского рынка. Таким образом, предлагаемый для создания комитет должен продвигать политику добросовестной конкуренции посредством:

— разработки и принятия государственных целевых программ в области производства и оборота винодельческой продукции, а также координации деятельности по организации мероприятий, направленных на устранение недобросовестной конкуренции, решение проблем незаконного использования «заброшенных виноградников»;

— контроля за деятельностью уполномоченных органов государственной власти, регулирующих ценовую политику, внутренний товарооборот, а также экспорт и импорт винодельческой продукции, координирующих применение обязательной маркировки товаров акцизными марками;

— организации и проведения государственного контроля (надзора) в области производства и оборота винодельческой продукции, установления порядка учета производства и оборота винодель-

ческой продукции и обеспечения его прослеживаемости в РМ.

К числу *профилактических, социальных и информационных* мер следует отнести деятельность профильных министерств, обеспечивающих реализацию государственных программ, предусматривающих стимулирование добросовестных производителей к повышению конкурентоспособности своей продукции. Например, под управлением Министерства сельского хозяйства, регионального развития и окружающей среды функционирует Национальное бюро винограда и вина², реализующее политику виноградо-винодельческой промышленности и способствующее продвижению винных брендов страны³. В частности, ведется работа по стимулированию производителей вина к участию в различных профильных выставках, представленных на различных информационных порталах (Worldexpo⁴, Exromar⁵, Slowfood⁶) и реальных площадках. Наряду со стимулированием развития легального рынка виноделия должны реализовываться комплексные мероприятия по информированию потребителей о защитных элементах легальной продукции, а также признаках контрафактных, фальсифицированных товаров.

Несмотря на традиционность потребления винодельческой продукции населением РМ, Министерство здравоохранения проводит профилактические мероприятия, направленные на пропаганду здорового образа жизни и бережного отношения граждан к своему здоровью. К примеру, при поддержке Министерства здравоохранения в программу обучения молдавских лицензированных автошкол был включен обязательный курс обучения «Вождение без алкогольного опьянения». Организован запрет продажи алкоголя в школах, университетах, больницах, на стадионах, вокзалах и прилегающих к ним территориях, а также запрещена розничная продажа алкоголя со специализированных складов.

² О Национальном бюро винограда и вина: постановление правительства № 725 от 16 сентября 2013 г. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=9621&lang=ru (дата обращения: 03.01.2023).

³ Презентация национального стенда Республики Молдова «Вино Молдовы. Живая легенда». URL: <https://news.tpprf.ru/ru/announcement/2987775/> (дата обращения: 03.01.2023).

⁴ Worldexpo. URL: <https://worldexpo.pro/sector/vino-alkogol> (дата обращения: 03.01.2023).

⁵ Exromar. URL: <https://exromar.ru/> (дата обращения: 03.01.2023).

⁶ Slowfood. URL: <https://www.slowfood.com/> (дата обращения: 03.01.2023).

¹ Об утверждении Плана действий Правительства на 2020—2023 гг.: постановление № 636 от 11 декабря 2019 г. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=128516&lang=ru# (дата обращения: 03.01.2023).

Сохранен запрет на продажу алкоголя лицам младше 18 лет.

Обеспечение функций контроля производства винодельческой продукции осуществляет Министерство финансов РМ, координирующее и контролирующее процедуры обязательного маркирования винодельческих и алкогольных товаров, порядок приобретения, применения, а также внешний вид акцизных марок РМ, установление видов подакцизной продукции и ставок акцизов на нее. Следует отметить необходимость периодической модернизации защитных средств, применяемых для акцизных марок РМ, расширение их видового разнообразия, что затруднит их незаконное воспроизведение. Полагаем, что для обеспечения прослеживаемости товарооборота винодельческой продукции Министерство финансов в качестве дополнительной меры должно рассмотреть и внедрить положительный опыт использования на акцизных марках технологий специального штрих-кода стандарта Data Matrix, где будет зашифрован код винодельческого товара, обеспечивающий отображение информации о наименовании, происхождении, стадии нахождения в обороте и иные данные о товаре.

Меры *правоохранительного* характера, направленные на выявление и пресечение незаконного оборота винодельческой продукции в РМ, должны реализовываться Министерством внутренних дел РМ в пределах его компетенции, а также, учитывая особенности национального законодательства, национальными агентствами, осуществляющими в установленном порядке контрольные и профилактические мероприятия по борьбе с противоправными действиями в рассматриваемой сфере. В Республике Молдова существует несколько таких агентств. Первое — это Agenția pentru Protecția Consumatorilor și Supravegherea Pieței (Агентство по защите прав потребителей и надзору за рынком¹), наделенное функциями защиты прав потребителей. Указанное агентство среди прочих функций посредством современных интернет-технологий Consumator Moldova осуществляет доведение до населения развернутой информации о фактах выявления недоброкачественной продукции и ее свойствах, а также о результатах проверочных мероприятий, сопровождаемой результатами заключений экспертов в области пищевых продуктов, товароведческих и иных экспертных исследований, а также данными

лабораторных физико-химических анализов винодельческой продукции.

Второе — Agenția Națională pentru Siguranța Alimentelor (Национальное агентство по безопасности пищевых продуктов, ANSA²), появившееся в результате активного государственного реформирования. Это агентство связано с объединением в единое централизованное учреждение всех надзорных государственных структур, осуществлявших контроль над различными категориями продукции, находящимися в товарообороте Республики Молдова. К числу функциональных задач ANSA относятся:

— обеспечение безопасности винодельческой продукции, производимой на территории РМ;

— предоставление платных лабораторных услуг в области сертификации, лицензирования лабораторий винодельческих производств и проведение качественно-количественных исследований винодельческой продукции;

— контроль производственных предприятий, находящихся в конкретной зоне обслуживания, с учетом территориальной принадлежности в таких географических зонах, как Codru (Кодру), Valul lui Traian (Валул луй Траян), Ștefan Vodă (Штефан Водэ), Divin (Дивин);

— контроль за соблюдением регламентов реализации населению винодельческой продукции через крупные сети и мелкую розницу посредством осуществления плановых и внеплановых проверочных мероприятий.

В случае выявления ущерба на сумму менее 125 000 леев (400 000 рублей, или 60 минимальных зарплат, согласно ст. 255 Уголовного кодекса РМ) проверочные мероприятия продолжают осуществляться агентством ANSA, а в случае превышения установленной суммы ущерба информация о выявленной партии фальсифицированной продукции направляется в отдел по борьбе с экономическими преступлениями МВД Республики Молдова для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Анализируя современное состояние реализации государственной политики в области регулирования винодельческого товарооборота, следует обобщить некоторые специфические особенности, связанные:

— с различными источниками внешнего финансирования, ввиду внутренней нестабильной государственной, политической и экономической

¹ Агентство по защите прав потребителей и надзору за рынком URL: www.consumator.gov.md/(дата обращения 03.01.2023).

² Национальное агентство по безопасности пищевых продуктов (ANSA) URL: <https://www.ansa.gov.md/> (дата обращения 03.01.2023).

обстановки порождающие возникновение двойственности функции у уполномоченных государственных структур;

— особенностями национального контроля товарооборота, связанные со слабыми механизмами прослеживаемости винодельческой продукции на внутреннем рынке;

— отсутствием четкой законодательной базы и стагнацией в сфере совершенствования современного законодательства в области винодельческого товарооборота;

— трудностями технического и информационного обеспечения государственных структур, отвечающих за легитимность нахождения в товарообороте винодельческой продукции.

Все перечисленное существенно снижает эффективность мер по противодействию незаконному товарообороту указанной продукции.

В целях повышения эффективности информационного обеспечения противодействия правонарушениям и преступлениям в рассматриваемой сфере необходимо создание условий для взаимодействия уполномоченных органов на различных уровнях. Одним из перспективных направлений является создание типовой информационно-справочной системы «Национальная база данных винодельческой продукции Республики Молдова» (НБД ВП РМ). В то же время ведение такого ресурса должно соответствовать основным принципам формирования любого информационного массива: полномасштабность, достоверность и актуальность информации [1]. Цифровизация информационно-справочной системы будет преследовать цели формализации, структуризации, унификации и алгоритмизации актуальной информации о винодельческой продукции, определению легитимности ее нахождения в товарообороте, а также способствовать сбору потенциальных криминалистически значимых сведений [2]; она будет достигнута за счет создания цифровых информационных фондов, предусматривающих систематизацию данных о товарах, представленных в обороте РМ:

— о видовом и ассортиментном разнообразии винодельческой продукции на территории Респуб-

лики Молдова, при этом построение информационного массива может быть организовано на основе брендовой или видовой принадлежности товара;

— о внешнем оформлении готового товара (тара, этикетки, корьеретки, средства укупорки), произведенного на внутреннем рынке, а также импортированного из-за границы (размещение информации обо всем ассортименте винодельческих товаров, которые поступили в страну для реализации, с предоставлением изображений внешнего вида продукции и особенностей оформления отдельных элементов защитных средств);

— электронная документация, подтверждающая легитимность нахождения конкретной разновидности винодельческой продукции в товарообороте.

Отдельно в НБД ВП РМ должна быть размещена информация о выявленных объектах фальсификации с отображением сведений:

— о внешнем виде товаров, имитирующих оригинальную продукцию, с выделением признаков, указывающих на несоответствие оригиналу;

— результатах экспертных исследований, произведенных с помощью современных методов анализа, таких как хроматография, атомная и молекулярная спектроскопия, рентгенография и рентгеноскопия и т. п., на основе которых должны быть сформированы специальные атласы спектров, хроматограмм, рентгенограмм объектов, не соответствующих национальным стандартам физико-химических свойств жидкостей, реализующихся под видом винодельческой продукции.

Страница определенного товара может содержать иллюстративные изображения продукта в разных ракурсах, его дополнительной упаковки (при наличии) с описанием особенностей ее изготовления (материал, элементы крепления, защитные элементы изготовления, печати или литья). Отдельно может быть размещена информация о дополнительных технических средствах защиты товара со ссылкой на правила самостоятельной проверки потребителями информации о легальности приобретенного товара по данным системам (рис. 1, 2).

	№	Название группы/элемента	Примечание
 <p>Дивин Kvint 10 лет XO dream 0,5л Возраст: 10 лет Крепость: 40% об. Сахар: 10 г/дм³ Категория: XO Ёмкость: 0,5 л, 0,7 л, 0,75 л Сорта винограда: Бианка, Алиготе, Первенец Магарача, Рислинг, Ритон, Сурученский Белый, Уни Блан, Коломбар Состав: дистилят для дивина, очищенная вода, сахар</p>	1	ДАнные О СЕРТИФИКАТЕ СООТВЕТСВИЯ	
	1.1	Серия	b
	1.2	Номер	005020
	1.3	Действителен до	03.09.2022
	1.4	Дата выдачи	03.09.2015
	1.5	Орган выдачи	Национальный Центр Испытания Качества Алкогольной Продукции
	1.6	Копия документа	Гиперссылка Сертификат соответствия
	2	ДАнные О ПРОТОКОЛЕ ИСПЫТАНИЙ	
	2.1	Дата выдачи	26.02.2020
	2.2	Орган выдачи	Национальный Центр Испытания Качества Алкогольной Продукции
	2.3	Номер	339
	2.4	Копия документа	Гиперссылка Протокол Испытаний
	3	ДАнные О ПАРТИИ ПРОДУКЦИИ	
	3.1	Продукция	divin categoria dvv" kvint" 10 ani
	3.2	Купаж	1532
	3.3	Ёмкость тары (л)	0.5l
3.4	Дата розлива	24.12.2019	
3.5	Размер партии	2000	

Рис. 1. Скриншот макета страницы из информационно-справочного фонда со сведениями о легально выпускаемом товаре производителя Kvint

	№	Название группы/элемента	Примечание
	4	ДАнные О ПРОИЗВОДИТЕЛЕ	
	4.1	IDNO	1004600052183
	4.2	Наименование	BUSINESS MARKET S.R.L
	4.3	Дата основания	08.11.2004
	4.4	ФИО руководителя	Баев Олег Маркович
	4.5	Сайт	http://www.kvint.md/ru/xo/kvint-10/
	5	ДАнные ОБ АКЦИЗНОЙ МАРКЕ (АМ)	
	5.1	Серия (АМ)	1902
	5.2	Номер (АМ)	004755064
	5.3	Статус (АМ)	выдан
	6	ДАнные О ФАЛЬСИФИКАЦИИ	гиперссылка

Рис. 2. Скриншот макета страницы из информационно-справочного фонда со сведениями о разновидности оформления фальсифицированной продукции

Реализация и пополнение информационно-справочного фонда НБД ВП РМ должны осуществляться через уполномоченный орган ANSA, в функции которого должны войти задачи информационного обеспечения потребителей и субъектов противодействия незаконному обороту винодельческой продукции.

Типизированное построение информационного фонда позволит сосредоточить в нем основные данные о товарах, произведенных (импортированных) и поступивших в оборот, что обеспечит возможность решения большого объема задач, реализуемых различными государственными структурами в сфере контроля оборота винодельческой продукции. В частности, НБД ВП РМ гарантирует:

1) координацию сведений о прохождении винодельческими предприятиями процедур лицензирования и сертификации (данные о сертификатах соответствия, о протоколах испытаний, заявленных партий продукции и т. д.);

2) полноценность и наглядность данных о видовом разнообразии винодельческой продукции, представленной в продаже, обеспечивающих возможность мониторинга и сбора статистической информации обо всем выпускаемом (экспортируемом) ассортименте, со сведениями о внешнем виде, технических средствах защиты, индивидуальных особенностях товара;

3) представление развернутой информации о произведенных целевых (плановых) и внеплановых проверках производств и точек торговли, реализующих винодельческую продукцию, и результатов данных мероприятий, принятых мерах;

4) сбор и анализ статистических сведений о наиболее часто встречающихся видах фальсификации конкретной марки винодельческой продукции. Необходимо при этом обратить внимание на проблемные объекты, которые, несмотря на наличие косвенных признаков нелегального производства, не получают однозначной оценки фальсифицированной продукции ни в рамках экспертизы, ни в рамках проведения следственных действий;

5) реализацию профилактической функции посредством обеспечения потребителям пользовательского доступа к открытому сегменту НБД ВП РМ

в целях ознакомления с ассортиментом легальной винодельческой продукции на территории РМ, а также изучения признаков фальсифицированной продукции;

6) информационное обеспечение производителей сведениями о подделываемых видах винодельческой продукции и способах имитации защитных средств, которое должно стимулировать изготовителей к модернизации применяемых способов защиты [3].

В то же время следует отметить, что должен быть предусмотрен лимитированный доступ к информационно-справочной системе в сети Интернет с учетом функций, которые решаются различными категориями государственных структур при использовании данного вида программы, с дифференциацией на административные возможности, предполагающие координирование, корректирование и вливание новой информации об оригинальной и фальсифицированной (контрафактной) винодельческой продукции, а также информационные возможности ознакомления с данными, находящимися в свободном и / или ограниченном доступе. Последняя категория данных должна быть доступна регламентированному кругу пользователей с учетом их компетенций [4]. Вместе с тем необходимо создание условий для оперативного обмена информацией и взаимодействия уполномоченных органов на различных уровнях [5].

Обобщая вышесказанное, отметим, что на сегодняшний день эффективная организация процессов противодействия незаконному обороту винодельческой продукции в РМ может быть достигнута за счет принятия комплексных мер, при условии обеспечения эффективного взаимодействия всех уполномоченных профильных министерств и национальных агентств. Внедрение централизованной информационно-справочной системы «Национальная база данных винодельческой продукции Республики Молдова» способно, наряду с информационным обеспечением всех участников противодействия незаконному обороту винодельческой продукции необходимыми данными, организовать деятельность по предупреждению и пресечению нелегитимного товарооборота.

1. Дронова О. Б. Современные возможности повышения эффективности противодействия обороту фальсифицированной потребительской продукции // Юридическая наука и правоохранительная практика. № 4 (30). 2014. С. 134—139.

1. Dronova O. B. Modern opportunities to increase effectiveness to counteract trafficking counterfeit consumer products. Legal science and law enforcement practice, 134—139, 2014. (In Russ.).

2. Animokov I. K. Problematic specifics of detecting crimes related to illegal production and traf-

2. Анимоков И. К. Проблемные особенности выявления преступлений, связанных с незаконным производством и оборотом алкогольной и спиртосодержащей продукции // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 2. С. 120—123.

3. Дронова О. Б. Анализ практики производства экспертиз контрафактной продукции «независимыми» экспертами в Волгоградской области // Судебная экспертиза. 2010. № 2. С. 43—46.

4. Галанкин А. В., Войцеховский С. В., Прохоров М. А. Разработка информационно-справочной системы в интересах развития информационных систем специального назначения // Известия Тульского государственного университета. Технические науки. 2018. № 1. С. 327—335.

5. Журбенко А. М., Серегин М. В. Противодействие преступлениям в сфере нелегального оборота алкогольной продукции // Наука молодых — будущее России: сб. науч. ст. VI Междунар. науч. конф. перспектив. разработок молодых ученых (г. Курск, 9—10 дек. 2021 г.). Т. 2. Гуманитарные науки. Юриспруденция. Государство. Курск: Юго-Западный гос. ун-т, 2021. С. 250—254.

ficking of alcoholic and alcohol-containing products. Gaps in the Russian legislation, 120—123, 2020. (In Russ.).

3. Dronova O.B. Analysis of the Practice of Producing Examinations of Counterfeit Products by «Independent» Experts in the Volgograd Region. Judicial Expertise, 43—46, 2010. (In Russ.).

4. Galankin A. V., Voytsekhovskiy S. V., Prokhorov M. A. Development of an information and reference system in the interests of the development of information systems for special purposes. The News of the State University of Tula. Technical Science, 327—335, 2018. (In Russ.).

5. Zhurbenko A. M., Seregin M. V. Counteraction to crimes in the sphere of illegal trafficking of alcohol-containing products. In: Science of the young — the future of Russia. Collection of scientific articles of VI International scientific conference of prospective developments of young scientists, 9—10 December 2021, Kursk, Russia. Vol. 2. Humanities. Jurisprudence. State. Kursk: Southwestern State University; 2021: 250—254. (In Russ.).

Кубицки Алина Владимировна,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России;
kuba.alin@mail.ru

Kubitsky Alina Vladimirovna,
associate adjunct
of the Volgograd academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
kuba.alin@mail.ru

Статья поступила в редакцию 26.12.2022; одобрена после рецензирования 09.01.2023; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 26.12.2022; approved after reviewing 09.01.2023; accepted for publication 31.01.2023.

* * *

УДК 343.24(597)
doi: 10.25724/VAMVD.A088

ЦЕЛИ НАКАЗАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ

Чан Фи Лонг

Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина, Москва, Россия
tranphilongnv6@gmail.com

Аннотация. Вопрос о целях наказания является одним из центральных в уголовно-правовой науке. Четкое определение целей наказания играет важную роль в разработке систем и видов наказаний, а также в оценке их эффективности. Эта тема привлекает большое внимание ученых и законодателей Вьетнама и до сих пор остается дискуссионной. В настоящее время существуют разные взгляды на количество целей наказания, их содержание в уголовном праве Вьетнама. В частности, спорным является вопрос о месте кары по отношению к цели наказания, является ли восстановление социальной справедливости целью наказания. В статье подробно анализируется содержание целей наказания, указанных в Уголовном кодексе Социалистической Республики Вьетнам, таких как исправление осужденного; предупреждение совершения новых преступлений (в том числе общее и специальное предупреждение), взгляды авторитетных исследователей на исследуемую проблему. В содержании статьи также упоминаются цели применения уголовных наказаний к коммерческим юридическим лицам. Кроме того, автор сопоставляет цели наказания во вьетнамском и российском уголовном праве, показывая тем самым влияние российского уголовного права на вьетнамское уголовное право в целом и на институт наказания в частности.

Ключевые слова: цели наказания, восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение совершения новых преступлений, кара, зарубежное уголовное право, Вьетнам

Для цитирования: Чан Фи Лонг. Цели наказания в уголовном праве Социалистической Республики Вьетнам // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 1 (64). С. 145—150. doi: 10.25724/VAMVD.A088

AIMS OF PUNISHMENT IN THE CRIMINAL LAW OF THE SOCIALIST REPUBLIC OF VIETNAM

Chan Phi Long

Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Moscow, Russia, tranphilongnv6@gmail.com

Abstract. The question of the purpose of punishment is a central issue in criminal law science. The definition of the aims of punishment plays an important role in developing systems and types of punishments as well as in assessing effectiveness of punishments. This subject is of great attention of the scientists and the legislators in Vietnam and it is still a controversial issue. At present there are different views on the number of aims of punishment, content of these aims in the criminal law of Vietnam. In particular, the issue related to the place of punishment in relation to the aim of punishment whether restoration of social justice is the aim of punishment is debatable. The author of the article analyzes in detail the content of the aims of punishment to be specified in the Criminal Code (hereinafter referred to as the Criminal Code) of the Socialist Republic of Vietnam (hereinafter referred to as the SRV), such as: correction of the convict, prevention of the commission of new crimes (including general and special warning), the views of authoritative researchers concerning the question of the aim of punishment. The given article also deals with the objectives while applying criminal penalties to commercial legal entities. In addition, the author of the article compares the aims of the punishment in the Vietnamese and Russian criminal law, thus showing the influence of the Russian criminal law on the Vietnamese criminal law in general and on the institution of punishment in particular.

Keywords: aims of punishment, restoration of social justice, correction of the convict, prevention of new crimes, punishment/penalty; foreign criminal law, Vietnam

For citation: Chan Phi Long. Aims of punishment in the criminal law of the Socialist Republic of Vietnam. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 145—150, 2023. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A088

Вопрос о целях наказания не только и не столько юридический, сколько философский, так как веками он занимал умы крупнейших философов [1]. Философский словарь определяет: «Цель — категория не уголовно-правовая, а философская» [2, с. 534]. Такое понятие должно быть разработано уголовно-правовой теорией на основе его философской интерпретации. Поэтому с точки зрения юридической науки целями наказания являются не просто положения, установленные уголовным правом, а система междисциплинарных взглядов и теорий философии и юридической науки. А. И. Парог указывает: «Определение целей наказания имеет принципиальное значение, оно непосредственно связано с проблемой преступности, характеризует отношение общества к лицу, совершившему преступление» [3, с. 193].

Согласно ст. 31 Уголовного кодекса Социалистической Республики Вьетнам (УК СРВ) 2015 г. «наказание заключается не только в каре физических и коммерческих юридических лиц, совершающих преступления, но и в повышении у них осведомленности о соблюдении закона и правил жизни, в предупреждении совершения ими новых преступлений; просвещении людей, коммерческих юридических лиц о необходимости соблюдать закон, предупреждении преступности и борьбы с ней»¹. Нетрудно заметить, что вьетнамскими законодателями определены следующие цели наказания: 1) кара физических и коммерческих юридических лиц, совершающих преступления; 2) исправление и перевоспитание людей и коммерческих юридических лиц; 3) предупреждение совершения новых преступлений (в том числе общее и специальное предупреждение).

Следует подчеркнуть, что поскольку УК СРВ 2015 г. признал, что коммерческие юридические лица могут нести уголовную ответственность, в положениях о цели наказания, помимо людей, законодатели упомянули коммерческих юридических лиц.

Все Уголовные кодексы СРВ (1985, 1999 и 2015 г.) предусматривают, что «наказание заключается не только в каре людей, совершающих

преступления, но и...»². Нетрудно заметить, что вьетнамские законодатели определяют цель наказания аналогично законодательному приему, использованному советскими законодателями при разработке Уголовного кодекса Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) 1960 г. Это объясняется тем, что Вьетнам, как социалистическая страна, долгое время находился под влиянием советского уголовного права. Однако положение о целях наказания в УК СРВ также вызвало споры среди вьетнамских исследователей о каре и о том, является ли кара целью наказания. Это также являлось спорным вопросом среди исследователей в Советском Союзе после обнародования УК РСФСР 1960 г.

По мнению Фам Ван Бео, основной целью наказания является кара преступников. Не может быть преступного деяния, причинившего ущерб обществу, без наказания. Поэтому если мы не признаем карательной цели наказания, значит, мы отрицаем цель сохранения справедливости наказания, которая есть объективный факт, согласующийся с общественными законами [4, с. 212]. Касаясь этого вопроса, Дуонг Туйет Миен считает, что кара является целью наказания, но не основной. Последняя состоит в перевоспитании и исправлении осужденных, сознательном соблюдении ими закона и правил жизни, недопущении совершения новых преступлений [1]. Эти две цели сосуществуют, находятся в тесной взаимосвязи друг с другом и могут достичь конечной и главной цели перевоспитания преступников или коммерческих юридических лиц только в том случае, если к ним применено наказание, соразмерное совершенному ими преступлению. Кара осужденных создает основу для перевоспитания и исправления. В обратном случае перевоспитание и исправление лица или коммерческого юридического лица, совершившего преступление, должны способствовать позитивности содержания кары [5, с. 289]. Таким образом, можно утверждать, что связь между карой и перевоспитанием такова: «Кара есть не только цель, но и средство достижения конечной и главной цели наказания для осужденных — их перевоспитание и исправление» [6].

¹ Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам от 27 ноября 2015 г. № 100/2015/QH13. URL: https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Bo-may-hanh-chinh/Van-ban-hop-nhat-01-VBHN-VPQH-2017-Bo-luat-Hinh-su-363655.aspx#_ftn14 (дата обращения: 10.10.2022).

² Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам от 27 ноября 2015 г. № 100/2015/QH13.

В уголовно-правовой науке социалистических стран в целом и Вьетнама в частности ученые считают, что при социалистическом режиме кара не может быть целью наказания. Динь Ван Куэ полагает, что кара есть и сущность, и цель наказания. В разных странах, разных культурах, социально-экономических условиях наказания будут разными [7, с. 167—168].

Однако некоторые ученые не согласны с мнением, что кара является целью наказания [8; 9]. Чинь Тиен Вьет утверждает, что «кара не является целью наказания, это основная природа и самый основной характерный признак наказания. Если кары не будет, то наказание потеряет свое содержание, а уголовный закон станет бессмысленным» [9, с. 215]. Мы полностью согласны с этой точкой зрения, кару нельзя рассматривать как цель наказания, независимо от того, признается ли она главной или второстепенной целью. Эту точку зрения поддерживает и большинство исследователей уголовного права в России, считающих, что кара не является ни конечной, ни промежуточной целью наказания. А. И. Рарог также отмечает, что большинство российских криминалистов придерживались мнения, что кара не является целью наказания, а выражает его сущность [10]. Во Вьетнаме кара до сих пор является темой для споров среди исследователей, когда дело доходит до определения целей наказания.

Согласно п. 1 ст. 20 Конституции СРВ «каждый человек имеет право на неприкосновенность своего тела и на защиту законом своего здоровья, чести и достоинства; никто не может быть подвергнут пыткам, насилию, принуждению, телесным наказаниям или любым формам обращения, причиняющим вред его телу и здоровью либо оскорбляющим его честь и достоинство»¹. Следует подчеркнуть, что наказание в уголовном законодательстве Вьетнама не имеет своей целью причинение физической боли или унижение человеческого достоинства. Однако в Уголовном кодексе СРВ 2015 г. отсутствуют положения вышеуказанного содержания. На наш взгляд, необходимо в ближайшее время дополнить вышеизложенное содержание ст. 31 УК СРВ для уточнения целей наказания.

О воспитательно-исправительных целях наказания. Они указаны во всех Уголовных кодексах СРВ (1985, 1999, 2015 гг.). В УК СРВ 1985 г. цель наказания описывается через слово «исправление»,

в УК СРВ 1999 и 2015 гг. определена как «перевоспитание». Однако сущность этой цели остается неизменной, т. е. через применение наказания государство хочет воспитать у осужденного чувство подчинения закону и правилам жизни. Например, в ст. 3 УК СРВ 2015 г. предусмотрено следующее: «Лица, осужденные к лишению свободы, вынуждены отбывать наказание в местах лишения свободы, работать и учиться, чтобы стать полезными для общества людьми»². В настоящее время большинство исследователей Вьетнама считают, что исправление и перевоспитание осужденных является эффектом специального предупреждения. В процессе применения наказания осужденные будут повышать свою осведомленность о законе и не совершать новых преступлений.

Цель предупреждения преступлений (общее и специальное предупреждение) считается основной целью наказания во вьетнамском уголовном праве. Большинство ученых-криминалистов Вьетнама [1; 4; 6], говоря о целях наказания, склонны делить их: 1) на специальное предупреждение (кара и перевоспитание, исправление осужденных); 2) общее предупреждение (воспитание физических лиц, других коммерческих юридических лиц в области соблюдения закона, профилактика и борьба с преступностью). Данная классификация основана на положениях о целях наказания в УК СРВ, а также отражает приоритет цели предупреждения и пресечения преступлений.

Специальное предупреждение также отражает сложную взаимосвязь между карой и исправлением и перевоспитанием осужденных. Некоторые исследователи считают, что специальное предупреждение включает в себя две подцели: кара и перевоспитание, исправление осужденных. Они являются и содержанием, и методом достижения специального предупреждения, кара создает предпосылку, служит основой исправления и перевоспитания осужденных, помогая им осознанно соблюдать правила жизни, подчиняться закону и отказаться от преступных действий в будущем. Цель специального предупреждения считается достигнутой, если осужденный не совершил новых преступлений.

Помимо специально-предупредительной цели, наказание имеет и обще-предупредительную цель. Согласно ст. 31 УК СРВ 2015 г. наказание также заключается в «просвещении физических и коммерческих юридических лиц о необходимости соблюдать закон, предупреждении преступности

¹ Конституция Социалистической Республики Вьетнам от 28 ноября 2013 г. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Bo-may-hanh-chinh/Hien-phap-nam-2013-215627.aspx> (дата обращения: 10.10.2022).

² Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам от 27 ноября 2015 г. № 100/2015/QH13.

и борьбы с ней»¹. Привлечение преступников к уголовной ответственности и применение к ним наказаний, помимо кары и перевоспитания и исправления самих осужденных, оказывает влияние и на других членов общества. Нгуен Нгок Хоа указывает, что наказание имеет целью сдерживание, позволяющее «неустойчивым» субъектам в обществе подчиняться закону, добровольно отказываться от намерения совершить преступление или быть более осторожным в своих действиях, чтобы избежать совершения действий, считающихся преступными [6]. Кроме того, наказание имеет и воспитательную цель, способствуя повышению сознательности членов общества, их правосознания, тем самым поощряя и побуждая их к участию в борьбе с преступностью. Очевидно, Нгуен Нгок Хоа в широком смысле подразумевает, что наказание касается не только «неустойчивых» субъектов, но и может воздействовать на всех других физических и юридических лиц в обществе. Большинство исследователей уголовного права во Вьетнаме придерживаются этого мнения. На наш взгляд, изложенная позиция смешивает цель наказания с общей целью уголовного права. Согласно преобладающей точке зрения, общепредупредительная цель адресована не всем гражданам, а лишь социально «неустойчивым». Население в целом уголовным законом не воспитывается и в таком воспитании не нуждается [3, с. 196].

Кроме целей, указанных в УК СРВ, некоторые исследователи, такие как Хо Ши Шон и Чинь Тиен Вьет, считают, что наказание также имеет целью восстановление социальной справедливости [8; 9]. Понятия «преступление», «уголовная ответственность» и «наказание» являются центральными в уголовном праве и находятся в особой взаимосвязи друг с другом. По сути, деяние признается преступлением, когда оно представляет особую опасность для общества, и это деяние указано в Уголовном кодексе. Совершение деяния, признаваемого преступлением, имеет следствием привлечение лица к уголовной ответственности и соответствующее наказание в соответствии с вступившим в законную силу приговором суда. Поэтому можно считать, что в процессе применения наказания социальная справедливость восстановлена. Однако этот вопрос обсуждается только исследователями, которые отмечают, что это одна из целей наказания. В УК СРВ (1985, 1999, 2015 г.)

никогда не упоминалось о восстановлении социальной справедливости как цели наказания.

УК СРВ 2015 г. впервые признал коммерческие юридические лица субъектом преступления, они наравне с физическими лицами могут быть привлечены к уголовной ответственности. Поэтому в систему наказаний добавляются и виды наказаний для коммерческих юридических лиц. Согласно ст. 33 УК СРВ 2015 г. виды наказаний для коммерческих юридических лиц включают: штраф, приостановление деятельности на определенный срок, постоянное приостановление деятельности, запрет на деятельность в определенных сферах, запрет на привлечение капитала.

Следует подчеркнуть, что в УК СРВ цели наказания физических лиц и коммерческих юридических лиц не различаются. Из этого следует, что цели наказания для коммерческих организаций также включают в себя кару, исправление и перевоспитание, предупреждение совершения новых преступлений. Коммерческое юридическое лицо — это юридическое лицо, основной целью которого является получение прибыли. Преступные действия коммерческих юридических лиц, с одной стороны, влекут за собой опасные последствия для общества, а с другой — нарушают отношения, основанные на равенстве хозяйствующих субъектов, осуществляющих свою деятельность. Например, коммерческое юридическое лицо совершает контрабанду (ст. 188 УК СРВ). Следовательно, другие юридические лица, работающие в той же сфере, окажутся в невыгодном положении при конкуренции с вышеуказанным юридическим лицом.

По мнению Динь Ван Куэ, «наказание для коммерческих юридических лиц в основном направлено на создание бизнес-среды для здоровой конкуренции между секторами экономики» [7, с. 415]. Эта цель обеспечивает принцип равенства в уголовном праве. Путем применения мер наказания к коммерческим юридическим лицам, совершающим преступления, восстанавливается социальная справедливость.

На наш взгляд, целью наказания вообще и для коммерческих юридических лиц в частности, конечно же, является не кара, а исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений. Что касается того, является ли восстановление социальной справедливости целью наказания, для определения этого вопроса необходимы дополнительные исследования.

Таким образом, изучив цели наказания в уголовном праве Социалистической Республики Вьетнам, можно сделать следующие выводы.

¹ Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам от 27 ноября 2015 г. № 100/2015/QH13.

Во-первых, учение о целях наказания на протяжении долгого времени возбуждало исследовательский интерес многих ученых-криминалистов.

Во-вторых, Уголовный кодекс СРВ различных периодов (1985, 1999, 2015 гг.) указывал, что кара является целью наказания. Однако вьетнамские исследователи уголовного права до сих пор дискутируют по этому вопросу.

В-третьих, основными целями наказания считаются перевоспитание и исправление осужденных, предупреждение совершения новых преступлений (общее и специальное предупреждение).

В-четвертых, восстановление социальной справедливости привлекает внимание исследователей как цель наказания.

В-пятых, уголовное законодательство Социалистической Республики Вьетнам находится под сильным влиянием советского и действующего российского уголовного законодательства, поэтому при принятии уголовно-правовых норм, направленных на совершенствование положений об уголовных наказаниях в целом и о целях наказания в частности, вьетнамским законодателям следует обращаться к законодательному опыту Российской Федерации.

1. Дуонг Т. М. О целях наказания // Юридический журнал. 2000. № 3. С. 27—30.

2. Философский словарь / А. В. Адо [и др.]; под ред. И. Т. Фролова. Москва: Политиздат, 1986. 588 с.

3. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учеб. для бакалавров / отв. ред. А. И. Рарог. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2017. 624 с.

4. Фам В. Б. Уголовное право Вьетнама. Часть Общая: учеб. для бакалавров. Университет Кан Тхо, 2008. 308 с.

5. Уголовное право Вьетнама. Часть Общая: учеб. для бакалавров / отв. ред. Нгуен Н. Х. 24-е изд., перераб. и доп. Ханой: Ханойский юридический университет, Народная полиция, 2018. 428 с.

6. Нгуен Н. Х. Цели наказания // Юридический журнал. 1999. № 1. С. 9—11.

7. Динь В. К. Комментарии к Уголовному кодексу 2015 г.: Общие положения части первой (подробный комментарий). Ханой: Информация и коммуникации, 2022. 427 с.

8. Хо Ш. Ш. Ограничения в положениях УК СРВ 1999 г. о понятии наказания, цели наказания и направлении исправительного воздействия // Юридический журнал. 2008. № 10. С. 47—50.

9. Чинь Т. В. Уголовная ответственность и наказания: учеб. для магистров и аспирантов юрид. фак. Ханой: Вьетнам. нац. ун-т, 2021. 459 с.

10. Рарог А. И. Цели наказания в науке уголовного права // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 2 (123). С. 125—139.

1. Duong T. M. On purposes of punishment. Journal of law, 27—30, 2000. (In Russ.).

2. Ado A. V. (et al.) Philosophical dictionary. Ed. by I. T. Frolov. Moscow: Politizdat; 1986: 588. (In Russ.).

3. Criminal law of Russia. Parts General and Special. Textbook for bachelors. Ed. by A. I. Rarog. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Prospekt; 2017: 624. (In Russ.).

4. Pham V. B. Criminal law of Vietnam. Part General. Textbook for bachelors. Can Tho University; 2008: 308.

5. Criminal law of Vietnam. Part General. Textbook for bachelors. Ed. by Nguyen N. H. 24th ed., rev. and add. Hanoi: Hanoi Law University, People's Police; 2018: 428.

6. Nguyen N. H. Purposes of punishment. Journal of law, 9—11, 1999.

7. Dinh V. K. Comments on the Criminal Code of 2015: General provisions of Part One (detailed commentary). Hanoi: Information and communications publishing house; 2022: 427.

8. Kho Sh. Sh. Restrictions in the provisions of the Criminal Code of the Socialist Republic of Vietnam in 1999 relayed to the concept of punishment, purpose of punishment and way of corrective action. Journal of law, 47—50, 2008. (In Russ.).

9. Chin T. V. Criminal liability and pPunishment. Textbook for masters and postgraduate students of the faculty of law. Hanoi: The Vietnam National University; 2021: 459.

10. Rarog A. I. Purposes of punishment in the science of criminal law. Actual problems of Russian law, 125—139, 2021. (In Russ.).

Чан Фи Лонг,

аспирант кафедры уголовного права
Московского государственного
юридического университета
им. О. Е. Кутафина;
tranphilongnv6@gmail.com

Chan Phi Long,

postgraduate student
at the department of criminal law
of the Moscow State Law University
named after O. E. Kutafin;
tranphilongnv6@gmail.com

Статья поступила в редакцию 09.01.2023; одобрена после рецензирования 20.01.2023; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 09.01.2023; approved after reviewing 20.01.2023; accepted for publication 31.01.2023.

* * *

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ
В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA»**

Требования к техническому оформлению

Научно-методический журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia» является периодическим печатным изданием Волгоградской академии МВД России.

Журнал основан в 2006 г. Выходит 4 раза в год тиражом 500 экземпляров. ISSN 2074-8183

Регистрационный номер в Роскомнадзоре — ПИ № ФС77-75804 от 23 мая 2019 г.

Журнал свободно распространяется на территории Российской Федерации и за ее пределами путем подписки по каталогу «Пресса России». Подписной индекс в каталоге «Пресса России» — 22761.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Полнотекстовые версии статей и пристатейные библиографические списки помещаются на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru).

Журнал ориентирован на широкую читательскую аудиторию.

Приоритетными задачами издания являются:

- представление продуктивных идей и современных научных точек зрения специалистов из разных областей знания по вопросам эффективного развития высшей школы и высшего юридического образования;
- представление результатов проектной деятельности и научных исследований, выполненных в научно-исследовательских и образовательных организациях МВД России;
- информирование о внедрении результатов научных исследований в практику органов внутренних дел;
- обмен педагогическим опытом преподавателей родственных специальностей различных образовательных организаций;
- аналитические обзоры научно-методической и юридической литературы.

В журнале представлены следующие рубрики:

1. Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право.
2. Уголовный процесс.
3. Криминалистика.
4. Оперативно-разыскная деятельность.
5. Трибуна молодого ученого.

Представляемая к изданию рукопись должна:

- по своему содержанию соответствовать приоритетным задачам журнала;
- содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать ее в названии работы;
- предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для образовательного процесса, научных разработок, деятельности правоохранительных органов.

Преимущественное право на публикацию имеют подписчики журнала.

Объем статьи не должен быть менее 12 машинописных страниц. Рукописи представляются в виде распечатки текста (2 экз.), подготовленного в редакторе Microsoft Word, на одной стороне листа формата А4 через полтора интервала, шрифт Times New Roman, размер 14. Поля на странице: слева и снизу 25 мм, сверху 20 мм, справа 10 мм.

Допускается наличие по тексту рисунков, таблиц, диаграмм и формул.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат TIFF или JPEG, режим градиент серого или битовый, разрешение 300 dpi). Обязательно наличие подрисовочных подписей, названий таблиц.

Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте.

Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Каждая статья должна содержать:

- заголовок на русском и английском языке;
- аннотацию¹ на русском и английском языке (рекомендуется не менее 120 слов);
- ключевые слова² на русском и английском языке;
- сведения об авторе на русском и английском языке (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты — данные сведения будут опубликованы);
- пристатейный библиографический список, оформленный в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования на основании ГОСТ Р 7.0.5-2008, на русском и английском языке;
- код универсальной десятичной классификации (УДК).

Перевод на английский язык обязательно должен быть заверен в бюро переводов или руководителем кафедры иностранных языков образовательной организации высшего образования.

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее — дата, ФИО руководителя, его подпись.

К статье прилагаются:

- копия подписной квитанции;
- заявка (бланк на сайте);
- идентичный вариант статьи и заявки на электронном носителе. Дополнительно электронные варианты статьи и заявки необходимо выслать по электронной почте mkolosovich@mvd.ru;
- отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов, соискателей).

Все документы можно представить лично либо отправить в одном конверте (простым или заказным письмом без объявленной ценности) на адрес редакции:

400075, Волгоград, ул. Историческая, д. 130.

Волгоградская академия МВД России, редакционно-издательский отдел,

журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России».

E-mail: mkolosovich@mvd.ru

Тел.: (8442) 24-83-55, +7 (902) 380-00-88.

При получении рукописи проводится проверка на соответствие представленных материалов настоящим требованиям, сличаются печатный и электронный вариант. Если все документы оформлены правильно, рукописи присваивается регистрационный номер. В случае неправильного оформления документов автор получает извещение об этом.

¹ **Аннотация** — краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

² **Ключевые слова** используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5—15) слов, которые передают основное содержание документа. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, действующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД — это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.

Рецензирование и опубликование статьи

Каждая рукопись, представляемая к публикации, проходит экспертную оценку и рецензирование членами редакционного совета научно-методического журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia» по следующим критериям:

- актуальность;
- научная новизна;
- теоретическая и прикладная значимость;
- исследовательский характер;
- логичность и последовательность изложения;
- аргументированность основных положений;
- достоверность и обоснованность выводов.

На этапе рецензирования каждая статья, представляемая к публикации, рецензируется одним из членов редакционного совета журнала. При отказе в направлении на рецензирование представленной автором рукописи редакция направляет автору мотивированный ответ. Статья, рекомендованная к опубликованию после доработки, устранения замечаний, проходит повторное рецензирование у того же члена редакционного совета, который осуществлял первичное рецензирование данной статьи. В этом случае датой поступления статьи в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Если в результате повторного рецензирования получен отрицательный отзыв рецензента, редакция отказывает автору в публикации статьи.

В случае отказа в публикации статьи редакция направляет ее автору мотивированное уведомление о принятом решении. По требованию автора ему представляется копия рецензии.

Принимаются к рассмотрению работы объемом до двух машинописных страниц, содержащие краткие отзывы и рецензии на уже опубликованные в журнале статьи (рецензия члена редакционного совета не обязательна).

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Не принимаются статьи, имеющие менее 70 % оригинального текста.

Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВА МВД России.

В переписку по электронной почте редакция не вступает.

ЗАЯВКА¹
на публикацию статьи в научно-методическом журнале
«Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia»

Я (мы), _____
фамилия, имя, отчество полностью
 прошу (просим) опубликовать мою (нашу) статью « _____ »

название статьи

в научно-методическом журнале «Вестник Волгоградской академии МВД России».

Данной заявкой я (мы) также:

1. Подтверждаю(ем), что статья создана мной (нами) лично и публикуется впервые.
2. Даю(ем) согласие на осуществление редактирования моей (нашей) статьи, которое не должно повлечь за собой изменения ее смысла, включения дополнений к ней без моего (нашего) согласия.
3. Даю(ем) согласие на совершение издателем журнала любых действий, направленных на доведение моей (нашей) статьи до всеобщего сведения: размещение в сети Интернет, включение в электронные базы данных, — а также на безвозмездную передачу исключительных прав третьим лицам, при условии соблюдения моих (наших) неимущественных авторских прав (права авторства, права на имя, права на неприкосновенность произведения).
4. Даю(ем) согласие на извлечение из моей (нашей) статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя (имена) автора(ов) (правообладателя(ей)), аннотация, ключевые слова, список библиографических ссылок) в целях их включения в базу данных РИНЦ — Российский индекс научного цитирования, — содержащую библиографическую информацию (библиографические описания статей и пристатейные ссылки).
5. Гарантирую(ем), что при подготовке материалов рукописи научной статьи не использовались сведения, попадающие под действие перечня сведений, составляющих государственную тайну (статья 5 Закона Российской Федерации «О государственной тайне»). Сведения, содержащиеся в рукописи статьи, не относятся к перечню сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденному Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203, перечню сведений, подлежащих засекречиванию МВД России, утвержденному приказом МВД России от 10 сентября 2018 г. № 580 дсп, а также п. 2 Инструкции по организации деятельности по обращению со служебной информацией ограниченного распространения в системе МВД России, утвержденной приказом МВД России от 9 ноября 2018 г. № 755. Рукопись предназначена для опубликования без грифа секретности, а также без пометки «для служебного пользования».
6. Даю(ем) согласие на хранение и обработку моих (наших) персональных данных, указанных в анкете автора, без ограничения по сроку.
7. О себе сообщаю(ем) следующие сведения²:

1. ФИО полностью	
2. Ученая степень	
3. Ученое звание	
4. Место работы	
5. Должность	
6. Адрес электронной почты	
7. Номер телефона	
8. Контактная информация для размещения в журнале	

8. О статье сообщаю(ем) следующую информацию:

1. Название статьи	
2. Аннотация (рекомендуется не менее 120 слов)	
3. Ключевые слова	
4. Рубрика	

« ____ » _____ 20____ *подпись* *фамилия, инициалы³*

¹ Статьи, поступившие в редакцию журнала без заявки, рассматриваться не будут.

² Таблица заполняется на каждого автора.

³ Заявка подписывается каждым автором.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК